

У Р А Л Ь С К И Й ISSN 0134-241X
СЛЕДОПЫМ
8 • 2000

**ИЗ ИСТОРИИ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА» * ТАЙНА ИМЕНИ ЕРМАКА *
ХАРБИН: РУССКИЙ ГОРОД НА ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ * АЛЕКСАНДР ПАПЧЕНКО «ДВЕ
ПРИГОРШНИ УДАЧИ * ФАНТАСТИКА * ЭКСПЕДИЦИИ * ПРОЗА * ПОЭЗИЯ**

ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ

Камень Переволочный

У последних домов деревни Мартьяновой, что в Шалинском районе Свердловской области, справа по берегу Чусовой видны два камня — Востренький и Палатка. В этом месте река делает почти полный круг. Пройдя пять километров, она снова подходит к камню Палатка, но уже с противоположной стороны. Перешеек между плёсами Чусовой составляет здесь 60-70 метров. Его легко перейти по тропе, уходящей вверх по глинистому обрыву к камню Переволочному.

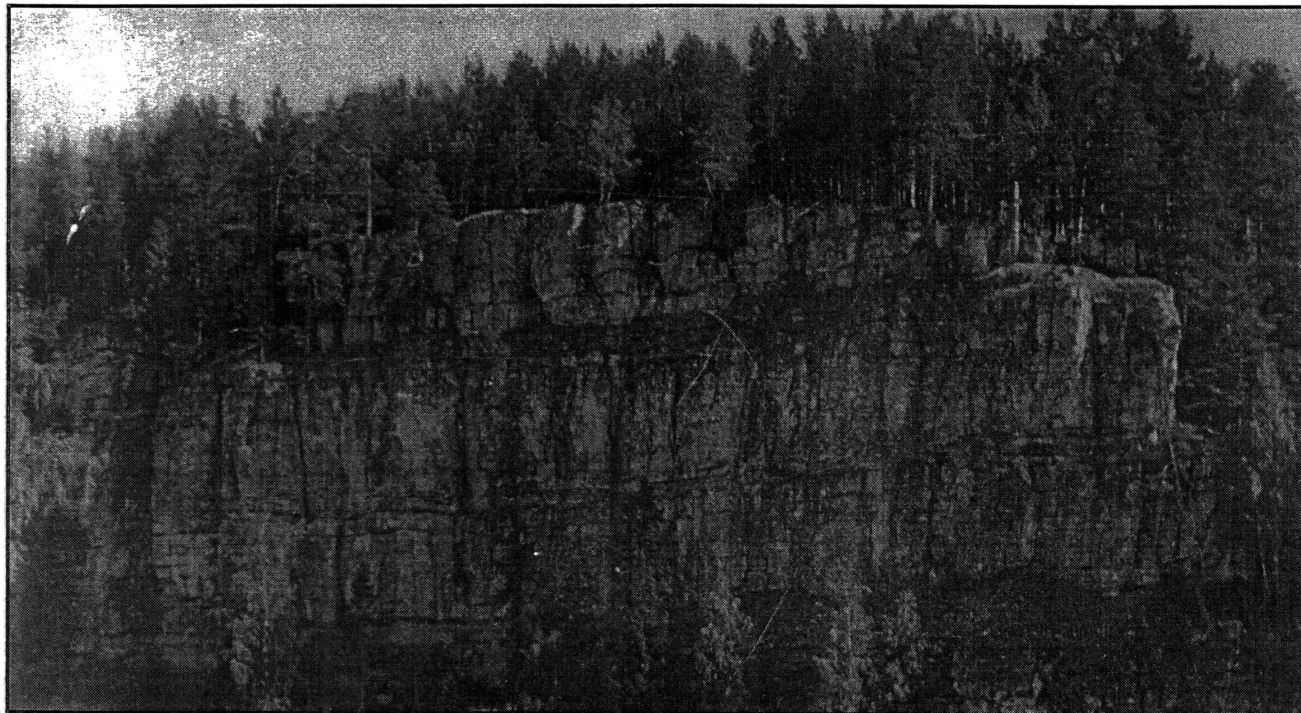
Камень Переволочный напоминает развалины стен и башен древнего замка. В его известняках много окаменелостей. Из-за крутизны поворота реки в этом месте камень Переволочный был опасен для проходивших мимо барок, груженных слитками металла уральской работы. У Камня ставились запльви — связки из бревен для предохранения судов от удара. В 1878 году были срезаны мысы на обоих поворотах, в особенности на верхнем, чтобы сделать их более пологими.

Мартьянова — деревня старинная. Возникла в начале XVII века. По слухам, поселились здесь двое беглых. Мезенин — на левом берегу, Ошурков — на правом. И с тех пор господствуют в Мартьяновой эти две фамилии вплоть до нашего времени. Может быть, кто-то из них был Мартьяном — потому и Мартьянова. Деревне действительно много лет: она есть уже на карте Семёна Ремезова 1701 года наряду со слободами Сулемской и Чусовской и деревнями Волеговой и Романовой.

Как сообщает Н.К. Чупин в «Географическом и статистическом словаре Пермской губернии», на Мартьяновской пристани на речные суда грузили льняное семя, масло коровье и постное, жир рыбий и олений, сало, сальные свечи и конский волос. А суда (коломенки), по словам старожилов, строили тут же, в Мартьяновой.

О деревне сохранилась недобрая память в истории чусовского сплава. В 1877 году караван судов из-за большеводья вынужден был остановиться в Мартьяновой. Судорабочие почти все с барок сбежали (было время посевной), и заводы понесли на этом огромные убытки.

Владимир ТРУСОВ

Фото О. Щетинина

«Хочешь
двигаться —
ищи
попутчика»

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

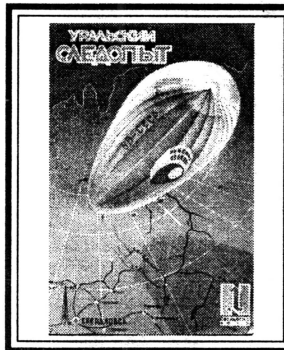

ИСТОРИЯ, ФАНТАСТИКА, ПУТЕШЕСТВИЯ

В номере:

82000

Константин КРУТСКИХ
Владимир ЗИМИН
Олег ВОДОПЬЯНОВ
Юрий и Тамара ЛИТВИНЕНКО
Эдуард МОЛЧАНОВ

**РЕКА
ВРЕМЕНИ**

СТР. 3-34

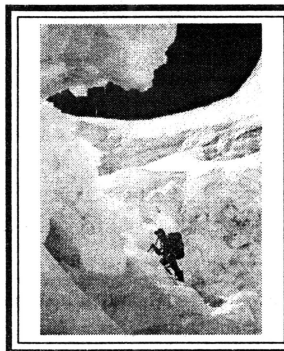
И. МЕРИНОВ
Августа КОСАРЕВА

АЭЛИТА

СТР. 35-52

Валерий ПЕРШИН
Сергей СОЛОВЬЕВ
Александр ПАПЧЕНКО
Елена БОЧКАРЕВА
Светлана ЭСТ

**ВСТРЕЧНЫЙ
ВЕТЕР**

СТР. 53-79

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ВСЕМИРНАЯ КРУГОСВЕТНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЮНЕСКО «ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ТРОПОЙ»

Экспедиция «Великой Северной тропой» пройдет на собачьих упряжках вдоль всего полярного круга по странам: Россия, США (Аляска), Канада, Дания (Гренландия), Исландия, Швеция, Финляндия. Основная задача экспедиции — привлечь внимание общественности, правительственных и деловых кругов к проблемам российского Севера, развитию экономической и культурно-образовательной базы этого важнейшего для России региона, таящего в себе множество до сих пор полностью нераскрытых возможностей.

В ПРОГРАММЕ ЭКСПЕДИЦИИ:

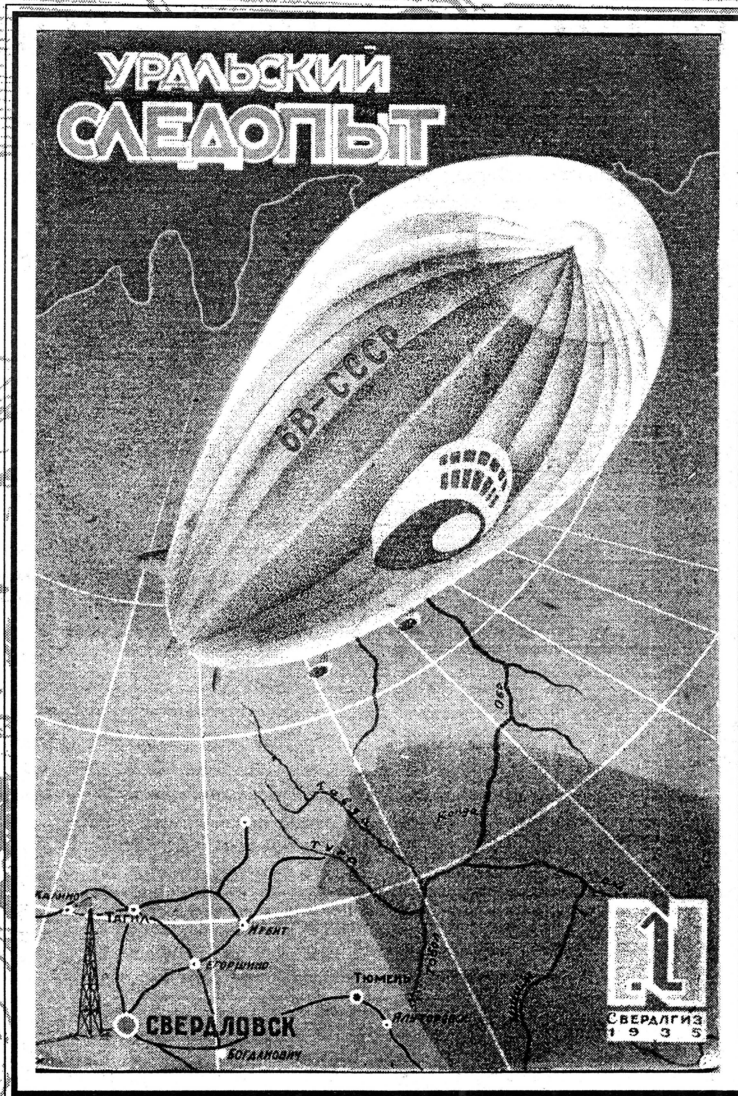
- проведение экономико- и социально-географических исследований;
- реализация проекта Международного передвижного Университета, включающего в себя проведение занятий и конференций в сети Интернет, интерактивное общение участников экспедиции и жителей северной глубинки прямо с маршрута со всеми пользователями Сети, выезд желающих участников непосредственно на маршрут;
- съемка 52-серийного телефильма о Севере;
- проведение Всероссийского конкурса на лучшее журналистское произведение, посвященное целям и задачам экспедиции;
- издание серии книг под общей рубрикой «Из книг Всемирной Кругосветной экспедиции ЮНЕСКО «Великой Северной тропой», фотоальбома «Человек и Север», дневника Всемирной экспедиции ЮНЕСКО «Великой Северной тропой», сборника публицистики по проблемам Севера «Север — судьба России»;
- издание экономико-географического атласа Севера, международного справочника «2000 наиболее крупных и влиятельных предприятий Севера», информационно-аналитического справочника по странам Полярного бассейна и каталога инвестиционных проектов Севера;
- испытание снаряжения, реклама продукции фирм, выпускающих товары для Севера, выпуск каталога товаров и услуг спонсоров Всемирной Кругосветной экспедиции ЮНЕСКО «Великой Северной тропой».

Оргкомитет ВКЭ ЮНЕСКО «Великой Северной тропой» приглашает всех, кому не безразличны судьбы России и российского Севера, принять посильное участие в подготовке и проведении экспедиции, а также в реализации ее проектов и инициатив. Более подробная информация для Спонсоров, Меценатов, Волонтеров и Участников размещена на сайте <http://www.users.ur.ru:8081/~polarex>. Фонда ВКЭ ЮНЕСКО «Великой Северной тропой» в сети Интернет.

Фонд Всемирной Кругосветной экспедиции «Великой Северной тропой»
Россия, 620075, г. Екатеринбург, ул. К. Либкнехта 45.
Тел.: (3432) 700-853, 700-851. Факс: (3432) 700-849. E-mail: SSS@mail.ur.ru

Интервью с руководителем экспедиции Соловьевым С.А. на стр. 58

РЕКА ВРЕМЕНИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 4
Константин КРУТСКИХ. «Русский Кэмпбелл»	стр. 5
Владимир ЗИМИН. «Ворскла»	стр. 9
Олег ВОДОПЬЯНОВ «Цивилизация третьего типа с планеты Земля»	стр. 15
Юрий и Тамара ЛИТВИНЕНКО. «Тайна легендарного имени»	стр. 20
Олег ВОДОПЬЯНОВ. «Харбин: русский город на чужой земле»	стр. 25
Эдуард МОЛЧАНОВ. «Баллада о броневике»	стр. 31
Литературный клуб «Журавушка»	стр. 34

ВЕРСИЯ

Этот раздел в «Следопыте» начался в 1994 году «частным расследованием» Михаила Михайлова «Пирамиды Египта — метод и технология». Ну, какая, казалось бы, нужна смелость, чтобы нетрадиционно высказаться по поводу способов сооружения египетских пирамид? Но автор отнюдь не случайно спрятался за псевдонимом: мнение, не совпадающее либо с официальным, либо с общепринятым в ученом мире, у нас не жаловали. Да и нынче косо смотрят. Спасибо, что не жгут на кострах как Джордано Бруно. Монополия на истину самая коварная из всех монополий. Из-за ее непреложно праведной спины корчит нам рожицы лукавый, точно так же, как если бы он вошел нас в лесу вокруг одной и той же сосны.

Начиная с 1994 года, когда появился раздел «Версия», редкий номер «Уральского следопыта» без него обходится. Версии, догадки, предположения, открытия хлынули потоком. Застоявшаяся мысль вырвалась из кухонных застолий и одиноких полуночных бдений. Она помогает нам каждое утро просыпаться другими и ступать еще босой ногой в совсем другую, чем вчера, реку жизни. В этом непреходящая прелесть нашего с вами бытия.

Вот и нынешний номер журнала прямо-таки напичкан версиями. Владимир Зимин из г. Иваново в очерке «Ворскла» не вполне традиционно прочитал страничку русской истории XIV века; о цивилизации третьего типа продолжает размышлять под парусами необузданного ветра Олег Водопьянов, а екатеринбуржцы Юрий и Тамара Литвиненко предлагают свою версию возникновения имени «Ермак».

Каждый из нас имеет право на свое видение мира и логику развития событий. Ведь любая наша версия, если мы доверили ее перу, имеет признаки жанра автобиографии. Мы прежде всего о себе рассказываем — об уровне наших знаний, культуре мышления...

«Еже писах, писах», — сказал герой евангельской легенды.

Юний ГОРБУНОВ

325 ЛЕТ исполнилось городу Арамиллю — одному из старейших населенных пунктов Среднего Урала. Он возник в устье реки Арамилки, притоке Исети, и стал центром Арамилской слободы на границе с башкирскими землями. Зачинателем слободы считается крестьянин Михаил Сарапульцев. В 1711 году уже стояла крепость из двух рубленых острогов с башнями, укрепленных со стороны рек насыпью и заборами. Внутри острога находилась деревянная церковь, государев двор, где жил приказчик, судная изба, дворы церковнослужителей, драгун, пушкарей...

К началу XVIII века в состав Арамилской слободы вошла территория многих будущих заводов: Екатеринбургского, Сысертского и Ревдинского. Так что Арамилль можно назвать матерью уральских заводов.

И. ПРЯНИКОВА

Наособицу живет село Ковачица в сербском крае Воеводина. Летом каждая семья здесь обрабатывает свои кукурузные и пшеничные поля, виноградные плантации и сады, а зимой здешние жители превращаются в отменных художников и ремесленников. Их примитивная, по-местному «наивная» живопись и фигурки крестьян в национальной одежде, сделанные из кукурузных початков, выставлены во многих художественных галереях мира. По местному поверью, 50 лет назад один из местных деятелей искусства посоветовал землякам: «Рисуйте себя, свою жизнь, все, что вас окружает, и не подражайте никому». С тех пор местные бабки и деды в одной руке держат мотыгу, а в другой — кисть.

Ковачица знает себе цену. Ее картины, наряду с работами Сальвадора Дали, хранятся в специальном фонде Организации Объединенных Наций. А на покупку их может раскошелиться только очень богатый европеец.

«Областная газета»

Возрожден музей, построенный в Москве почти столетие назад известным меценатом Саввой Мамонтовым. Он возвел особняк, похожий на сказочный терем, и разместил в нем Торгово-промышленный музей кустарных изделий. Сюда, в самый центр столицы, со всех концов Руси народные умельцы привозили свои работы на показ и продажу. Ныне чудесный особняк получил второе рождение: мастера и ремесленники теперь бесплатно выставляют в нем свои работы. Недавно здесь «гостили» «Славянская» коллекция женского костюма Елены Стариковой, золотошвейные иконы Лидии Чекуновой.

«Российская газета»

Спустя почти семьдесят лет возобновились службы в Свято-Троицком соборе Верхотурья. Это первый каменный собор в древнем городе, построенный на месте деревянной церкви Святой Троицы в конце XVII века, когда по указу Петра I было разрешено каменное строительство на Урале. Свято-Троицкий собор — единственный в Верхотурье, являющийся мировым памятником архитектуры и находящийся под охраной ЮНЕСКО.

Константин КРУТСКИХ

РУССКИЙ КЭМПБЕЛЛ

Попов Владимир Алексеевич

Если спросить любого англоязычного читателя, кто был величайшим редактором НФ журналов, он, не задумываясь, ответит: Джон Кэмпбелл. И будет прав — именно этот человек открыл, практически, всех видных авторов золотого века американской Фантастики. Заслуги Кэмпбелла велики настолько, что его именем названы две престижные премии.

В нашей стране мало кто ответит столь определенно. Не мудрено. Недостаток информации привел к забвению многих замечательных писателей, а что уж тогда говорить о редакторах! И все-таки, в истории русской печати есть имя, вполне достойное титула величайшего редактора НФ.

...Журнал «Вокруг света» буквально загнивал. За шестнадцать лет своего существования в издатель-

стве И.Д. Сытина он успел изрядно сдать позиции. Потянувшаяся в начале нового века череда «редакторов на час» не спасала дело. Только в 1907 году их сменилось двое, а журнал скатывался все ниже. Этот год довел издание «до ручки». Литература занимала странички две в номере. Оскандалились тем, что под именем нового напечатали роман Уэллса, переведенный уже три года назад. Значительную часть географических очерков заимствовали из газет. Публиковали слюнявые дамские стишки, бытовую прозу, политическую хронику, отчеты из Думы, рекламировали презервативы.

В новом году Иван Дмитриевич решил попытаться счастья с новой заменой. Во главе старейшего из своих изданий он поставил молодого талантливого писателя Владимира Алексеевича Попова. В пользу этого решения говорило многое. Этот человек вырос в семье корректора и был всецело предан книгоизданию. В Фирме Сытина он проработал всего год — редактировал небольшой специальный журналчик «Вестник книжного, учебного и библиотечного дела» — и успел зарекомендовать себя как нельзя лучше. К тому же, опыт сотрудничества в «Вокруг света» у него уже был — здесь опубликована под псевдонимом Алешин историческая повесть «Винета», потонувший город».

С первых же номеров 1908 стало ясно, что выбор издателя наконец-то увенчался успехом. Литература сразу же заняла половину объема. И какая литература! Появились Конан Дойль, Джек Лондон, Киплинг, Хаггард. Намного расширился круг переводов. Если до этого обращались, в основном, к французским и английским авторам, то теперь все чаще стали появляться переводы с немецкого, датского, норвежского, итальянского, испанского языков. Фантастика, детектив, вестерн прочно закрепились на страницах издания. В плане журналистики так же изменилось многое. Страницы заполнились оригинальными очерками о путешествиях, совершенных специально по заданию редакции. Впервые в практике русской прессы появилась цветная обложка.

Но все эти заслуги вряд ли бы позволили назвать Попова великим, если бы не одна его черта. Главной своей целью он ставил поиск новых имен в отечественной литературе. Произведения русских фан-

тастов стали появляться все чаще и чаще. Правда, дореволюционная русская фантастика обладала странным свойством — к ней обращались многие, но быстро отказывались. По страницам журналов тех лет разбросаны многочисленные опыты, оставшиеся для авторов единственными. И все-таки несколько крупных, ныне незаслуженно забытых имен, Попову открыть удалось. Например, Н. Первухин — первый в нашей стране обратившийся к жанру «альтернативной истории», автор масштабных романов «Вторая жизнь Наполеона» и «Пугачев-победитель». Интересным открытием стал так же А. Числов, автор коротких рассказов, новаторски осмысливавших темы, ставшие к тому времени штампами НФ.

Попов не остановился на обновлении старого журнала, но решил освежить и его приложения.

Надо заметить, что в 1890-1930-х годах ни одно уважающее себя издание не обходилось без приложений. Газеты и журналы любой тематики считали своим долгом «давать читателю» самый широкий спектр печатной продукции. У некоторых изданий число приложений достигало пяти. Собрания сочинений лучших писателей, литературные ежемесячники и альманахи, картины, географические карты — все это входило в стоимость подписки, или же добавлялось за смехотворную доплату (примерно в четверть подписной цены). Можно было получить книжную «премию» только за то, что подписался не в рассрочку. Памятные современному читателю литературные приложения «Огонька» — единственное напоминание о былой роскоши, сохранившееся с довоенных времен. Сейчас некоторые московские журналы снова выпускают приложения, даже по два-три. Вот только цена их превышает цену самих изданий в двое-трое. Их цель — не привлечь читателя, а выкачать лишние деньги.

Чем же можно было выделить среди этого моря роскоши? Многомники мастеров фантастики и приключений выходили при журнале уже давно. Но Попов сумел проявить недюжинную выдумку. Он был, пожалуй, первым в нашей стране, кто решил выделить фантастику и приключения в отдельное — не географическое и не научно-популярное издание. И

вот, в 1911 году в качестве приложения к «Вокруг света» появляется специализированное литературное издание «На суше и на море». Это был журнал из разряда, как мы их сейчас называем, «толстых». В отличие от тогдашнего еженедельного «Вокруг света», он выходил раз в месяц. Это давало редакции значительное преимущество. Теперь ни одно интересное произведение не могло быть отвергнуто из-за объема. Каждый номер журнала был как бы отдельной книжкой — сборником рассказов, или большим законченным романом.

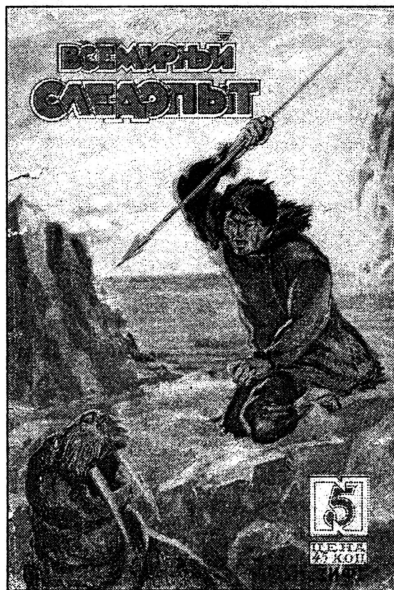
В 1914 году Владимир Алексеевич создал и еще один специализированный ежемесячник «Вестник спорта и туризма». Здесь во всю развернулся его педагогический талант. Помимо хроники и очерков публиковались и практические рекомендации, пропагандировалось скаутское движение.

Можно только удивляться энергии и трудоспособности Попова. Несмотря на то, что он с головой ушел в работу над «Вокруг света» с приложениями, он продолжал редактировать «Вестник книжного, учебного и библиотечного дела». А в 1911 году Сытин предложил ему еще и новый детский журнал «Мирок». Всеми этими изданиями Попов занимался вплоть до закрытия.

Невиданная доселе битва народов на время прекратила выход «На суше и на море». В 1915 году Попов преобразовал это приложение в журнал «Мировая война». Впрочем, издание не было полностью злободневным. В нем помещались и исторические сведения о борьбе славян с германцами.

Но, видя, что война слишком затягивается, а жизнь идет, редактор счел необходимым вновь заняться выпуском увлекательного чтения. Вот только вместо старого дал приложению название, говорящее само за себя — «Журнал приключений». Теперь ежемесячник расцвел еще больше — и фантастика занимала в нем примерно половину объема.

1917 год стал последним для Сытинской империи. К чести издателя и редакторов надо сказать, что издательство держалось до последнего. Журналы и книги выходили, хоть и в меньшем объеме, несмотря ни на Февральскую революцию, ни на экономический кризис. Все обязательства перед

подписчиками на этот год были выполнены, причем без доплаты. Конец всему положил только прямой запрет частных изданий.

В течение нескольких лет Попову пришлось пребывать случайными заработками, далекими от его призвания. Большевики не очень-то жаловали «старорежимных» специалистов. И все-таки, наконец, удача улыбнулась ему. В конце 1924 года он смог устроиться на работу в одно из крупнейших столичных издательств — акционерное общество «Земля и Фабрика».

Уже на следующий год он приступил к выпуску нового журнала «Всемирный следопыт». Концепция издания почти полностью совпадала с концепцией прежнего «Журнала приключений», правда добавились еще географические очерки. Владимир Алексеевич опасался, что в новой стране издание подобного рода будет не столь популярно. Тематика приключенческой литературы жестко ограничивалась декретами Луначарского. Поэтому, тираж первых номеров был всего пятнадцать тысяч. И за пять лет эту цифру удалось увеличить в десять раз.

Видя такой успех, Попов, как обычно, не стал останавливаться на достигнутом. Он не мог забыть свой первый и, конечно, самый любимый приключенческий журнал, и решил возродить его. «Вокруг света» после десятилетнего перерыва возродился в качестве приложения к «Следопыту». В отличие от возникшего одновременно журнала с тем же названием, издававшегося в Ленинграде, он полностью повторял верстку и тематику сытинского издания. Там впервые после революции появились длинные романы с продолжением, и среди них знаменитый «Человек-амфибия».

Однако и на этом не остановился неутомимый редактор. Желая сделать «Следопыт» полностью литературным, он вынес географические очерки и статьи в отдельное приложение «Всемирный турист».

Десятилетие с 1922 по 1931 можно назвать, кстати, золотым веком русской фантастической прессы, немногим уступающим американскому. В те времена в Москве и Ленинграде выходило около десятка специализированных изданий по фантастике и приключениям. Периодичность и ка-

чество их немислимы даже для современного читателя. Но группа журналов, руководимая Поповым, была единственным в своем роде «кустом». Можно сказать, она повторяла в миниатюре прежнюю Сытинскую империю.

Попова не оставило его призвание — поиск молодых талантов. Еще до выхода первого номера «Следопыта» было дано объявление о том, что журналу требуются новые авторы. Рукописи хлынули потоком, и каждая из них рассматривалась самым тщательным образом. Редактор просиживал над ними почти круглые сутки.

«Ошибочно было бы думать, что «Следопыт» делается в тиши редакционного кабинета узким замкнутым коллективом писателей-профессионалов. Литературное выдвижение, отбор молодых свежих дарований из глуши читательского актива — все это было поставлено во главу угла редакционной работы», — говорилось в редакционной статье 1930 года.

Как нельзя лучше это совпадало с тогдашней политикой поиска литераторов в среде простого народа. Однако, если для некоторых изданий, например, ленинградского «Резца», главным было не качество произведений, а лишь пролетарское происхождение автора, то Попову не изменил вкус старых времен.

Среди открытий того периода имена, без которых невозможно теперь представить советскую довоенную фантастическую и приключенческую литературу — А. Беляев, Н. Шпанов, А. Линеvский, Б. Сытин, Н. Зуев-Ордынец, Б. Туров, В. Ян.

Показателен случай с Алексеем Смирновым. Никому неизвестный охотник из Туапсе принес свой первый рассказ в редакцию. Попов немедленно прочитал произведение. И уже через пять минут после прочтения рассказ был направлен в типографию. Через две недели он вышел в «Вокруг света». Смирнов вскоре стал одним из постоянных авторов.

Талантливый начинающий автор мог сразу же получить от Попова задание отправиться в настоящую экспедицию. Таким образом Н. Шпанов попал в спасательный рейд ледокола «Красин» на выручку Умберто Нобиле, В. Белоусов проехал на оленьей упряжке вдоль всего русского севера, а В. Сытин разыскал в тайге пропавшую экс-

педицию профессора Кулика за Тунгусским метеоритом. Само собой, очерки об этих экспедициях публиковались в журнале, а вскоре и выходили отдельной книгой.

Любопытным нововведением Попова были литературные конкурсы. Их организация была крайне необычна. Все произведения присылались анонимно, снабженные только девизом или псевдонимом. Имя автора запечатывалось в отдельном конверте, который редактор вскрывал только после подведения итогов конкурса. Это обеспечивало максимальную беспристрастность жюри. Победителей в каждом конкурсе бывало около десятка. Но даже и те произведения, которые не вошли в это число, могли быть опубликованы.

Владимир Алексеевич отличался величайшей тактичностью. Все литераторы, знавшие его лично, отмечают, насколько он был заинтересован в притоке новых сил. Даже для тех, чьи Рукописи не подошли, он старался что-нибудь придумать. Если, например, рассказ был не по тематике журнала, он передавался в редакцию соответствующего издания «Земли и Фабрики». Ответы иногородним авторам печатались прямо на страницах «Следопыта». Это были серьезные и беззлобные советы по исправлению стиля.

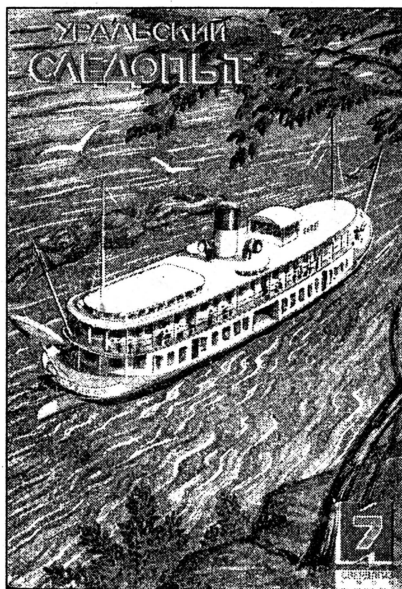
В 1930 году «Следопыт» шумно отмечал свое пятилетие, не зная, что до следующего юбилея дожить не суждено. Тем временем тучи сгущались. Началось стремительное закрытие негосударственных издательств властями. В конце года «Земля и Фабрика» была подмята Госиздатом. Чиновники не захотели финансировать большинство изданий прежнего АО. «Следопыт» остался в одиночестве. Попов, однако, не сдавался. Чтобы сохранить за собой объем нескольких изданий, в 1931 году он стал выпускать журнал трижды в месяц.

1932 год стал роковым для советской приключенческой периодики. Его сумел пережить один только ленинградский «Вокруг света», да и то изрядно похудев. Надо сказать, что черные дни настали для приключений и фантастики вообще. Такие авторы, как Жаколлио, Буссенар, Хаггард, или Кервуд вернулись к читателю только в наши дни. Но и, казалось бы, всем привычные Конан-Дойль и Честертон не переиздавались около двадцати лет.

Попов во второй раз остался у разбитого корыта. Однако еще не все было потеряно. Неутомимый редактор решил попытаться счастья в провинции. В Свердловске ему повезло — в 1935 году удалось начать издание «Уральского следопыта». За редактором в журнал перекочевали и многие авторы «Всемирного следопыта». Власти, впрочем, отреагировали быстро — вышло только девять номеров журнала. Получив разъяснение, что подобная периодика советским людям не нужна, Владимир Алексеевич переключился на серию краеведческих книг об Урале. Но и с ними вскоре повторилась та же история.

Отлученный от издательского дела, Попов все-таки пробовал вернуться к нему. Он стучался в двери издательств по всей стране, включая Среднюю Азию. Однако теперь все было глухо. Вернувшись ни с чем в столицу, великий редактор занялся совершенно посторонними делами. В 1942 году он погиб ночью в автокатастрофе, причем обстоятельства этого дела остались неясными.

Имя Попова не найдешь ни в энциклопедических словарях, ни даже в словаре «Книговедение». Не вышел рангом — всего лишь редактор, а не издатель. Упоминается о нем только в юбилейных статьях послевоенного «Уральского следопыта» да в специальной литературе о Сытине. А ведь он не меньше, чем Кэмпбелл, заслуживает того, чтобы существовала премия его имени.

Владимир ЗИМИН, г. Иваново

ВОРСКЛА

Забывтое сражение

Рассказ

Ворскла — река степная.

И катит она свои воды меж бескрайних полей, быстро сгорающих под солнцем лугов, редкого низкорослого кустарника. Берега ее пологи, течение лениво, русло извилисто и неглубоко.

Никакого препятствия ни для пешего, ни для конного войска она не представляет, слабая опора для обороняющегося, легкая преграда для нападающего.

И то, что ее берега должны были стать сегодня местом жестокого сражения, являлось чистой случайностью. Просто двигались навстречу в поисках друг друга две могучие рати, и пути их пересеклись именно здесь. Пересеклись, и уже некуда было им деваться. Они были бы и рады поискать более удачного места, но ведь не скажешь, не предложишь вслух: давай, дескать, отойдем в сторону, то ли в поле подальше, то ли к лесу поближе. Что принято между дерущихся в кулачном бою, не принято меж врагами в смертельной схватке. Где встретились — там и встретились. Хочешь — не хочешь, а приспособляйся к тому, что есть!

Таким образом, противники заняли противоположные берега реки, но двое суток оставались на них недвижимыми.

Узкая полоска мутноватой воды, подобно ножу, разрезающему пополам каравай хлеба, разделила им поровну степные просторы. Одним — береговую кромку и желтые травы до окаема, и другим — то же самое и в тех же размерах.

Жгли костры, варили пищу, пасли коней. А их вожди вели переговоры, ежедневные, долгие и, как будто, успешные.

Одна сторона, чувствующая себя более сильной, предъявляла условия; другая, ощущающая себя более слабой, склонялась под ними. Так повелось: сильный вправе требовать, слабый обязан соглашаться.

И казалось, этим все и обойдется: вожди договорятся, и войска разойдутся.

Но вот утреннее солнце обозначило приход третьего дня...

...И тогда он понял, что его обманули!

Червь сомнения осторожно подтачивал его оба

эти дня, но был он робок, нерешителен и потому не сумел разбудить в нем подозрения всерьез.

Да и не было к тому никаких намеков, а, напротив, все указывало на невозможность какого-либо иного выхода, кроме как предложенного им.

Теперь оставалось сжимать в ярости кулаки, до хруста в пальцах, до крови под ногтями.

Слишком он был ослеплен собственным величием, слишком потрясен своей мощью! Полмира стояло под его знаменами! На нескольких языках разговаривало его войско! Не соединимое соединилось в нем! Никогда прежде не сходявшееся — сошлось!

Здесь был литвин, недолюбливающий ляха; здесь был лях, недолюбливающий литвина; здесь был татарин, ненавидящий и русича, и ляха, и литвина; здесь был немец, презирающий их всех; здесь, наконец, был один-единственный француз, которому было на всех наплевать.

Но, собранные вместе и управляемые одной волей, они превращались в великую силу, они становились сокрушительной мощью, они являли собой предрешенную над всеми победу!

Воины древнерусского государства

А враг казался ничтожным, сломленным, раздавленным, не способным ни сопротивляться, ни хитрить, и лишь пытающимся что-то выторговать в этом унижительном для себя положении!

И вдруг теперь выяснилось, что он вовсе не был напуган и не был унижен, и только делал вид, что торгуется, а на самом деле — изворачивался и выжидал.

Ничего не могло быть более веским тому подтверждением, чем наличие на другом берегу реки человека, которого, по всем предположениям, не должно было сегодня быть не только на этом месте, ни и за несколько конных переходов от него. Но он там был, гордо восседал на коне и хитро всем улыбался издали, словно говорил: меня не ждали, а я здесь! Хотели решить все без меня, но без меня ничего нельзя решить!

И тогда он, Витовт, великий князь Литвы и Руси, понял, что его обманули!

Это было тем более обидно, что обманули так легко! Провели, как юнца! Перехитрили, как простака! Два дня ему льстили, ему поклонялись, его превозносили, лишь затем, чтобы на третий день явился этот старый хитрый татарин и нагло улыбался ему с противоположного берега.

И приходилось слушать его, и сдерживать ярость, и делать вид, что ничего не случилось, и все для того, чтобы собственное его шумное и пестрое окружение не догадалось об обмане и не стало после этого смотреть на него с жалостью, а то и с презрением.

А было от чьих взглядов ощутить себя неудобно!

За спиной его находилось немало славных польских рыцарей! А плечом к плечу с ними стояли несокрушимые рыцари тевтонского ордена!

Печенег

И здесь же были неустрашимые князья русских земель! Некогда могучий владыка бескрайней степи, повелитель Золотой Орды и Залесской Руси, хан Тохтамыш считал теперь его своим господином и предавался в его власть со всеми титулами и правами на ордынскую корону, отнятую у него ставленником Железного Хромца ханом Темир-Кутлугом; он тоже был здесь! Даже рыцарь-скиталец из далекой страны франков прибил к его войску!

Сколько здесь было громких имен, не менее знатных, не менее известных, чем те, что когда-то прославили Европу как доблестные защитники веры и бескорыстные спасатели гроба Христова. Здесь были: Спинко из Мельштина, Доброгост из Самотулы, Сандивог из Остророга, а также знаменитый пан Павел из Шукова, и еще барон Готфрид фон Валленрод, барон Гуго фон Цольнер, барон Ульрих фон Дингейм и потом: Глеб Смоленский, Андрей Полоцкий, Димитрий Брянский, Иоанн Киевский; наконец обездоленный, некогда грозный хан Тохтамыш; и, конечно, рыцарь-скиталец француз Гастон де Фуа!

А уже за их спинами колыбался лес пик, шевелилось людское море, несокрушимыми утесами возвышались конные полки. Русские стяги, литовские знамена, польские прапоры, рыцарские значки, татарские бунчуки — все это было подчинено его устремлениям, все это было передано под его руку.

И эта рука не имела права сейчас дрогнуть, заколебаться, промахнуться.

А сколько еще было тех, кто присутствовал здесь незримо, кто из своего далека с надеждой или злорадством следил за его шагами, желая ему и удачи, и неудачи, и славы, и бесславья.

Королевская чета из Кракова, отправляя с ним своих рыцарей, желала ему победы, но, как вышедшему из-под их власти союзнику, конечно, хотела ему поражения. Папа всех христиан, безусловно, желал ему, как вождю нового крестового похода, в этом богоугодном деле удачи, но предпочел бы видеть на его месте кого-либо из более преданных Риму людей. Великий магистр тевтонского ордена, будучи теперь с ним заодно, тоже вынужден был раздваиваться: он вымаливал победу своему рыцарству, но не хотел усиления власти его, князя Витовта.

Даже не будучи здесь, они все искали здесь своих выгод. Короли и князья прикидывали, сколько открывается новых земель, за которые потом они могут поспорить и скрестить мечи. Кардиналы и епископы заранее подсчитывали количество вновь приобретенных душ, которые им потом необходимо будет привести к вере или передать воле Божьей, предварительно с помощью огня, очистив их от скверны.

Его поход был осенен апостольским крестом, но не это вдохновляло его и подвигало на дела. В его отношениях с христианским Богом никогда не было искренности, но всегда был холодный расчет.

Сначала он принял Бога от русских попов и был крещен ими в греческой церкви. Потом он принял Бога от польских ксендзов и был крещен ими в польском костеле. Но так и не поверил ни их Богу, ни его слугам. В душе он навсегда остался истинным литвином; его Богом был грозный громовержец Перун, храмом — лесная чащоба.

И пусть сейчас и в Кракове, и в Вене, и в Риме, и в других далеких и чужих городах, считают, что это именно они используют его, старого седого князя, для своих, далеко идущих, целей. Он-то знает точно: это он использует их всех — и силу Кракова, и влияние Рима — для себя и для могущества Литвы.

Как бы то ни было, но видимый и грозный результат всех этих уловок и хитросплетений находил сейчас за его спиной — рвущееся в бой, разноязычное, семидесятитысячное войско!

Но и там, по другую сторону реки Ворсклы, теперь тоже была немалая сила. Там сегодня стояла конною тьмою вся Великая Степь. Две орды — хана Темир-Кутлуга и мурзы Едигея — соединенные в единое целое, представляли из себя могучую рать. Настолько могучую, что оттуда с сегодняшнего утра звучали уже иные речи, и тон их ничем не напоминал вчерашние.

Мурза Едигей сладко улыбался ему издалека, но слова его, громко озвученные переводчиком, не оставляли сомнений, что улыбка та была пропитана ядом высокомерия и презрения.

Больше того — переводчик вел себя развязно и нагло, на что, не будучи подученным, он никогда бы не осмелился; и это добавляло отравы во все сказанное.

Сдерживать ярость и дальше теперь не имело смысла, и князь Витовт приказал:

— Убейте этого говоруна!

Выстрелил кто-то из оруженосцев рыцарей-тевтонцев. Стрела вылетела из арбалета и на полуслове оборвала длинную речь переводчика. Он упал под копыта своего коня.

Старый мурза не убежал тотчас. Он долго и пристально смотрел в ту сторону, откуда эта стрела прилетела, словно надеялся отыскать среди людского множества удачливого стрелка и хорошенько его запомнить. И только после этого неуловимым движением развернул коня и легкой рысцой погнал его к своим.

Все! Сражение началось!

Сначала загрохотали тяжелые пицали. Но выстреливаемые ими камни и куски железа разлетались

по степи, почти не нанося противнику урона. Упал один с пробитой головой, забилась лошадь с развороченным боком, захромала еще одна...

Орда отошла назад и смертоносные снаряды падали в пустоту.

Тогда вперед пошли слуги Христовы — рыцари-крестоносцы. Выстроившись своим излюбленным несокрушимым острым клином, получившим у всех, кто этот «клин» испытал на собственных боках, прозвище «свиньи», закованные в броню с головы до пят, на конях, увешенных по грудь железом, они спустились к реке, медленно перешли ее в брод и поднялись на другой берег.

За ними хлынули: многочисленная литовская конница, пешие жмудины, отряды русских и польских князей.

Многотысячное войско уподобилось огромному тарану, где стальным наконечником стало тевтонское рыцарство, а мощным стволом — вся прочая рать.

Забилы барабаны. Запели свирели. Воздух дрогнул от победных криков. Земля качнулась от тяжелой поступи.

Татары не двигались с места. Они стояли ровной линией, закрывая собой степь от края до края. казалось, и за видимыми границами эта линия не кончается! И можно было только догадываться, на какую глубину она простирается.

Они не двигались, они терпеливо ждали, когда противник преодолеет эти полторы сотни шагов, лежащих меж ними и кромкой воды, когда накричится вдоволь и наглотеется в избытке пыли.

Вот «острие тарана» достигло их рядов. Тяжелые длинные копыта крестоносцев уперлись в передних всадников, стали их теснить, заваливать, давить. С хрустом, со скрежетом входил «таран» в колышающееся «тело» орды, медленно, но неуклонно разрывая его.

А орда как будто бы и не сопротивлялась этому проникновению, как будто бы сама подавалась вперед и открывалась. Но тем временем ее широко распахнутые крылья осторожно смыкались, норовя обнять, обхватить собой все вражеское войско. И чем глубже продвигалось оно, тем ближе друг другу делались те крылья. И вот сомкнулись! Закрылись намертво!

И пошла отчаянная беспощадная рубка!

Уже стороннему наблюдателю невозможно стало различать кто где. Всадники кружились, пешие меж ними металась, стрелы летели, клинки сверкали. Лишь стяги и бунчуки возвышались над всеми, обозначая противостоящие островки, да мелькали в гуще сражения пышные перья и золотые рога рыцарей-крестоносцев.

Пыль взвилась под небеса и все собой поглотила

ла. И только иногда вылетали оттуда на простор и свежий воздух: то обезумевшая лошадь, то израненный, истекающий кровью воин.

Солнце медленно перемещалось по небосклону. Время шло... Час, другой, третий... Тени росли, указывая на скорый приход вечера.

Князь Витовт нервничал. Он вставал на стременах, пытаясь хоть что-то углядеть за пылевой завесой; он крутил по сторонам головой, надеясь в глазах других отыскать ответ на тайну происходящего там. Но другие тоже — и ближние слуги, окружавшие его, и хан Тохтамыш, находившийся поодаль — пребывали в полном неведении и ничем, в этом смысле, не могли помочь своему вождю.

А он не знал, как ему теперь поступить: выжить ли еще или уже гнать вперед последнюю свою живую силу — тохтамышеву тысячу, которая решит все окончательно в его пользу.

Он напрягал слух, он тянулся ухом к тому берегу, рассчитывая услышать, на каком языке там кричат громче и дружнее. Но оттуда долетало нечто бесвязное и неопределенное.

И он нервничал. Но все-таки уже начинал склоняться к мысли, что время хана Тохтамыша и его воинов пришло.

Рука его поднялась вверх и в любое мгновение готова была повелительным жестом упасть вниз.

И тут случилось непредвиденное и ужасное...

Степь на излете однообразна и уныла.

Пора пестрого разнотравья миновала, теперь преобладающий цвет повсюду — желтый. Земля от долгого отсутствия дождей пересыхает и лопается, как кожа столетнего старика, а при случайном порыве ветра пылью взвивается вверх и тучами носится по степи, напоминая собой хвостатых змееподобных чудовищ.

Когда же вонзаются в землю тысячи тяжелых кованых копыт, когда перепахивает ее бесчисленное множество людских ног, она и вовсе рассыпается в прах, поднимается к небу и серым непроницаемым куполом накрывает потревоживших ее.

Пыль забивает нос, глаза, проникает в горло; она слепит, душит, сковывает силы. Пыль в степи — страшное бедствие!

И вот в этом кошмаре, захлебываясь и задыхаясь, иногда не глядя, иногда на ощупь, вели меж собой сражение почти сто тысяч людей.

Объединенное войско литовского князя, ведомое польскими, русскими и немецкими воеводами, не считаясь с потерями, рвалось и рвалось вперед!

Бесстрашные богатуры мурзы Едигея, принявшие на себя всю тяжесть удара превосходящего их числом врага, творили чудеса храбрости. Они сот-

нями ложились замертво, и, если и откатывались назад, то тут же, с яростью степных волков, вновь бросались вперед.

Час за часом, с редким упорством, с исключительным самозабвением люди убивали друг друга и во множестве калечили, уродовали ни в чем не повинных лошадей.

И уже потянулись сюда со всех концов беспредельной степи стаи черных птиц. Они слетались, они парили в воздухе, они рассаживались в безопасном отдалении на земле, они терпеливо ждали, они знали — вот-вот придет их время, и свершится великое пиршество!

Мурза Едигей, окруженный многократными плотными кольцами верных слуг, с небольшого пригорка наблюдал за ходом битвы. Только прищуренный острый глаз степняка мог что-то углядеть в этой клубящейся едкой пыли. Он видел, как враг беспощадно уничтожает его орду и как умирает сам. Он был открыт взорам своих и иногда становился видимым и для чужих. Своим он служил опорой и поддержкой, для чужих являлся раздражителем и желанной добычей. Многие отчаянные головы пытались прорваться к нему через плотные ряды его охраны, но погибали на дальних подступах. Лишь одному, закованному в сверкающее железо с головы до ног, удалось одолеть все преграды, но его подвел конь, замертво рухнувший в двух шагах от Едигея. Тотчас десяток арканов захлестнулись на шее храбреца!

Мурза Едигей безропотно жертвовал сегодня своими воинами не для того, чтобы, разгромив, посрамить князя лесной страны: он его даже уважал, зная понаслышке, сколько сил, подлости, убийств было им употреблено для достижения своей власти. И не для того, чтобы спасти от поражения и позора молодого беспомощного хана Золотой орды Темир-Кутлуга; он все равно не считал его способным править и повелевать. И даже не для того, чтобы угодить могучему Тимур-Ленгу, этому непобедимому воителю, в ком воскрес дух великого Чингиза и чьими усилиями был вознесен во владыки степных народов тот самый хан Темир-Кутлуг; он преклонялся перед ним, но не до такой степени, чтобы, в угоду ему, не жалеть своих людей.

Он жертвовал ими с одной единственной целью — в надежде заполучить живым или мертвым ненавистного ему хана Тохтамыша, ответственного за многие беды, постигшие в последние годы Великую Степь. И не в том была его вина, что, являясь тоже в свое время ставленником Тимур-Ленга, он осмелился потом поднять на него руку и ходить походами в его земли, а в том, что во всех его начинаниях не было

ему удачи. Почти два десятилетия он вел Степь и ее народы от поражения к поражению. Он перессорился со всеми за ее пределами. Он находил врагов там, где у него должны были бы быть друзья, он дружил с теми, кто всегда были ему затаенными заклятыми врагами. Он был разрушителем Степи, ее наказани-ем, ее проклятием. Он был плохим ханом, неудач-ным воином, никудышным мусульманином. Он не имел права жить дальше!

А бой, между тем, складывался так, что еще чуть-чуть и быть мурзе Едигею нещадно битым. Хоть враг и нес чудовищные потери, но едва ли не двойной численный перевес позволял ему находить новые силы и проявлять отчаянное упорство в достижении цели.

Но мурза пребывал в ледяном спокойствии. Он-то знал: чем ближе враг к своей победе — тем ужаснее будет его поражение! Он-то знал: последнее слово сегодня не за литовским князем, последнее слово за ханом Темир-Кутлугом. И он вот-вот его скажет!

А хан Темир-Кутлуг тем временем искал брода по течению реки, нашел, и его тридцатитысячная орда дружно устремилась на другой берег. Она переходила туда мощным живым потоком, так, что даже естественное течение реки с одной стороны вспенилось и поднялось, устремляясь на берега, с другой — иссякло, опустилось, обнажая песчаное дно, усыпанное черными ракушками и серебристой рыбой.

Хан Темир-Кутлуг вздыбливал и погонял коня. Он торопился, он хотел сражения, он жаждал победы!

Три чувства одинаково сильные двигали им и принуждали спешить: месть за два дня унижений, благодарность за вовремя подошедшую помощь, неистребимая жажда самоутверждения!

Если бы он был постарше, то знал бы: месть тем сладостнее, чем дольше вынашивать ее в сердце. Если бы он был поумнее, то давно бы понял: благодар-ность не то чувство, которое надо спешить выка-зывать и уж тем более демонстрировать явно. Если бы он был похитрее, то, конечно, сообразил бы: чем меньше ты суетишься в собственном самоутвержде-нии, тем сильнее утверждаешься в глазах окружаю-щих тебя.

Обладай он этими, не столь уж богатыми, позна-ниями, то, возможно, судьба его сложилась бы бо-лее счастливо, и как знать — быть может, он правил бы Золотой Ордой до глубокой старости и умер в славе и величии.

Но он был молод, горяч, глуп, и потому, вскоре после описываемых событий, сгинул бесследно.

Однако сегодня он еще считался ханом и пове-лел многими тысячами людей. И эти тысячи, по-

винуясь движению его руки, безропотно устремля-лись к победе и смерти.

Он ушел вперед вверх по реке достаточно дале-ко, чтобы быть кем-либо обнаруженным, но не так далеко, чтобы безнадежно упустить время.

Наконец вся орда оказалась на другом берегу, и он повел ее дальше, стремясь обогнуть стан врага по широкой дуге и зайти ему за спину. Он слышал: так воевал великий Чингиз, так воюет теперь могучий Темир. Надо позволить врагу увлечься сражением и в самый неожиданный момент ударить его в неза-щищенную спину.

Вот они незамеченными добрались до нужного места. Вот они изготовились к броску. Вот они ши-рокой волной устремились вперед — с холма на холм. И вот уже во всей беспомощности открылись им спины ненавистных врагов!

Хан Темир-Кутлуг ликовал!

И тут случилось непредвиденное и ужасное!

Вблизи за спинами грянул победный рев, и на них обрушилась... нет, не чужая рать — неизвестная могучая стихия, подобная зимнему бурану в степи, подобная снежному обвалу в горах, подобная гиган-

Рыцари XI-XIII веков

тской волне в океане, все сокрушающая и уничтожающая на своем пути. Люди, кони, пороховые пищади, обозы с припасами — в короткий срок они перестали существовать! Они были расстреляны, порублены, растоптаны, раздавлены, разбросаны. Это было страшное по жестокости и скорости уничтожение! Никто из тех, кто пал замертво, не успел что-либо сообразить и что-нибудь предпринять. Да и что можно было противопоставить силе, напору, стремительности? Разве можно от бурана отгородиться щитами? Разве можно горный обвал сдержат руками? Разве можно океанскую волну победить мечами? Можно лишь вздохнуть поглубже и умереть подостойнее...

Сняв и уничтожив малочисленное окружение князя Витовта, могучая стихия перемахнула на другой берег и там тоже предала врага беспощадному истреблению.

Только великое чудо, сродни сказочным чудесам, спасло литовского князя и некоторых его спутников, чудо, да еще, пожалуй, их кони, не участвовавшие до этого в сражении и не испытывавшие утомительного перехода. Они-то и вынесли их на широкий простор, и, спустя срок, даже позволили оторваться от преследователей.

Это была отчаянная, захватывающая гонка, где победитель в награду получил жизнь — свою или чужую.

Земля стремительно бросалась под копыта и исчезала за спиной. Кровью под свинцовыми плетями сочились конские бока. Белая пена снежными хлопьями летела во все стороны. Кони задыхались, хрипели, дрожали.

Солнце скатилось с небес и упало за окаем. День сменился сумерками, а сумерки — ночью.

Но вот преследователи начали отставать, а потом и вовсе поворотили назад.

Беглецы могли молиться своим Богам и благодарить коней за быстроту и выносливость.

Среди спасшихся были: сам литовский князь, татарский хан Тохтамыш, польский вельможа Па-

вел из Шукова и еще десяток-другой безымянных разноплеменных воинов.

За их же спинами, на поле недавней брани остались лежать поживою для птиц и хищного зверья: Спинко из Мельштина, Доброгост из Самотулы, Сандивог из Остророга; а также рыцари-бароны: Готфрид фон Валленрод, Гуго фон Цольнер, Ульрих фон Дингейм; и еще князья русских городов: Андрей Полоцкий, Дмитрий Брянский, Глеб Смоленский.

А славный француз Гастон де Фуа, с руками, связанными за спиной, с тугим арканом на шее, гремел начищенными до блеска латами по дороге, уводящей его в глубь бескрайней степи.

Простых же дружинников и ополченных ратников пало несметное число. Считать их — не пересчитать! Да только кто и когда их считал...

Но, судя по трупам, обильно устлавшим землю на месте сражения и на целый конный переход от него, плачу предстояло быть великому и на Черной Руси, и в дремучей Литве, и в коронных землях польского королевства.

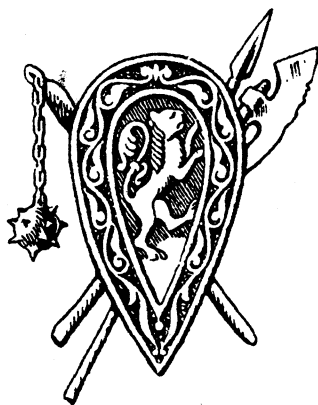
Это сражение случилось 12 августа 1399 года на берегах реки Ворсклы, где-то в среднем ее течении.

Литовцы, объединенные с поляками, русскими и немцами, потерпели сокрушительное поражение. Татары одержали блистательную победу.

Но максимальную выгоду из всего этого извлекла Москва. Уже с трудом она последние годы сдерживала напор быстро растущей Литвы. Казалось, еще чуть-чуть и она навеки будет поглощена беспокойным соседом, как это уже случилось с Вольнским, Брянским и Смоленскими княжествами. А тут неожиданно получила передышку, выстояла и, в конце концов, из маленького осколка русских земель, превратилась в Великую Россию!

Литва же напротив — надорвалась, обессилела, спустя десятилетие попала в зависимость от Польши и на несколько столетий прекратила существование как самостоятельное государство.

Вот ведь как бывает...

Олег ВОДОПЬЯНОВ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ТРЕТЬЕГО ТИПА С ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

(кухонные диалоги в свое удовольствие)

4. ТОТ ЖЕ ЧАЙ НА ТОЙ ЖЕ КУХНЕ...

— «Но больше всех, ребята,
Люблю я День солдата!
Люблю я День солдата —
Двадцать третье февраля!»...
— Эй, мужики, хорош по дембелю страдать! Батон
зарезан, чай в кастрюле. Двигаем на кухню.
— А голова с него не заболит?
— С батона-то...?
— Да нет, с чаю.
— А ты его в голову не бери. Он, как и жизнь, не для
того даден.
— «Жизнь дадена на то, чёбы, когда умирая, сказать
мог...»
Все хором:
— Эх, ...!

.....
Вот с такого трепа и начиналась обычно наша «ку-
хонная философия». Почти что «Застольные беседы». Почти по Плутарху... И ежели кто думает, что древние римляне или, хуже того, греки творили свою заумь с серьезным выражением лица, то навряд ли. Тоже были, наверное, бабники, сквернословы и рукосуи. А мы — недавние студенты, нынешние молодые специалисты. Т.е. люди почти интеллигентные. И оттарабанив за «сто пятнадцать без жилья» положенные на нас государством восемь часов в среднеуральских «почтовых ящиках», садимся кругом, чтобы погонять по его окружности очередную дребедень, сознательно насилуя воспитанную высшим политехническим образованием «физическую картину мира».

— ...
— Ну, с чего ты взял, что реальность объективна? Где ты ее видел, эту реальность?
— Да вот же она. — показывает в окошко пальцем.
— Ага, конечно... Только это не реальность, а картинка. Что-то там снаружи на меня воздействует, что-то там на поверхности меня на это реагирует, а я сижу внутри себя, как в резиновом шарике, и смотрю на вмятины на его поверхности. Изнутри смотрю! Какая уж тут объективность? Вся жизнь в резиновом мешочке.
— Так как же тогда ее познавать?

— А никак. В кубики играть, да модельки строить. Авось и будет на что-то похоже... Помнишь того «молодого», которого ты давеча «цивилизациями мужского и женского типа» грузил? Ведь бред собачий, а работает. Как там у тебя было?

— С одной стороны — евразийский внутриконтинентальный котел, в котором «варятся» кочевники. Они динамичны, мобильны и восприимчивы, они чутко реагируют на изменения в окружающем их мире, подстраиваются под них и способны за период жизни одного поколения переселиться на тысячи километров (См. «УС» 4,2000. Г. Чеурин «Аркаим»). Это цивилизация первого типа — «мужского».

С другой стороны — ожерелье из древнейших земледельческих государств, окружающее кочевнический котел с трех сторон, за исключением Севера, и отгороженное от него пустынями и горами. Они стационарны, имеют неподвижные центры и ориентированы на накопление и сохранение постоянных признаков, используя для этого письменность, развивая науку и технику, создавая централизованные империи. Это цивилизация второго типа — «женского». Причем, в силу своего географического положения (См. «УС» 5-6,2000. О. Водопьянов «Цивилизация третьего типа с планеты Земля»), «земледельцы» в свою очередь представляют собой ярко выраженную дуальную пару «Запад — Восток»: экстравертный «Запад», ориентированный на мир вне себя, на экспансию и переделку внешнего мира «по образу и подобию своему», и интравертный «Восток», обращенный внутрь себя и не делящий мир на «внутренний» и «внешний».

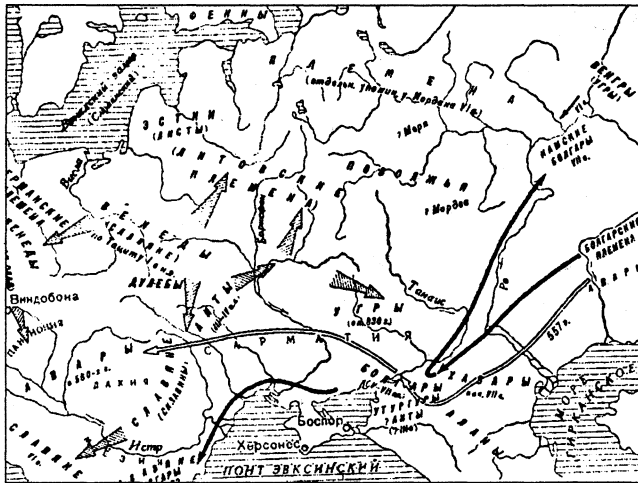
— А между ними?

— Между ними — зона синтеза, где «мальчики» и «девочки» должны неизбежно встретиться, соединиться и породить что-то новое. Ту самую цивилизацию третьего типа, на которой мы в прошлый раз и тормознули.

5. ЗОНА СИНТЕЗА НА РУССКОЙ РАВНИНЕ

— ...я и говорю — бред собачий. Валишь в одну кучу евразийские теории начала века, русских националистов с их российским мессианством, да еще расизм по половому признаку. Гумилевство, ницшеанство и фрейдизм в одном флаконе! Всемирная история глазами

Окончание. Начало в № 5-6, 2000

Первые славянские племена (винеды) появились в I в. н.э. на территориях к востоку от Вислы и к северу от Дуная

гиперсексуального подростка! Ты только знакомым историком такое не выдай. Сам знаешь, что скажут.

— А кто ж с ними спорить будет? Истина, ведь, не в споре рождается, а в диалоге. А диалог, он и есть тот самый синтез — соединение, а не борьба. Так что ни с кем я не спорю. Хочешь — кушай, не хочешь — радио слушай. А насчет гиперсексуальности ты прав. Грешен этим... покуда здоров. Вот только смысл во взаимоотношения «мальчиков» и «девочек» вкладываю немного другой. Чуток пошире.

Смотри сам... Жизнь на нашей планете где зародилась? На мелководье, в прибрежной полосе. Т.е. там, где наиболее интенсивно встречаются «земля» и «вода». От их встречи что получилось? Живая клетка, которая соединила в себе противоположные признаки своих «родителей». С одной стороны она имеет форму и вроде как «твердая», а с другой стороны — состоит из «воды» и ведет себя как «вода», постоянно замещающая свое внутреннее вещество на внешнее посредством обмена веществ. Что мы получили в итоге? Все многообразие живых организмов, которое расселилось и абсолютно вольготно чувствует себя и на земле, и на море, и даже в воздухе. А уж живая природа вся на сексе замешана. Он у нее в базисе.

То же и с цивилизациями «кочевников» и «земледельцев». Где на нашем континенте «прибрежное мелководье» между кочевниками и земледельцами? На западе — Русская равнина, на востоке — Северная Манчжурия. Остальное закрыто горами и пустынями.

Северную Манчжурию в расчет не берем. Там интроверты-китайцы отгородились от кочевников Великой стеной, как индусы Гималаями. Остается Русская равнина — стопроцентный проходной двор между экспансивными европейцами и привыкшими «шарашить» кочевниками. Своего рода — комната свиданий.

Что должно произойти в результате свиданий «земледельцев» и «кочевников»?

— Детки, наверное...

— Ага. И чем они будут отличаться от своих родителей?

— Тем, что соединят в себе противоположные качества родителей и будут совершенно свободно чувствовать себя на их территориях.

— Точно. Мы получим ту самую пресловутую «русскую» нацию, которая со всех других точек зрения — ни рыба, ни мясо. Этакая смесь земледельчества и кочевничества, цивилизованности и варварства. Плюс уникальная приспособляемость и готовность бесконфликтно ассимилироваться в условиях любой культуры — естественно, не на государственном уровне, а на бытовом, человеческом. А самое главное отличие в том, что этот первый зародыш цивилизации третьего типа свободен от привязанностей своих родителей, свободен в их выборе. Там, где кочевник инстинктивно подчиняется изменениям внешних условий, меняя себя (переселяясь, либо находя другие средства к существованию), где западный земледелец осознанно подчиняется праву сильного, т.е. закону внешнему, а восточный — закону внутреннему, «русский» живет «по понятиям», принимая для себя те законы, какие ему удобны, и пользуясь ими так, как он их понимает лично. Это пристрастие к свободному выбору прослеживается во всей «русской» истории: и в приглашении варягов на княжество, и в выборе христианства, и в том самом стремительном расселении «русских» на Восток, в результате которого сформировалась Российская империя.

5. РАЗГАДКА РУССКОЙ ДУШИ

— Так, все-таки, мессианство? Опять голозадая, но непостижимая Россия, опять вороватая, но загадочная русская душа... А теперь еще и «цивилизация третьего типа», сверхчеловечество, надежда и панацея для всех «Homo sapiens»? Тот же национал-шовинизм, вид сбоку.

— Во-первых, «русские» — не национальность. Древние восточно-славянские племена, вышедшие из глубин кочевнического котла и осевшие на нейтральной полосе между земледельцами и кочевниками, никогда не создавали национальных государств. Киевская Русь была союзом более чем двухсот племен, а Московское централизованное государство с основания своего было многонациональным.*

Во-вторых, если без приколов, то миф о «загадочной русской душе» — чисто европейское изобретение. Как только эгоцентричный Запад, неспособный уви-

* Кстати, тяга к межнациональному кровосмешению заложена в «русских» изначально. Так Маврикий в «Стратегиконе» сообщает об обычаях славян VI-VIII вв.: «Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая (срок рабства) определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться в свои, или остаться там (где они находятся) на положении свободных и друзей». Т.е. бывшие враги и инородцы становились полноправными членами славянской общины во всех смыслах и со всеми последствиями. (Авт.)

деть себя со стороны, встречает что-то на себя непохожее, он тут же начинает говорить о «гаинственном Востоке», «непостижимой России», «загадочной Индии». Но, чтобы понять сущность любого народа, не надо искать в нем свое отражение и удивляться его отсутствию. Наоборот, надо суметь увидеть его особенность и найти то, что легло в основу его своеобразия. С цивилизациями, государствами и народами так же, как и с людьми. В их облике и характере всегда прослеживается заложенное изначально: наследственность, полученная от родителей, природные и социальные условия, в которых они провели детство, воспитание и личный опыт, полученный на вполне конкретном историческом пути. И нет никаких загадок. Все просто, объяснимо и естественно.

С точки зрения природных условий восточнославянские племена оказались в центре незащищенной горными цепями равнины с очень жестким континентальным климатом. Ограниченное количество плодородных земель в зоне абсолютного рискованного земледелия, огромные области, занятые лесами и болотами на севере и степями и пустынями на юге. Жизнь на такой равнине тяжела и сурова. Пять-шесть месяцев лютотой и снежной зимы, в середине февраля — предвесенняя капель, и лишь в конце марта — разгар таяния снегов. Следом — интенсивное половодье и весенняя распутица: реки выходят из берегов, дороги становятся непроезжими, природа просыпается от зимнего сна, и люди ходят как пьяные, с хмелем в крови и душе. Короткую весну сменяет трехмесячное континентальное лето со зноем, сильными грозами, часто с опустошительными градами и одним-единственным, не всегда удачным урожаем. Затем двухмесячная осень с холодными ночами и бесконечными дождями. И вновь природа сковывается морозом и замирает в ослепительно-белой неподвижности.*

В течение столетий восточные славяне жили в колеблющемся ритме, не зная страха перед природой, не противостояя, но следуя ей. Сезонные перепады надели их широчайшим диапазоном чувств и настроений. То они становятся дремотными и сокрытыми, как река под панцирем льда, то покой и расслабленность сменяются страстным ликованием, половодьем чувств и распаханностью души. Необходимость расплачиваться тяжелым трудом и лишениями за скудное пропитание, которое зависит не от вложенных усилий, а от прихоти природы, придала им исключительную закалку, выносливость без меры, готовность выкладываться без остатка и, в то же время, не дорожить плодами трудов своих: «Паши до седьмого пота. Бог даст, авось, что и вырастет...»

Все это легло в основу русского характера и видно даже по походке современного русского человека. Он не несетя, не семенит, не шествует и не тащится; он идет так, как идетса само по себе — неброско, естественно, с расслабленными мышцами, готовый не напрячь-

ся в противоборстве, а распахнуться навстречу душой и силушкой — будь то стихия, непосильный труд, хмельное веселье или кровавая сеча.

Исторический путь, пройденный славянами в детстве, тоже не был усыпан розами. Перейдя к оседлому образу жизни, восточнославянские племена оказались на своеобразном «проходном дворе», через который тысячелетиями текли в Европу и на Ближний Восток массы переселяющихся кочевников, и который Европа с таким же усердием стремилась «освоить», дабы отодвинуть и обезопасить свои континентальные границы. Будучи срединными народами между Европой и Азией, славяне не имели выбора — либо сражаться, либо быть уничтоженными. И это подтверждается следующими историческими выкладками.

Великий русский историк Сергей Соловьев подсчитал, что в течение первого и самого спокойного периода (ок. 800-1237) Россия должна была отражать военные нашествия каждые четыре года. В 1237-1241 годах последовало Великое монгольское половодье, и следующие 220 лет (1240-1462) России пришлось отражать двести новых вторжений, т.е. почти каждый год. И это при том, что страну наводняли все новые орды, грабившие и убивавшие по малейшему поводу и без повода (невнесение дани, непослушание князю и т.д.). За третий и четвертый периоды (примерно 1368-1893) в течение 525 лет Россия была вынуждена воевать 329 лет, т.е. два года войны на один год мира. При этом войн «междинастических», «религиозных» и из желания господствовать над соседями Россия не знала. Разве что внутренние, «семейные разборки», да походы «за три моря» по унаследованной от родителей-кочевников привычке «шарашиться по белу свету» в поисках, где чего плохо лежит. И лишь при Петре Великом Россия твердой ногой встала на северо-западе, а на юге достигла Черного моря; и это было ни что иное, как борьба «за ворота», «за выход из собственного дома и двора».

В течение почти тысячелетия народы Русской равнины подвергались давлению с Востока и с Запада, сжимаясь подобно пружине и обретая тот самый «загадочный» для Европы характер — исключительно стойкий, и в то же время восприимчивый, терпеливый, но свободолюбивый, закаленный в бесчисленных сражениях, но не агрессивный, простодушный, но исполненный внутреннего достоинства и самоуважения. И нет ничего удивительного в том, что, когда кочевое половодье схлынуло, и давление на Востоке ослабло, славянские племена, уже обретшие государственность, двинулись вглубь континента. Не имея склонности к агрессивной экспансии, они слились с внутриконтинентальными народами, цементируя их подобно раствору в кирпичной кладке. В результате этого слияния и возникла современная русская нация. Подобно американской, она наднациональна, т.к. соединила и перемешала в себе кровь многих национальных народов; но в отличие от американской (по происхождению западноевропейской) занимает «срединное» положение между дуальными цивилизациями Востока и Запада и цивилизациями земледельческого и кочевнического типа.

* Людям начитанным и интеллигентным приношу извинения за отсутствие ссылки. Остальным же сообщаю, что здесь и чуть далее вольная цитата из не скажу кого. Если интересно — спросите верных, найдите и почитайте. (Авт.)

И, наконец, особая тема — православие. Вера, осознанно выбранная князем Владимиром в качестве государственной в стране исключительно языческой. Здесь особенно ярко отразились сущность и путь русского народа, его пристрастие к свободному выбору и жизни «по понятиям».

С одной стороны, причины, побудившие Владимира обратиться к греческому варианту христианства, принятому на вооружение близкой, но уже не слишком сильной Византией, были чисто политические и экономические. Золотая Орда под зеленым знаменем ислама к этому времени основательно захирела. Буддистские Дальний Восток и Индия были слишком далеки. А латинянское католичество подразумевало полное подчинение светской власти папе римскому. Чего уж вовсе не хотелось. В Византии же, наоборот, власть императора была превыше церковной. С другой стороны, греческое православие имело положительный опыт некроваждного сосуществования с уже ушедшим в прошлое пантеоном богов-олимпийцев, имевшим много общего с богами славян.

И действительно, в итоге князь Владимир получил два горшка на ложку, да и рыбку съел. С папой римским и Европой оказались в одной вере, но говорить с ними стали на равных. Своя церковь получилась — лучше не бывает: оружие в руки не берет, религиозных войн не провоцирует, в дела княжеские не лезет, а уму разуму учит лишь добрым словом — мудрым и нравственным.

Простой народ также не остался в накладе. Вряд ли можно назвать еще одну веру, столь же терпимую, как русское православие. Изначально оно признало за мирянином «право свободного выбора», а потому не знало ни меча Мухамеда, ни огня Торквемады. Принудительная и жесткая дисциплина в делах веры требовалась лишь от священнослужителей, мирянину же дозволялось волюно молиться и творчески изыскивать слова. При этом имя «раб Божий», которым называл себя в молитвах православный верующий, несло в себе вовсе не «рабский» смысл, а происходило от слова «работать». Т.е. — «Божий работник», «Божий труженик».

— А как же крещение «огнем и мечом»? Как же раскол, скиты и самосожжения?

— Ну, да. Первое время крестили насильно и капища выкорчевывали. Но, что примечательно, новые храмы ставили на местах старых святилищ, и почти каждому языческому богу дали в тандем православного святого, и праздники языческие с православными соединили. И этот православно-языческий симбиоз оказался настолько жизнеспособен, что пережил в народе не только тысячелетнее христианство, но даже коммунистический атеизм.

Что же касается раскола, то, на мой взгляд, версия о назревшей необходимости привести русский церковный устав в соответствие с греческими первоисточниками, в принципе, верна, но не достаточна. Помню, в детстве, одна бабка-староверка говорила мне совсем другое. Она утверждала, что по старой вере «Библию» следует понимать буквально. А там написано: «И создал Бог человека по образу и подобию своему». Т.е. человек по старой вере — образ и подобие Божие, его

отражение; и относиться к телу своему и душе следует как к иконе — не оскверняя их ни словом, ни делом, ни помыслом. И вот, представь себе, такому человеку говорят, что теперь он не «образ Божий», а раб его, слуга и червь?

6. ДЕЛА СОВСЕМ НЕДАВНИХ ДНЕЙ

— Ладно, ты меня почти убедил. Но даже тысяча лет — слишком маленький срок для появления новой цивилизации, да еще нового типа. Цивилизации не дрозофилы — размножаться должны медленно.

— А кто сказал, что они уже размножились? Славяне и древнерусские государства, это лишь предвестники. И говорить о цивилизации третьего типа — а точнее, о ее зародыше — можно разве что с середины девятнадцатого века, когда в результате расселения русского этноса на Восток на месте евразийского кочевнического котла образовалось единое многонациональное и поликультурное государство с названием «Российская империя». На всех своих границах оно вошло в соприкосновение с государственно-«земледельческими» культур Запада, Юга и Востока. Пошел интенсивный процесс самоосознания, самоустройства, нарастающего обмена, и Россия как бы открылась навстречу всем достижениям и опыту окружающих ее миров и приступила к их синтезу.

Это проявилось и в экономике (бурный рост промышленности, строительство трансконтинентальных дорог и т.д.), и в изменениях в общественном устройстве (отмена крепостного права, создание единого свода законов), и в области культуры (введение системы народного образования, «серебряный век» русского искусства), и в области государственного строительства и национальной политики (введение губернского и уездного самоуправления, независимость судебной власти от государства, окончание полувековой войны на Кавказе путем замирения). Российский герб, принятый при Иване III от Византии и олицетворявший имперскую устремленность Второго Рима на Запад и Восток, дополнился державой, скипетром и императорскими коронами и обрел более глубокий смысл, по сути дела соединив в себе экспансивную символику Запада (асимметричные птицы и звери) и олицетворяющую внутреннее единство символику Востока (симметричные «инь-янь», звезда Давида, гексаграммы «Книги перемен»).

Но начавшийся «межцивилизационный» синтез пошел

В 1547 году Иван IV первым из русских князей принял титул царя и самодержавного властителя единого Русского государства

неравномерно. Центр тяжести Российской империи изначально был ближе и более «раскрыт» на Запад, чем на Юг или Восток. Начиная с Петра Первого, Россия ошибочно (но вполне объяснимо) отождествила себя с Европой, наивно полагая, что идеи социального устройства западного мира справедливы и для нас. Россияне даже не успели осознать, что с ними происходит, как семена «просвещенного» Запада, упав на исключительно восприимчивую и не имеющую иммунитета почву, дали невиданные ранее всходы. И здесь уже не важно, была ли это неосознанная идеологическая экспансия Запада, преднамеренное заражение «чумной идеей» экономического конкурента, жидо-масонский заговор или более солидный «системно-ноосферный» процесс. Евразийский котел, не успев обрести свое новое лицо, принял западную экспансивную и индивидуалистичную модель развития, преобразовав ее по-своему — на «азиатский» и «варварский» манер.

Мощнейший потенциал «жизненной» энергии, исключительная мобильность и способность к длительным перенапряжениям вкпе с европейской коммунистической идеей породили монстра, действительно способного перевернуть мир. Цель была заявлена сразу и отображена на гербе. И после неудачной попытки совершить Мировую Революцию сходу, произошло то, что, судя по находкам археологов (См. «УС» 4,2000. Г. Чеурин «Аркаим»), происходило уже не раз. В течение жизни одного поколения огромная страна готовилась к величайшему в истории человечества переселению народов, к последнему «нашествию гуннов» на Западную Европу и далее на весь мир. Только вместо боевых колесниц, построенные за пятилетку заводы выпустили десятки тысяч легких танков, бомбардировщиков и транспортно-десантных самолетов.

Тот, кто все еще пребывает в иллюзиях по поводу вероломства фашистской Германии, пусть перечитает «Ледокол» и «День М» Александра Суворова. Фактов там более чем достаточно. И если уж говорить о спасении Европы, то спасение ее было в том, что два брата-близнеца — германский фашизм и советский коммунизм — после десяти лет «дружбы и сорабничества» сцепились-таки друг с другом до того, как последний всплеск «азиатского» котла захлестнул и сломал европейскую и другие цивилизации. Слава Богу, этого не произошло. Волна «последних гуннов», вооруженных западной экспансивной идеей и западной технологией, обескровившись на советско-германском фронте, откатилась назад, и азийско-коммунистический симбиоз стал медленно деградировать, поскольку изначально не был естественным и жизнеспособным.

7. А ДАЛЬШЕ ЧТО?

На этом «траектория» заканчивается, упираясь в день настоящий. В страну, зависшую на изломе: нищета граждан и государственное оскудение, крайняя психологическая и физическая усталость, отсутствие идейных и духовных ориентиров, распад и деградация. Казалось бы, все очень плохо, очень сложно и почти нереально. Но если придерживаться принятой логики и продолжить «линию жизни» естественным для нее пу-

тем, то опять же все становится вполне понятным и прогнозируемым.

Если Россия продолжит бесперспективные попытки влиться в европейско-западную цивилизацию, то она окончательно потеряет свое культурное, экономическое и политическое лицо и уйдет влбу историю сценны на роли второго и третьего плана. Подобных случаев мировая история знает немало. Крайние цивилизации растащат наиболее развитые и близкие к ним территории и народы по своим углам, а остальное бросят до поры до времени гнить на задворках. Учитывая серьезную экономическую, политическую и культурную «загаженность» бывшего Союза, какое-то время это будет нечто вроде мировой помойки, до которой руки дойдут далеко не сразу. Народы, избравшие путь национально- или религиозного обособления, попытаются войти в родственные им семьи, но их не примут как равных, а, выбрав из них лучшее (т.е. наиболее для себя подходящее), оставят в положении нищих родственников. У каждого из евразийских миров хватает своих проблем, на решение которых они и будут в первую очередь тратить свои силы и средства.

Мир, конечно, не остановится. Евразийские культуры войдут в более тесное соприкосновение, где неизбежно будут и конфликты (в первую очередь между мусульманским и христианским мирами), и, в конечном итоге, слияние и синтез. Но нам до этого дела не будет. Внутриконтинентальный котел, тысячелетиями питавший энергией жизни цивилизованные миры, так и не успеет осознать себя как связующую весь континент цивилизацию нового типа. Он замрет еще на несколько веков в труднопредсказуемой форме люмпенцивизованного сообщества с маргинальной культурой. Жизнь пробьет себе дорогу в другом месте.

Если же мы вернемся на дорогу, с которой свернули в 1917 году, и избавимся от отождествления себя с «европейско-североамериканской цивилизацией» и от погони за евроамериканскими «общечеловеческими ценностями», то, возможно, вновь зайдем «срединное» положение страны одинаково открытой для общения и диалога со всеми внутренними и внешними мирами. Вполне вероятно, что перекос линии жизни евразийского котла исправится при этом сам собой. Природа всегда предпочитает равновесие и терпеть не может, когда ее пытаются исправить. Если ей не мешать и при этом не сильно гадить, она сама выберет наиболее оптимальное русло и потечет туда, куда ей надо. Просто не надо насильствовать ни ее целиком, ни ее отдельные составляющие.

И Бог ей в помощь!

P.S. На этом наши кухонные посиделки пока закончились. И хотя ежу понятно, что все это треп да словоблудие, и жизнь, как всегда, все по своему повернет, все-таки интересно, куда наше солнце катится и чем в итоге Россия-матушка успокоится. Очень уж не хочется на старости в своем дерьме оказаться и объедки с чужого стола подбирать. Ни себе такого не пожелаешь, ни детям своим.

- Эй, на деревне! Есть кто умный? Может, скажешь чего?

Юрий и Тамара ЛИТВИНЕНКО

ТАЙНА ЛЕГЕНДАРНОГО ИМЕНИ

Московский государь Иван IV старался поддерживать дружественные отношения с Ногайской ордой. Ногайцам разрешили даже продавать в московских владениях лошадей и прочий скот. Но коварные степняки на обратном пути грабили русичей, а кого и в полон брали.

От набегов ногайских казаки уже давно устроили мощную оборонительную линию на переволоке меж Волгой и Доном. Донские, яицкие и гребенские атаманы, наблюдая бесчинства врагов, решили покончить с набегами раз и навсегда...

Тяжелые громады свинцовых облаков словно легли на деревянные стены ногайского городка, на крыши и высокие минареты. Казалось, они придавили головы противников — защитников и осаждавших — сковали их силы. Душу каждого тяготила предгрозовая тишина.

Взметнулась вверх кольчужная десница атамана. Повинуясь, и воины, и кони затихли, напряжились перед броском. Слепленные казаки, выстроенные в цепочки, подняли на бранные плечи огромные штурмовые лестницы. Пищальники и пушкари вздули огонь для подпала фитилей. Лишь «рубаки» не выпрастывали пока сабель из ножен.

Чудилось, будто и нет никаких ногайцев за высокими стенами... В молчаливом противостоянии особенно гулко прозвучал, отдаваясь в сердцах, топот копыт атаманского аргамака. Превратившись теперь в одиночного бойца-полчницу, тяжелый бронник на скакуне под кольчужной сеткой, с трепетавшим на ветру золотисто-алым стягом встал на излете стрелы у крепостных стен.

— У-у! Шайтан! Собака неверный! Как посмел ты обложить Сарайчик правочерных слуг Великого Аллаха? — раздался окрик со стены. Туча стрел осыпала броню витязя и его коня, не причинив, впрочем, никакого вреда.

Ермак

— Ответь, князь Урус, уж не по его ли велению пожег ты наемни две наших казачьи станицы, многих христьян мирных убил и тьму народу в полон увел? Выдай добром всех рабов — тогда отведу я рать от Сарайчика. Токо должен ты еще выйти в поле. Пусть сам Бог решит, кто середь нас верный, а кто нет.

— Тьфу, собака, сын свиньи! — визгливо прозвучало в ответ. — Скажи, нечестивый, нам имя твое!

«Ишь, гадока, выдумал. Имя скажи им. Чтоб куражились над ём, волховали, злодействовали...» — гневно подумал атаман и прошептал:

— Нате, скусите шиш!

Томительно длилось молчание. Наконец, он выхватил из самоцветных ножен

кривую персидскую саблю, поднял ее над шоломом-ерихонкой, который венчали перья птицы-бабы (степной дрофы), рубанул клинком воздух и закричал громоподобно:

— Ур-ма-а-ак! Ур-ма-а-ак!

— Урмак! — вздрогнули ногайцы. Понятнее самого понятного было им это страшное слово — «бить!»

По сигналу атамана закричали колеса «гуляя-города». Под прикрытием его дубовых щитов шли казаки. Приблизившись к крепости, они рванулись на приступ с лихим боевым кличем:

— Ер-ма-а-ак! Ер-ма-а-ак!

Эти мощные раскаты волной прокатились по всему войску, и даже грохот пушек и ручниц не мог заглушить звуки, неминуемо приносящие казакам победу.

Матвей Мещеряк дал команду взорвать заряд, подложенный ночью под дальнюю стену. Меж тем казаки уже карабкались наверх по приставным лестницам. В облаках дыма, раскатах грома небесного и казачьего «огненного боя» начался штурм ногайского городка.

За его стенами слышались истошные вопли ногайских баб:

— Урмак! Урмак! Урмак! (Бить! Бить! Бить будут!) Перекрывая шум, нарастал и креп боевой казачий клич:

— Ер-ма-а-ак! Ер-ма-а-ак! Ер-ма-а-ак!

— А диковинная, все-таки, штука, братцы: казалось бы, самые простые что ни на есть слова. Чудно, право: порой люди попусту ими сорят, либо похабствуют, а то отберут по жемчужинке, словно на нить нанижут и песни слагают, былины разные чудесные... Тогда слова те до каждого сердца достучать могут, — устремивши взор в бескрайность звездного неба, задумчиво философствовал вслух Афанасий Потанин, сидя в кругу товарищей у бивуачного большого костра яичких казаков.

Никто и не подумал возражать казачьему десятнику — в бою надежному, в грамоте вельми гораздому. Много всякой бывальщины знал он о славных делах предков из времен стародавних, но всем достопамятных.

— Не зря ведь сказано в Писании: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Бог был Слово», — продолжал воин-любомудр. — Вот и я, грешный, иной раз маракую про себя над словом каким заковыристым и вдруг понимать начинаю, что, к примеру, наше СПАСИБО проистекает от СПАСИ БОГ, а ГОСПОДИН — от ГОСПОДЬ ОДИН. Положим, мы, казаки, в поход подушек не берем. Сподручней нам в степу-то спать, подложив под голову кулак аль седло. А в родном курене, на постелях, каждый под ушко что подкладат? Правильно: ПОДУШКУ! Выходит, одне слова Господь с адамовых времен человеку дал, а другие — люди сами, для обиходу меж собой придумали. Да и куды было деваться двуногим тварям опосля столпотворенья Вавилонского? Когда за гордыню людскую смешал Бог все языки, так что неразбериха вышла. Дается мне, господа казаки, что распонял я, наконец, как перетолковывать истинно значенье и происхождение многих слов.

Тут один молодой и бойкий слушатель решил

испытать словесную ухватку дядьки Афони. Дожевывая кусок ржаной лепешки, он влез в его обстоятельные рассуждения:

— Тады распоясни, Митрич, откелева взялось слово МУКА?

«Премудрый пескарь» слегка помедлил, поморщил лоб и сноровисто парировал:

— Слово это хоть малым-мало, а важность великую имеет. Жито, само по себе, рази на полбяну кашу годится. Потому, ишшо во времена незапамятны человеки учухали, что зерно-то можно в порошок истолочь да лепешки испечь, а то и саламату клейку заварить на хлёбово. Токо поди-ка потолки его в ступке аль потри меж двух камней — тута помучиться шибко надобно! Вот и дали ему прозвище МУКА от слова МУКА, стал быть, аль МУЧИТЬ.

— А и то, братцы! Во голова-то! Все просто и ясно, как божий день! Пошто до этого никто не допер боле, окромя нашего Потанина?

Общество одобрительно и нестройно отозвалось казачьим «любо!», а станичный словознавец хитро щурил глаза, глядя, как играют языки пламени, и пряча довольную улыбку в кустистых усах.

— Дозволь я тебе, Афанасий Дмитрич, орех покрепче подброшу, — неожиданно произнес сотник Парамон Мещеряк. — Поглядим, по зубам ли он тебе будет. Имя — Ермак — каждому сызмальства известно, а вот тайну его имени ни дед, ни отец мой не ведали, хоть прадед Матвей Мещеряк был атаманом у самого покорителя Сибири. Было то дело, почитай, два века назад. Многие казачишки полегли в том походе сибирском, а прадед возвратился. Не было для него диковиной имя атаманово. Только ведь имени такого — Ермак — ни в святцах нету, ни среди народа нашего тоже. Тады откуда оно у великого атамана? Ежли можешь, ответствуй, как на духу, пред всем кругом!

Митрич вскинул кудлатую голову и замер, как охотничий пес над дичью под прицелом десятков буровивших его любопытных глаз.

— Да-а, многонько воды, братья-товаришшы, утекло в тех реках, коими прошла казачья дружина Ермака в Сибирь-матушку. Никто теперя не скажет, где точно приняли волны Иртыша могучего воителя, одетого в двойную броню, самим государем жалованную. А сколь песен народных об ём сложено? Сколь камней береговых, пещер да урочищ разных Ермаковым именем зовутся? Молва, однако, об ём самом по свету всяка ходит: «летописцами старых лет» байками разноляпыми да слухами хромоногими. Не кажное из тех блюд по нутру мне пришлось. Но думка об Ермаке душу занозила. Потому свой размысел имею на сей счет.

Потанин задумался, помедлив, и продолжал:

— Имя для любого человека важно, будь ты христианин, басурманин аль вовсе язычник, потому как накрепко оно с душой связано, судьбу определяют и путь ее крепит до гробовой доски, а, быват, и опосля смерти. Тады сами имена, по делам хозяев ихних, бессмертье обретают. Через причисленье к лику святых, через память народну, а то и спосля анафемы, как у Стеньки Разина.

— А вот, к примеру, звал я Кудряша одново. Энто што за имя тако? — спросил один из казаков.

— Да кажный встречал таких-от, как пить дать! Положим: Мал, Храбр, Бренк, Горд, Баян, Первый, Друган, Ждан. А то и вовсе несуразно звали: Косой, Волк, Дурак, Дуб, Щука, Береза.

Казаки закивали согласно, загалдели утвердительно.

— Тут, братцы, одна закавыка имеется. В стары времена для отводу порчи или нечисти полагалось родителям самим нарекать своих чад, а при крещеньи, значит, давал батюшка имя христианское, церковное. Как звали первого яицкого атамана?

— Кто его не знат! Гугня! — загомонили казаки.

— То-то и оно! Гундосый, выходит, — сказал Потанин. — То ись говорил он в нос. А помните хивинский поход-от? Кто атаман? Нечай! То бить не чаяли родители в семье такого прибытка... Шамай тоже. Одново с им поля ягода. А настоящи церковны-те имена тех яицких атаманов один Бог ведат. Ты вот, сотник, почему Мещеряком зовешься? Да прадед твой знаменитый родом из Мещеры был. Земли энтой Мещеры к Рязанщине притираются. Прозвали же в старину славного Илью Муромцем. Из Мурома, стал быть, вышел. Таки-то вот прозвища в зрелу пору к людям прилипают.

— Поди и сам я знаю, откель прадед мой, — обиделся сотник. — Неча коней не в ту степь гнать! Давай ближе к делу. Златоуст станинный!

Афанасий почесал в гривастых кудрях затылка и, нимало не смущаясь замечанием сотника, поехал дальше:

— Я ту присказку к тому ввернул, что указать ноне до точности, где родился, рос и матерел будущий предводитель, то-ись, по-нашему, атаман донских, гребенских и яицких казаков, труденько. Дело-то давнее. А тут ишшо всяко казашно войско норовит приписать покорителя Сибири к своим станицам. Всяк прославиться хочет! Однако, доводилось слышать мне от знающих людей, что родился он на реке Чусовой, в уральских владениях Строгановых, в Сольвычегодской части. Там и окрещен был Василием Алениним. Потом уж самолично сподобилось прочитывать об ём в уральских и сибирских «летописцах». Так прямо и прописано. Ей Бо, вот те крест!

Вьюношей ишшо убег Васька от строгановской кабалы. Годков двадцать поляничал-казаквал в Диком Поле. Телом был зело могутен, в бою искусен, духом тверд, норовом суров, а в вере православной крепок. Любили казачки своего атамана, шли за ним в огонь и в воду. Того и другого кругом было море: гаси — не загасишь, греби — не выгребешь, хлебай — не расхлебаешь! Постановлен он был казашными станицами стеречь границу от набегов басурманских. Окромя того, по обычаю старому, для прокорму и справы да оружностей ради держал атаман разбойный промысел на синем море Каспицком да на Волге-матушке. А и что делать было? Жалованья государева дожидаться? Держи кошелю поширше! Да и хто есть атаман без атаманской казны? Голь перекатная! Тьфу, да и только!

Вот и шерстили казачишки татарски, турецки, армянски, персицки бусы-корабли. Но и государевы суда без царских ербычков (гербов — *Авт.*) с товаром разным ощипывали, как гусей, за милу душу.

Тут вдруг вскинулся Парамон Мещеряк:

— А как тады понимать, что ходют по Яику песни об том, будто помог Ермак Грозному-царю городки Казань и Астрахань брать? Рази мог он опосля милостей государевых супротив него иттить?

— Досужие байки это есть! Хоть вреда в том и никакого вроде! — ответил Потанин. — Сами судите: ежли б в те поры сопливному ишшо молодому казачку было б годков хошь двадцать, то в Сибири атаману, ставшему Ермаком, перевалило бы за пол-лета. В таки-то леты израненному в боях, посеявшему свои зубы в Диком Поле казачищу не по Каменью и Сибириям шастать надобно было, а местечко теплое на печи али келью в тихой обители подыскивать... О покое и спасении души думать... По мне, Ермаку в боях с Кучумом не могло быть больше сороковника. А, вернее будет, и моложе он был гораздо. Так-то вот!

Что Ермак со дружиной заявился на Урал-Камень к купцам Строгановым уже не каким-то Васькой Алениним, а именитым Ермаком Тимофеевичем — спору нет! Новое грозное имя его в те поры далеко впереди рати казашной бежало, заставляло уважать себя и детей боярских, и даже царя. А на врагов и вовсе большущий страх наводило.

Пред сибирским походом Ермак захватил и пожег городок Сарайчик на Яике-реке и многие улусы Ногайской Орды. Зело потрепал атаман войско ордынского князя Уруса. И завсегда, на приступ, в атаку шли ермаковы молодцы с громким боевым кличем: «ЕР-МА-А-АК! ЕР-МА-А-АК!» Энто для нас ноне бой без привышного «ура» вести — все одно, что шти без ложки хлебать. В далеки времена не так было. Ратники разношерстны на Руси, в сраженьях,

кто что горазд горланили. Лишь бы громче и страшовиднее для врага звучало, себя и товарищей бодрило.

— А тады наше-то «УРА!» отклева взялось? — громко послышалось из темноты.

— От ермаковых казаков и взялось, — отстрелил Потанин. — Оно ведь свой скрытой смысл имеет: бей, рази, побеждай! Токо мы об ём не думаем. А ить оно из языка басурманского на Русь пришло. Так же, как исконны наши казачьи слова: атаман, казак, нагайка, кафтан, сарафан и так далее. Испокон веку судьба казачья с кочевниками перехлестывалась и саблями, и языком, и бабами... Н-да, эх-ма...

Вестимо, хивинцы и бухарцы на атаке тоже «УР-УР» кричат, салмаеды (любители лапши — *Авт.*), башкирцы, кыргызы, татары совсем вроде нашего уркают: «УРМАН! УРМАН!» Как и словечко «УР-МАК» оно по-басурмански значит опять же «бить, ударять».

А таперь послушайте и сравните те кличи боевые!

Потанин встал, втянул в грудь побольше воздуха и заорал:

- УР-РА-А-АН!
- УР-МА-А-АК!
- ЕР-МА-А-АК!
- УР-РА-А-А!

Ну, как, почуяли сходственность? То ли ишшо будет, ежли через сотни глоток каждый крик разом пропустить: вовсе не отличишь в гвалте-то один

от другого! Уже одним кликом своим громоподобным, всякому супостату понятным, давали шороху ермаковцы! С грозным именем славного атамана свово шли оне в атаку и на штурм. С им победы вершили, когда боем огненным из пищалей да пушечек маломерных наповал разили противника. Вражьему уху в горячке битвы все едино: что «ЕР-МАК», что «УРМАК», что «УРАН». Хрен, ведь, редьки не слаще! Одно ясно, как день, — каюк настает! Вот и оралы истошно басурмане в объермаченных улусах:

«Хай! Хай! Ермак идет! Ермак идет! Бить будет! Ермак-урмак! Урмак!»

Парамон Мещеряк пробасил вопросительно:

— А когда же имя-то «ЕРМАК» к атаману прилипло?»

— Понятно, что не сразу. Спустя годы боев, лихих атак и побед получил Васька Аленин знаменитое боевое имя-клич. Имя звучное, небывалое и хлесткое, как удар нагайки — ЕР-Р-МАК! Не прогадал атаман, взяв имя дотолы невиданное, неслыханное, единственное.

Из круга напряженно внимавших казаков послышалось:

— Скажешь тоже, Афанасий Дмитрич, редкое! Вон Петька Ермаков туточки сидит и помалкивает в тряпку!

Потанин ловко парировал очередной удар Фомы-неверующего:

— Ею! Дак энто от прадеда поминок ведь, дурень! Таких-то Ермаковых таперь на Руси пруд пруди! А имя Ермак было токо у одного человека — и баста! Ермаковы нонешни от тех ермаковых казаков пошли, что в живых остались после завоеванья Сибири...

Сотник Мещеряк закричал, закрихтел, заворочался в полумраке, смахивая украдкой рукавом невзначай наверху слезинку, хлопнул пятерней по колену и громыхнул удовлетворенно:

— Ну, Потанин, мудрец ты наш самопальный, ну, остромысл! Уважил, открыл зенки на дела предков! Кажись, взаправду все так и было. Любо ли, братцы, слово потанинское? Аль кто супротивность каку иметь станет?

— Любо! — дружно и восторженно разом выдохнул круг. Казачий стан готовился к ночлегу, но волны взбаламученного людского озера, затухая, еще нет-нет да всплескивали в ночной тишине отдельными приглушенными голосами под темным пологом небесной звездной вечности.

Сотник Мещеряк, закутавшись в мохнатую бурку, уже мирно похрапывал, не ведая ни сна, ни духом, что той же осенью 1770 года в пограничной стычке с разбойным отрядом киргиз-кайсаков за Яиком-рекой будет он ранен, а десятник Потанин падет замертво, приняв грудью стрелу, пущенную степняком в его, сотника, спину...

До самого смертного часа пронесет потом уральский полковник Мещеряк благодарную память об удивительном боевом товарище своем, казачьем грамотее-мудреце Митриче, который распознал тайну имени великого Ермака и заслонил собой командира в бою...

Всю жизнь будет он бережно хранить большой кожаный кошель с потанинским поминком — связкой пергаментных листов, густо исписанных затейливыми, но непонятными буквицами устава...

***

Тайна имени легендарного покорителя Сибири издавна волновала умы ученых, краеведов и просто любознательных людей. Нужно сказать, что к концу XX столетия этот вопрос оставался открытым. К немногим, очень уязвимым научным предположениям, выдвинутым еще до начала нашего века, к концу его не прибавилось ничего нового.

Среди них: мнение об образовании формы «Ермак» от мужского личного имени «Иеремия» или «Ермолай» (по Н.В. Бирило); из «Ермолай» или «Ермил» (по Ю.А. Федосюку); от «Ерм» или «Ермолай» (по Н.А. Петровскому). Но были еще «Ермий», «Ермоген» (Гермоген).

Кроме того, есть предположение, что имя «Ермак» — не форма какого-либо канонического мужского имени, а возникло самостоятельно от тюркских слов: ярмак — «деньги» (по В.А. Никонову), ермак — «жерновой камень» (по П. Головачеву), хотя Ермак имел данное ему при крещении имя не в связи с «ермаком». Название жернового камня может иметь обратное вторичное происхождение.

Как видим, версий не столь уж много.

Авторы новеллы не могут согласиться, например, с потанинским толкованием слова «мука». Это типичный образчик народной этимологии (этимология — наука о происхождении слов — *Авт.*). В случае же с «Ермаком» гипотеза народного словознатца достаточно хорошо аргументирована, весьма убедительна и вполне научна.

Сведения об уральском происхождении Ермака от Василия Тимофеевича Аленина, действительно, содержатся в «Бузулукском летописце» («Сказание Сибирской земли»), обнаруженным А.А. Дмитриевым, а также в «Летописце старых лет», найденном в Сольвычегорских краях, и в работах Е.К. Ромодановского (см. «История Урала», том I, изд-во «Наука», Москва, 1989 год).

Рисунки авторов

Олег ВОДОПЬЯНОВ

ХАРБИН:

РУССКИЙ ГОРОД НА ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ

Среди ученых-социологов и любителей-обществоведов есть в обиходе понятие — «Закон трех поколений». Согласно ему, если прерывается связь и передача опыта, как минимум, между тремя поколениями — «родители — дети — внуки» — даже самый богатый духовно и интеллектуально в прошлом народ в течение нескольких десятилетий способен деградировать до бесформенного сообщества маргинального типа. Этакого, лишённого корней, «перекачиполя», не знающего, где верх, а где низ, и готового уцепиться за любую почву, куда прикатит его очередной ветер очередных перемен.

Вспомните, так оно и было. Сперва — революция и гражданская война, положившая в землю и отправившая в изгнание целые сословия с их вековой верой в честь, царя и отечество. Затем — коллективизация, героем которой стал пионер, отправивший в тюрьму отца-землепашца, и великие стройки коммунизма с эшелонами молодняка, мечтающего начать жизнь «с нуля» вопреки ретроградкам-родителям. И как приглушенный лозунгами и гимнами лейтмотив всего этого — «лагеря-лагеря-лагеря...». Для тех, кто не был готов поставить предложенные новым государством законы и мораль выше закона внутренней нравственности. Для тех, кто не был способен отречься ни от детей своих, ни от родителей. Для тех, кто не умел торговать своей совестью и честью.

Я не сужу ни тех, кто судил, ни тех, кто был судим. У меня нет такого права, и я не собираюсь его присваивать. Слишком трудно было выжить на этой земле, с которой трижды и еще три раза срезали плодородный слой чернозема. Слишком часто ее перепаживали, обрывая связи и выворачивая наизнанку когда-то святые понятия. Слишком наивно ожидать,

*Свято-Николаевский собор.
г. Харбин*

что за одно поколение и само по себе снова прорастет то, что губилось десятилетиями. И потому я не ищу «правду для всех». Я просто ищу свои собственные корни, способные связать в единое целое прошлое моих прадедов, мое настоящее и будущее моих детей.

Сегодня, когда в очередной раз идеология нашего государства перевернулась с ног на голову (или с головы на ноги, что без разницы), многие поступают именно так, инстинктивно следуя древнейшему принципу воспитания — «Делай, как я». Кто-то ищет в архивах и собирает по крохам свою родословную, кто-то шьет на заказ казачий мундир, кто-то возводит усадьбу «а ля кержак». А я вспоминаю город Харбин. Русский город на далекой китайской земле. Русский

город, где похоронен мой прадед, откуда ушел под расстрел дед и родился отец. Единственный русский и российский город, которого не коснулся «закон трех поколений», обернувшийся для нас распадом преемственности и забвением традиций.

1898 — 1917

РУССКИЙ ГОРОД НА ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ

1895-й год. Россия — одна из крупнейших держав мира — стремительно идет навстречу двадцатому веку. Давно отменено крепостное рабство, освоен Урал, пошло прирастание Сибири, и Европа уже начинает кормиться с российского стола. Всеми миру ясно, что двадцатый век будет веком России; а Россия, раскинувшись на весь континент от моря до океана, чувствуя прибывающую силу, пробует себя в трансконтинентальных проектах. Одним из них

стала идея соединить кратчайшим путем Европу и Азию.

Был объявлен конкурс, и представлено несколько проектов. Победу одержал проект контр-адмирала Копытова, поддержанный министром финансов С.Ю. Витте. На картах будущего строительства пунктиром пролег железнодорожный путь Москва — Тихоокеанское побережье через Сибирь и Манчжурию.

В конце 1895 года начались переговоры с Китаем. Россия предоставила Китаю займ в четыреста миллионов рублей золотом при 4% годовых, и в 1896 году Китай выдал России концессию на строительство и эксплуатацию Маньчжурской железной дороги, известной ныне как КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога. Постройка и эксплуатация КВЖД на срок 80 лет со дня открытия движения предоставлялись «Обществу КВЖД» и одноименному банку.

На строительство и эксплуатацию железной дороги хлынуло российское население. Это были люди разных национальностей и вероисповеданий, разных социальных слоев и устоев, но, несомненно, трудолюбивые, предприимчивые и способные уважительно жить в окружении других народов. За несколько лет строительства (сквозной проезд открылся 1 июля 1903 года) российские люди проложили 2373 версты рельсовых путей, отстроили множество станций и поселков, акклиматизировали в местном сельском и садовом хозяйстве новые культуры, заложили основу животноводства, добывающей и перерабатывающей промышленности. Все это, спустя несколько десятилетий, сделало Манчжурию самым развитым промышленным районом Китая.

Сам Харбин начался морозным мартом 1898 года, когда инженер Адам Шидловский с партией из 25 рабочих, фельдшером, метеорологом и с полусотней кубанских казаков охраны вошли в Манчжурию и по распутице проселков добрались до берега реки Сунгари. На тридцати телегах обоза вместе с оборудованием и провизией они везли царские двухпудовые болванки серебра, коим в виде тонких плиточек надлежало расплачиваться за все на чужой земле, где русские рубли, естественно, не ходили. Встретившись в дороге с группой людей от изыскательской партии, отряд Шидловского остановился на постоялом дворе около ханшинского завода («ханша» — водка из гаоляна). Этот утопанный земляной двор и фанза-мазанка 11 апреля 1898 года стала точкой возникновения города Харбин.

Город рос быстро и стремительно. Строили его русские архитекторы по единому плану, утвержденному в С.-Петербурге, а первый деревянный Свято-Николаевский собор рубили в Вологодчине. Русские

плотники в центре России подгоняли бревна, резали кружевную отделку, потом везли через всю Россию в Манчжурию, и «...в лето от сотворения мира 7407, от Рождества же Христова 1899 года, октября 1-го дня...» в храме прошло первое богослужение. Место первых построек назвали «старым городом», а «новый город» строили на возвышении уже из кирпича местных заводов: китайского из-под Ашихэ и своего — крупного, розоватого, с большим выпуклым штампом КВЖД — с разбега «Интендантский». Жители говорили о городе: «Восточный Петербург». Улицы, как в Петербурге, Большой проспект... Но все это, конечно, было слабым, маленьким подобием того, что было дорого любому русскому сердцу.

Теперь, с дистанции прошедшего столетия, ясно видна уникальность тех лет и событий. Меньше чем за десятилетие на безлюдной и суровой территории, где даже гвозди и пустые бутылки представляли диковинку, возникла так называемая «полоса отчуждения». На чисто азиатской земле — компактная цивилизация европейского, а по своим корням — чисто русского типа. Иногда это стремительное освоение Манчжурии русскими сравнивали с освоением американцами Дикого Запада. Но, несмотря на внешнюю схожесть, сравнение абсолютно неправомерное. Американские переселенцы, вытесняя и уничтожая коренное население, осваивали территории «под себя», по сути дела, закладывая основы современной американской цивилизации (при всех ее плюсах — исключительно эгоцентричной). Русские в Северной Манчжурии показали пример «цивилизаторов» совершенно иного качества. Отстраивая города и поселки, внедряя в местный обиход новые отрасли сельского хозяйства, создавая и развивая промышленность, они сумели сохранить взаимоуважительное и цивилизованное сосуществование и с коренным населением, и с окружающими их нациями. В том же Харбине, где язык общения и базовая культура были русскими, в тесном общении между собой существовали другие национальные общины со своими храмами, школами и общественными заведениями. Коренное население жило своей жизнью, соблюдая свои праздники и обычаи: китайцы в свой Новый год, в феврале, носили по улицам драконов, танцевали под грохот огромных барабанов и медных тарелок, буряты и монголы устраивали в степи состязания всадников и т.д.

Спустя десять лет от основания население Харбина перевалило за 40 тысяч. Внешне он более всего напоминал тихий и патриархальный губернский город с 2-3-этажными особняками и мощеными центральными кварталами, где размещались учреждения, конторы, магазины и банки. Он прекрасно справлялся со своей функцией узловой железнодо-

рожной станции и тыловой военной базы; и никто из его жителей не сомневался в том, что, когда истечет срок концессии, русские уйдут из этих мест так же достойно, как и пришли. Но история уготовила Харбину другую судьбу — куда более возвышенную и вместе с тем трагичную.

1917 — 1945

РОССИЙСКАЯ АТЛАНТИДА

Взрыв потрясений революции 1917 года и гражданской войны выбросил огромный поток сынов и дочерей России прочь от своей земли: одних — в Европу, других — на берег турецкий, а кого-то — на землю Манчжурии и к берегам Желтого моря. Но если в странах Европы и Америки, в Канаде или Австралии для русских было естественно обрести вторую родину и продолжить жизнь наравне с местным населением, то в восточных странах русский человек, как и любой европеец, всегда оставался иностранцем. Харбин уже был русским городом, и после Октябрьской революции стал главной экономической и культурной базой русской эмиграции в Китае.

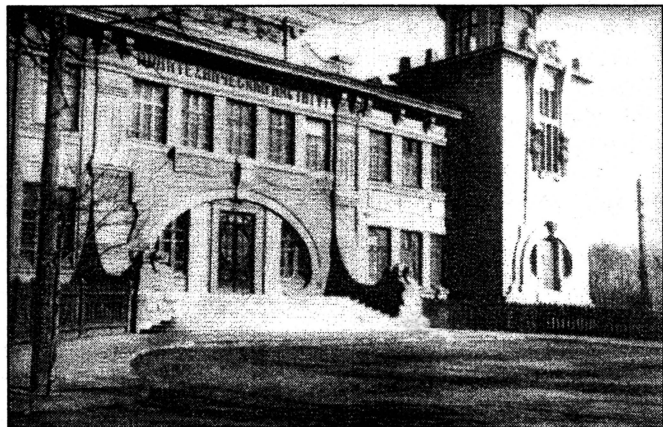
В 1923 году пала буржуазно-демократическая Дальневосточная республика. Харбин принял под свое крыло последнюю волну русской эмиграции, к середине 20-х годов в городе проживало более 200 тысяч человек. Концентрация интеллектуальных, научных, культурных и предпринимательских сил была необычайна. К началу тридцатых в городе было шесть высших учебных заведений, укомплектованных блестящей русской профессурой, и три (!) консерватории. Еще с конца прошедшего века в центре города стояло прекрасное здание Железнодорожного Собрания на 1200 мест с богатейшими костюмерной и библиотекой, с двумя огромными фойе и первоклассным рестораном, где можно было остаться поужинать после спектакля. С 1918 года в Харбине собираются артисты со всех концов России, и Харбин буквально становится центром театрального искусства на Дальнем Востоке. На харбинской оперной сцене выступают знаменитые басы А. Мозжухин, В. Конторский и Ф. Шаляпин, тенора Владимирский, Оржельский, Витинг и Лемешев, певцы Лещенко и Вертинский. Здесь проходят последние новинки МХАТа, ставятся новые пьесы французских авторов. Кроме русской оперы, были украинская опера и драма, прекраснейшая оперетта, симфонический оркестр, хор и струнный оркестр. Студент Харбинского политехнического Олег Лундстрем создал здесь в 1934 году

свой джаз-оркестр, который шесть десятилетий задал тон российской, а потом и советской джазовой музыке.

Театр начинается с вешалки, город — с гостиниц. Фешенебельные харбинские отели — «Гранд-Отель», «Ориант», «Европа», «Модерн» — могли соперничать с лучшими отелями мира. Но это не были красивые этикетки, прикрывающие прорехи. Вся жизнь города во всех ее проявлениях показывала, каких успехов может добиться частное предпринимательство при наличии элементарных условий: разумных налогах, правовой защите предпринимателя и купца и достаточно высоком культурном уровне самих предпринимателей и работников государственных и правоохранительных органов. Вот как описывал в воспоминаниях харбинские гастрономы выпускник ХПИ Б. Козловский:

«И чего там только не было! Помимо всевозможных консервных товаров со всего света были всевозможные окорока, чайные колбасы с чесноком и без оного, колбасной фабрики Лейтлова, польские, краковские, сельтисоны, ливерные, московская, куриная итальянская, испанская и много других. Колбасы были свежие, концы их обрезались, предлагался самый лучший товар «со слезой»... А разве можно забыть ряд огромных бочек, стоявших на полу и доверху наполненных разного рода красной икрой...»

В течение тридцати с лишним лет после Октябрьской революции общественная и культурная жизнь большой русской колонии протекала по укладу дореволюционной России. Вдали от Родины, сотрясаемой социальными катастрофами, она жила традиционной русской жизнью. Ребенок идет в русскую школу, заканчивает ее и идет учиться дальше — в высшее учебное заведение, на курсы и т.д. И везде русские учителя, русская речь, русское обучение. Хочется вечером пойти в театр, на концерт, в оперу,

Харбинский политехнический институт

на балет — все по-русски: и программа, и разговор в зале и на сцене. Празднуются все православные праздники, соблюдаются обычаи и традиции: крещение детей, венчание в русской церкви. На Рождество устраиваются елка, детские утренники, дети ходят со звездой; затем — масленица с традиционными блинами, варениками, сырниками и катаниями; а затем — Пасха с куличами, крашеными яйцами, хождениями к заутрене и, конечно же, с визитами к знакомым и не очень знакомым...

Конечно, нельзя сказать, что жизнь в городе была полной идиллией. Железная дорога остается в совместном ведении Китая и России — уже советской. Обслуживающий КВЖД персонал имеет советское гражданство, и в одном городе в разное время жили рядом коммунисты и монархисты, сов. служащие и бывшие белогвардейские офицеры, сотрудники БРЭМа (Бюро Русских Эмигрантов) и члены Всероссийской фашистской партии, казаки атамана Семенова, крестьяне, рабочие и просто обыватели. Отношение к большевикам и к советской власти было вполне понятным и обоснованным. В центре города стоял мраморный монумент «Борцам против Коминтерна» (взорван в августе 1945 г.), и подростки из белоэмигрантских молодежных организаций «Союз мушкетеров», «Крестоносцы» и «Черное кольцо» ходили с пистолетами к 4-й советской школе драться с комсомольцами — детьми сов. служащих. Но не было гражданской войны, брат не стрелял в брата, сын не отказывался от отца и не горели дома «классовых врагов».

«Золотой век» Харбина длился недолго. В сентябре 1931 года Япония оккупировала Манчжурию,

и 6 февраля 1932 года японские войска вошли в Харбин. На территории Манчжурии было создано марионеточное государство Манчжоу-Го, которое просуществовало 13 лет (с 1931 по 1944 годы). В 1935 году Советский Союз, фактически потерявший контроль над железной дорогой, был вынужден продать права на КВЖД Японии и предложил всем строителям КВЖД, а также служащим, имеющим советское гражданство, вернуться на родину. Их были тысячи. В большинстве своем они не представляли, насколько сильно изменилась Россия в их отсутствие. Жестокое и трагичное время. Все они были почти поголовно истреблены в 1937 году по оперативному приказу Ежова (приказ № 00593 от 23.09.1937 — «арест и расстрел всех в срок до 25.12.1937 г.»).

Затем начались Вторая Мировая и Великая Отечественная. По-разному относясь к большевистской, советской и социалистической России, большинство харбинцев были единодушны в одном — они желали победы отказавшейся от них родине и с нетерпением ждали «своих».

1945 — 1976

ИСХОД

«Свои» пришли в конце августа 1945-го. Город был окружен советскими войсками и под угрозой разрушения «катюшами» сдан японцами без боя. Сначала на харбинском аэродроме высадился малочисленный десант, потом в город вошли сухопутные войска, чуть позже по Сунгари поднялись корабли

Улица Китайская, район «Пристань» (конец 20-х). Справа — гостиница «Модерн»

Амурской флотилии. Среди горожан прошел слух, что в город пустят «роковосовцев». Но запечатанные эшелоны с войсковыми частями, сформированными из заключенных, проследовали через город без остановок. 16 сентября в г. Харбине был проведен парад в честь победы над Японией, который принимал маршал А.М. Василевский. «Харбин — город многонациональный. Помимо китайцев и русских в нем жили своими общинами корейцы, поляки, татары, немцы и другие народности. Все они вышли на демонстрацию в национальных одеждах с детьми...», — писал в своих мемуарах генерал А.П. Белобородов. Но у радости победы и встречи с соотечественниками была и оборотная сторона. Уже на второй день «советской власти» за рекой Сунгари на пустыре вырос палаточный городок, обнесенный колючей проволокой, и там сотрудники СМЕРШа взялись за привычный им труд. Брали всех, даже больных и раненых из госпиталей. Творческую интеллигенцию в один из вечеров пригласили на торжественное собрание и, угостив шампанским, вывезли из города в закрытых машинах навстречу смерти и неизвестности.

Несколько лет тому назад в областной архив Екатеринбурга были переданы на хранение отдельные следственные дела Хабаровского и Владивостокского НКВД. Есть там и следственные дела харбинцев, в том числе — моего деда. При чтении стенографических записей допросов поначалу возникает недоумение. В ответах допрашиваемых нет бреда под диктовку и самооговоров, столь характерных для сталинской эпохи. Но совершенно непонятна та легкость, с которой люди рассказывают о своих убеждениях, о своих друзьях и сослуживцах, о сотрудничестве с японцами, членстве во Всероссийской фашистской партии или работе в БРЭМе. Но потом понимаешь, что эти люди просто не умели лицемерить, изворачиваться или возводить напраслину на своих близких. Они говорили то, что думали, будучи абсолютно уверенными в своей невиновности перед советской Россией. Согласно сталинской конституции, тот, кто не совершал преступлений на территории советского государства, не подлежал суду; они же в большинстве своем попали в Китай еще детьми, увезенные родителями совсем из другой страны. Но, будь они даже не столь наивны, вряд ли судьба их сложилась бы иначе. Шестьдесят тысяч человек «российского» населения Северной Манчжурии (из них 25 тысяч — харбинцы) ушли в 1945 году под расстрелы и в лагеря ГУЛАГа.

Той же осенью 1945 года Советский Союз передал все права на освобожденную территорию китайским коммунистам и вывел свои войска с территории Северного Китая. Все советское и трофейное

японское оружие, военная техника и имущество достались братьям по классовой борьбе. В Китае началась гражданская война между коммунистами, во главе с Мао Цзэдуном, и гомильдановцами за Манчжурию — самый развитый в промышленном отношении район.

Когда из Харбина уходили японцы, русская община организовала добровольные отряды народной милиции, взяла под охрану город и банки, в которых до августа 1945 года хранилась казна Сибирского казачьего воинства. Теперь же, когда ушли «свои», защитить город было некому. Это была страшная зима. Бандитизм, грабежи, стрельба по ночам и обледеневшие трупы на утро. Русский город, лишенный своих лучших мужчин, распался на глазах.

Имея поддержку СССР, китайские коммунисты победили и получили прочный тыл с 40-миллионным населением, с металлургическими и машиностроительными заводами, с угольными разработками, с надежной продовольственной базой и развитой сетью железных дорог. Китайская революционная армия вошла в Харбин весной 1946 года. Порядок навели быстро — с азиатской и коммунистической жестокостью. Но история последнего архипелага затонувшей российской Атлантиды подходила к концу. Предчувствуя это, многие харбинцы покинули город и двинулись в Австралию, Европу, Южную и Северную Америки. Они расселились по разным странам и континентам, но до сих пор не теряют связи друг с другом. Оставшиеся все последующие годы, вплоть до кончины «отца народов», слали в советское консульство прошения на въезд в Советский Союз. Но ответ всегда был отрицательным, подчас в самой грубой форме. И лишь в год, когда «великого усача» положили в мавзолей, а китайское правительство объявило свою страну «Китаем только для китайцев», советская Россия открыла свои двери.

В 1956 году Харбин перестал быть русским. В СССР вернулись не все. Кто-то не смог простить потерь и обид, кому-то не было пути назад. Но большинство все же решило связать свою судьбу с судьбой соотечественников. Это было трудное вживание в мир с иной психологией, с особым «советским» мышлением, с новыми традициями и обычаями. Надо отдать должное и времени, и советскому государству. Всем, кто вернулся в середине пятидесятых, почти сразу были обеспечены все права граждан: жилье, работа, бесплатное образование и медицинское обслуживание. Судьбы этих людей сложились, в основном, благополучно. Все они честно живут и трудятся в своей стране и не стали для нее обузой.

ЭПИЛОГ

И все-таки, я оптимист. Я все-таки верю в то, что Россия сумеет подняться из пропасти, в которую ее столкнули большевики. Хотя поводов к тому немного. Американский «совковый» Брайтон-Бич — вот русская колония от сегодняшней России, ее сегодняшнее зеркало. И еще одна примета «плохого» времени — харбинцы, уже поднявшие детей и внуков, начинают уезжать из страны, казалось бы, распрощавшейся с недавним прошлым. «Закон трех поколений» немолчим. Но в истории России и русского народа есть немало примеров тому, что и на самой дикой и пустынной земле можно вырастить прекрасные сады и воспитать добрых и счастливых детей. Слишком глубоки и сильны были корни. Слишком горячо было пламя русской нации и российского государства, огонек которого так долго хранили на берегах далекой маньчжурской реки.

Часовня в память Николая II и Александра Сербского, г. Харбин. Здесь хранились негасимая лампада в форме Императорской короны и драгоценная хоругвь в виде Георгиевского креста

Арсений НЕСМЕЛОВ

Из книги «Полустанок» (1938 г., Харбин)

Как чума, тревога бродит —
Гул лихих годин...
Рок черту свою подводит
Близ тебя, Харбин.

Взрывы дальние, глухие,
Алый взлет огня —
Вот и нет тебя, Россия.
Государыня!

Мало воздуха и света.
Думаем, молчим.
На осколке мы планеты
В будущее мчим!

Скоро кануть, иль не скоро,
Сумрак наш рассеет...
Про запас ты, видно, город
Выстроила сей.

Сколько ждать десятилетий,
Что, кому беречь?
Позабудут скоро дети
Отеческую речь?

Милый город, горд и строен.
Будет день такой,
Что не вспомнят, что построен
Русской ты рукой.

Пусть удел подобный горек —
Не опустим глаз:
Вспомни, старик-историк,
Вспомни про нас.

Ты забытое отыщешь,
Впишешь в скорбный лист,
Да на русское кладбище
Забегит турист.

Он возьмет с собой словарь
Надписи читать...
Так погаснет наш фонарик,
Утомясь мерцать!

Арсений Иванович Митропольский (поэтический псевдоним — Несмелов). Кадровый военный, участник Первой мировой и гражданской войн, прожил в Харбине 20 лет, погиб в одном из пересыльных сталинских лагерей в 1945 году.

Эдуард МОЛЧАНОВ

БАЛЛАДА О БРОНЕВИКЕ

Арсений Несмелов

«Бронепоезд «Полярный» № 14-69 охранял железнодорожную линию от партизан.

Остатки колчаковской армии отступали от Байкала: в Маньчжурию, по Амуру на Владивосток.

Капитан Незеласов, начальник бронепоезда, сидел у себя в купе вагона и одну за другой курил маньчжурские сигареты, стряхивая пепел в живот расколотого чугунного китайского божка» — так писал в 1922 году в своей знаменитой (ставшей классической советской пьесой) повести, опубликованной впервые на страницах журнала «Красная Новь», Всеволод Вячеславович Иванов. О рельсовой войне, о грозном оружии красных и белых армий — бронепоездах — сохранилось немало самых различных свидетельств. Бесчисленное число раз тиражировалась у нас по радио разучиваемая едва ли не с детского сада песня-агитка, в которой утверждалось, что «Иркутск и Варшава, Орел и Каховка — этапы большого пути», и что наш бронепоезд стоит на запасном (читай: готов к атаке! — Э.М.) пути.

А все-таки, что же это за «этапы», если к ним не предвзято приглядеться теперь?

В Иркутске, как известно, чехами был предатель-

ски передан большевиками для расстрела Верховный правитель адмирал А.В. Колчак, ученый и путешественник с мировым именем, Герой обороны Порт-Артура и верный защитник морских рубежей России в годы Первой мировой войны, автор одного из самых любимых в России романсов «Гори, гори, моя звезда». А следующий этап — Варшава, взятие которой предвкусил в Кремле непревзойденный стратег большевизма Ильич, как дальнейшее звено распространения революции в Европе, не состоялся и вовсе. Красная Армия понесла тяжелые потери и откатилась назад.

Стремление отразить эпоху Гражданской войны, роль бронепоездов на ее фронтах и, прежде всего, конечно, судьбы тех, кто сражался в экипажах, привлекало талантливых авторов. Воевавший в Добровольческой армии солдатом на бронепоезде «Дым» Георгий Иванович Газданов, впоследствии ставший одним из видных писателей русской эмиграции, оставил в биографическом романе «Вечер у Клэр» очень печальные и, судя по всему, вполне реальные свидетельства о том, как его бронепоезд метался по Таврии и Крыму, словно зверь, загнанный облавой подступающих охотников:

«Последнее наступление белой армии продолжалось недолго, — признавал автор, — вскоре опять по замерзающим дорогам войска бежали на юг. В те месяцы судьба армии интересовала меня меньше, чем ранее; я ездил на площадке бронепоезда мимо выжженных полей и желтых деревьев».

В дальнейшем бронепоезд, как сообщает автор, был захвачен красноармейскими отрядами, и только три десятка уцелевших из его команды солдат и офицеров отступали вместе с остальными войсками, чтобы морем покинуть Россию.

Монументальная громада бронепоезда на запасном пути осталась символом эпохи не только в светловской «Каховке». Перу видного поэта русского зарубежья Арсения Несмелова принадлежит малоизвестная до сих пор нашему читателю блестящая баллада «Броневик». В этом произведении автору, на наш взгляд, удалось отойти от идеологических стереотипов и воссоздать боевой путь, вернее, своего рода историко-литературный маршрут ржавеющего в тупике мертвого белогвардейского бронепоезда «Капшель», свидетеля и участника братоубийственной войны, а главное — запечатлеть образ времени, неискаженный трагический образ.

Арсений НЕСМЕЛОВ

БРОНЕВИК

У розового здания депо
С подпалинами копоти и грязи,
За самой дальней рельсовой тропой,
Куда и сцепщик с фонарем не лазит, —
Ободранный и загнанный в тупик,
Ржавеет «Капель», белый броневик.

Вдали перекликаются свистки
Локомотивов... Лязгают форкопы.
Кричат китайцы... И совсем близки
Веселой жизни путаные тропы;
Но жизнь невозвратно далека
От пушек ржавого броневика.

Они глядят из узких амбразур
Железных башен — безнадежным взглядом,
По корпусу углярок, чуть внизу,
Сереет надпись: «Мы — до Петрограда!»
Но явственно стирает непогода
Надежды восемнадцатого года.

Тайфуны с Гоби шевелят пески,
О сталь щитов звенят, звенят песчинки...
И от бойниц протянуты мыски
Песка на опороженные цинки:
Их исковеркал неудачный бой
С восставшими рабочими, с судьбой.

Последняя российская верста
Ушла на запад. Смотаны просторы.
Но в памяти легко перелистать
Весь длинный путь броневика, который,
Фиксируя атаки партизаньи,
Едва не докатился до Казани.

Врага нащупывая издалека,
По насыпи, на зареве пожарищ, —
Сползались тяжко два броневика,
И «Капель» обстреливал «Товарищ».
А по бокам, раскапывая степь,
Перебегала, кувыркаясь, цепь.

Гремит великолепная дуэль.
Так два богатыря перед войсками,
Сойдясь в единоборческий дуэт,
Решали спор, тянувшийся годами...
Кто Голиаф из них и кто Давид, —
Об этом будущее прогремит.

Подтягиваясь на веревке верст,
Кряхтя, наматывая их на оси,
Полз серый «Капель», неуклонно пер,
Стремясь Москву обстреливать под осень.
Но отступающим — не раз, не два —
Рвались мостов стальные кружева.

А по ночам, когда сибирский мрак
Садился пушкам на стальные дула, —
Кто сторожил и охранял бивак,
Уйдя за полевые караулы?
Перед глухой, восставшею страной
Стоял и вслушивался, стальной...

Что слышал он, когда смотрел туда,
Где от костров едва атели вспышки
И щелкнувшей ладонью — «на удар!» —
Гремел приказ из командирской вышки.
«Костры поразложили, дуй им в пим!
Пусть, язви их, не спят, коль мы не спим!»

У командира молодецкий вид.
Фуражка набок, расхлебаснут ворот.
Смекалист, бесшабашен, норовист, —
Он чертом прет на обреченный город.
Любил когда-то Блока капитан,
А нынче верит в пушку и наган.

Из двадцати трех — отданы войне
Четыре громахающие года...
В земле, в теплушке, в тифе и в огне
(Не мутит зной, так треплет непогода!) —
Всегда готов убить и умереть,
Такому ли над Блоками корпеть!

Но бесшабашное — «не повезло!»
Становится стремительным откатом,
Когда все лица перекосит злость
И губы изуродованы матом:
Лихие пушки, броневик, твои
Крепят арьергардные бои!

У отступающих неверен глаз,
У отступающих нетверды руки,
Ведь колет сердце ржавая игла
Ленивой безнадежности и скуки,
И слышен в четкой тукоте колес
Крик красных партизанов: «Под откос!»

Ты отползал, как разъяренный краб,
Ты пятился, подняв клешни орудий,
Но, жаждой мести сердце обокрав,
И ты рванулся к плачущей запруде
Людей бегущих. Мрачен и жесток,
Давя своих, ты вышел на восток...

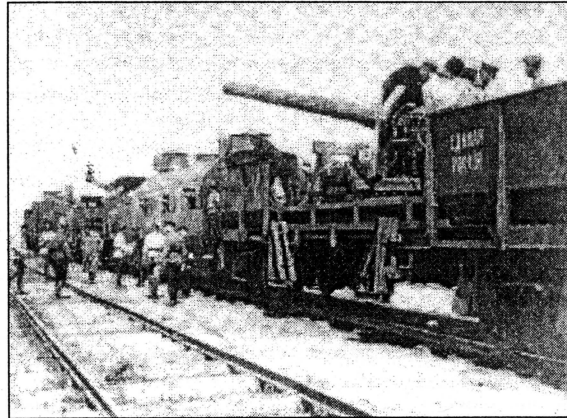
Граничный столб. Китайский офицер
С раскосыми веселыми глазами,
С ленивою усмешкой на лице
Тебя встречал и пожимал плечами.
Твой командир, — едва ль не генерал, —
Ему почтительно откозырял.

И командиру вежливо: «Прошу!»
Его команде лающее: «Щубо!»*
Надменный, как откормленный буржуй,
Харбин вас встретил холодно и грубо:
— Коль вы, шпана, не добыли Москвы,
На что же, голоштаные, мне вы?

И чтоб его сильней не прогневить,
Еще вчера стремительный и зоркий, —
Уполз покорно серый броневик
За станцию, на затхлые задворки.

И девять лет на рельсах тупика
Ржавеет рыжий труп броневика.

И рядом с ним — ирония судьбы,
Ее громокипящие законы, —
Подняв молотосерпные гербы,
Встают на отдых красные вагоны...
Что может быть мучительней и горше
Для мертвых дней твоих, бесклювый коршун!

ПОТОМКУ

Иногда я думаю о том,
На сто лет вперед перелетая,
Как, раскрыв многоречивый том
«Наша эмиграция в Китае»,
О судьбе изгнанников печальный
Юноша задумается дальний.

На мгновенье встретятся глаза
Сущего и бывшего: котомок,
Страннических посохов стезя...
Скажет, соболезнуя, потомок:

— Горек путь, подслеповат маяк,
Душно вашу постигать истому.
Почему ж упорствовали так,
Не вернулись к очагу родному?

Где-то упомянут, — со страницы
Встану. Выжду. Подниму ресницы:
«Не суди. Из твоего окна
Не открыты канувшие дали:
Годы смыли их до волокна,

* Нельзя, прочь! (кит.)

Их до сокровеннейшего дна
Трупами казненных закидали!

Лишь дотла наш корень истребя,
Грозные отцы твои и деды
Сами отказались от себя,
и тогда поднялся ты, последыш!

Вырос ты без тюрем и без стен,
Чей кирпич свинцом исковыряли,
В наше ж время не сдавались в плен,
Потому что в плен тогда не брали!»

И не бывший в яростном бою,
Не ступавший той стезей неверной,
Он усмешкой встретит речь мою
Недоверчиво-высокомерной.

Не поняв друг в друге ни аза,
Холодно разъединим глаза,
И опять — года, года, года,
До трубы Последнего суда!

Литературный клуб «Журавушка»

5 лет работает в пос. Тугулым Свердловской области литературный клуб «Журавушка». Его бессменный руководитель Киров Николай Александрович сумел не только собрать вокруг себя самостоятельных и начинающих поэтов всех возрастов и социальных слоев, но и убедить районную и поселковую администрацию в том, что забота о провинциальной (а по сути своей — народной) культуре не менее важна, чем общегосударственные проблемы. Большую помощь в проведении заседаний клуба, организации поэтических концертов, выпуске малотиражных поэтических сборников оказывают тугулымский предприниматель-меценат Поротников Виктор Петрович, зав. отделом культуры района Тюрин Иван Григорьевич и директор центральной районной библиотеки им. А.С. Пушкина Гимгина Елена Ивановна. Спасибо им!

А стихи — вот они. Понятные и близкие, как наша родная природа. Прозрачные и чистые, как ключевая вода.

Андрей БОГДАНОВ

*п. Тугулым
Свердловской области*

***

У избышки забытой, заброшенной
Зацвела синим цветом сирень.
Навалился забор перекошенный
На скрипучую старую дверь.
Кто-то весил ее, напеваючи,
Кто-то с трепетом в ночь открывал.
От нее, молоденки, играючи,
Старший брат на войну пошagal.
Через год злой зимой еще двое
Побрели в угасающий день.
И согнулась от снега и горя
Под окошком надолго сирень.
Похоронок несчастная доля
Стороной эту дверь обошла,
Но ни весточки — сжавшись от боли,
Умирая, надежда ушла.
Мать старушка недолго поплакав
Богу душу свою отдала.
И зарос огород диким злаком,
Двор бурьяном, в избе тишина.
...Но горит каждой новой весной
Синим цветом упрямо сирень,
И тревожит ночью порою
Все скрипит, стонет старая дверь.

Лидия МАРКОВА

*село Яр, Тугулымский район
Свердловской области*

А НА ДЕРЕВНЕ НОЧЬ

А на деревне ночь зимняя,
Метель все за окном вымела.
Луна из облаков выплыла
Ох, жду я не дождусь милого.

А на деревне ночь лунная,
И снова о тебе думаю.
Надену кожушок-благодать,
Чтоб до утра тебя целовать.

А на деревне ночь темная,
Никак не усую дома я,
Засыщу голос твой, дроздочка,
Навстречу побегу с горочки.

А на деревне ночь снежная,
Слова любви шепчу нежные,
И унесусь с тобой в сказку я,
Какой же ты опять ласковый.

А на деревне ночь звездная,
Приду домой одна поздно я,
И буду ждать опять вечера,
Любовь моя, любовь вечная.

А на деревне ночь кончилась
Осталась без тебя, с дочерью.
Играет ветер-плут с ветками,
Как паренек лихой с девками.

АХ, КАК ХОЧЕТСЯ ВЛЮБИТЬСЯ

Ах, как хочется влюбиться
В гармониста за рекой,
Мне поэтому не спится,
Потеряла я покой.

Осень «бабым летом» манит
За стога, за косогор,
Если сердце одурманит
Песней звонкою Егор.

Но не слышу я гармошки,
И частушек вечерком,
Не к Егору, а к Тимошке
Снова я спешу тайком.

Под ногами лист шуршит,
Шум чарующий такой,
Ах, как хочется влюбиться
В гармониста за рекой.

ДЕРЕВЕНСКОЕ ДЕТСТВО МОЕ

Заблудилась в тумане сосенка,
На бурьяне от инья резба.
Как когда-то к милому девчонка
Притулилась к тыну изба.

В ней лавчонки накрыты тряпицей,
Рукомойника старого блеск,
Под порогом скрипит половица,
Дров осиновых манящий треск.

В сенях кадка с квашною капустой,
Коромысло, да четверть пивца,
В хлеве скот, в огуречнике пусто,
Сброу чинит мой дед у крыльца.

На печи в перестенке парёнки,
Керосинки дымит огонек,
На вечерках частушечку звонко
Выводил под гармонию паренек.

Возле ставенек бабы шутило
Про свое вспоминали житье...
Здесь промчалось быстро, красиво
Деревенское детство мое.

Уж давно тут никто не крестится
В сенях пыль, а в ограде былье.
Очень хочется вновь возвратиться
В деревенское детство мое.

Валентина КОРКИНА

*пос. Луговской, Тугулымский район
Свердловской области*

***

Я помню, как мне было
Всего пятнадцать лет.
Сама себе дарила
Я васильков букет.
Любила я закаты
И шепоты полей.
Громовые раскаты
И крики журавлей.

Я солнцу улыбалась,
Грустила под луной.
Не знала я усталость,
Все было мне игрой.
Я о любви мечтала
Высокой и большой.
И в снах своих летала
Пушинкой озорной.

Ведь я тогда не знала,
В свои пятнадцать лет,
Что жизнь так запоздало
Подарит мне букет.

***

Памяти С. Есенина

Вот опять в мои ветхие сени
Постучалась осенняя грусть.
Как красиво когда-то Есенин
Воспевал в эту пору Русь.

Отгулял на земле вечный странник.
Кисть рябины горит за окном.
И как прежде стоит конопляник,
Полон грез, над широким прудом.

Образ памяти чист и светел,
Он незримо живет среди нас.
И рязанское небо светит
Синевою Сережиных глаз.

Так давай же его помянем.
И по чарке, молча, до дна.
Я скажу тебе без обмана:
До сих пор в него влюблена.

Полистаем потертый томик,
Сколько в нем полюбившихся строк.
Мы с тобой наизусть их помним,
Хотя минул не малый срок.

Почитаем стихи, чтобы снова
Окунуться в есенинский мир.
Чтоб понять глубину его слова
Во стозвонном звучании лир.

АЭЛИТА

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 36
И. МЕРИНОВ. «Кошка с Разноцветными Глазами»	стр. 37
Заочный КЛФ. Августа КОСАРЕВА. «Фэнтези и средневековье»	стр. 52

КЛУБЫ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

Как правильно замечено когда-то: всё течёт, всё изменяется. Было время, когда практически в каждом городе осуществлял собственную деятельность клуб любителей фантастики. А то и не один. Был Всесоюзный Совет КЛФ. Была межклубная переписка. И были письма председателей клубов в газеты и журналы: мол, вот мы! И мы — такие!

Но наступило сегодня. Оглядываемся и... Что-то не густо КЛФ заявляет о себе. «Зеркальце» и «Офир» (г. Волгоград), КЛФ при газете фантастики «Гном» (г. Астрахань), «Меридиан» (г. Бобров Воронежской обл.), «Млечный путь» (г. Венев Тульской обл.), «Московский КЛФ», «Нарт» (г. Владикавказ), «Прометей» (г. Уфа), «Радиянт» (г. Екатеринбург), «Солярис» (г. Пермь), «Экскалибур» (г. Яйва Пермской обл.) — вот те клубы, о которых нам известно достоверно. А где же остальные? Может, оскудела земля российская на любителей фантастики? Может, перестали люди читать и обсуждать книги самого неординарного, самого раскованного, самого-самого направления в литературе?..

С трудом в это верится. Погляди-те — книги фантастики словно испаряются с торговых прилавков, а новых серий и авторов всё прибывает и прибывает, заявляют о своём рождении свежие фантастические журналы («Ардоз», «Звёздная дорога», «Фантом»...), даже и не думают прекращать издаваться фэнзины («Анизотропное шоссе», «Бог в сточной канаве», «Вавилон», «Редкая птица», «Семечки», «Славная подруга», «Шалтай-болтай»...).

Тогда, наверное, любители фантастики перестали искать себе собеседников по интересу, родственные души, болеющие в унисон?

Да сомнительно это. Скорее всего, новые КЛФ ещё не освоились в окружающей среде, не определились в системе координат российской субкультуры.

Хотим исправить это. И предлагаем все-всем-всем КЛФ (а также и любителям-одиночкам) рассказать о себе, о своих предпочтениях, о деятельности, о планах. Надеемся, связи, которые могут завязаться благодаря публикациям в «Уральском следопыте», помогут нам узнать друг друга и подружиться.

Удачи всем! И доброй фантастики!

Евгений ПЕРМЯКОВ

Вторая церемония награждения финалистов и лауреатов «АБС-премии» состоялась 21 июня 2000 года в санкт-петербургском Доме журналиста (Невский проспект, 70).

Лауреатами стали:

— В категории «Художественная литература» Сергей Сивякин за повесть «Монах на краю земли» (М.: журнал «Если», 3, 7, 1999).

— В категории «Критика» Кир Булычев за эссе «Как стать фантастом» (М.: журнал «Если», № 8, 10, 11, 1999).

2 июля 2000 года на конвенции WesterCon в Гонулулу объявлены имена лауреатов премии журнала «Locus» за лучшие фантастические публикации 1999 года. Лауреаты определены по итогам традиционного голосования читателей журнала.

— Science Fiction Novel (НФ роман) — Нил Стивенсон, «Cryptonomicon»;

— Fantasy Novel (роман-фэнтези) — Дж. К. Роулинг, «Harry Potter and the Prisoner of Azkaban»;

— First Novel (первый роман) — Пол Левинсон, «The Silk Code»;

— Novella (повесть) — Дэн Симмонс, «Orphans of the Helix»;

— Novelette (новелла) — Стивен Бакстер, «Huddle» и Грег Иган, «Borders Guards»;

— Short Story (рассказ) — Терри Биссон, «Macs»;

— Non-Fiction Book (публицистическая книга) — С.Т. Джоши, «Sixty Years of Arkham House»;

— Art Book (художественный альбом) — Фрэнк Малькольм Робинсон, «Science Fiction of the Twentieth Century»;

— Collection (авторский сборник) — Ким Стэнли Робинсон, «The Martians»;

— Anthology (антология) — «Far Horizons» под редакцией Роберта Силверберга;

— Artist (художник) — Майкл Уэлан;

— Editor (редактор) — Гарднер Дозуа.

Лауреатом премии Джона Кэмпбелла стан роман Вернора Винджа «A Deepness in the Sky», премия Теодора Старджона вручена Дэвиду Марусеку за рассказ «The Wedding Album».

7 июля 2000 года в Канзасском университете (Лоуренс, Канзас) состоялась очередная церемония вручения ежегодных премий Джона Кэмпбелла и Теодора Старджона. Премия Джона Кэмпбелла за лучший научно-фантастический роман 1999 года присуждена роману Вернора Винджа «A Deepness in the Sky». По результатам голосования жюри премии, второе и третье места заняли романы Грета Бира «Darwin's Radio» и Нормана Спинрада «Greenhouse Summer».

Премия Теодора Старджона за лучшее научно-фантастическое произведение малой формы (повесть, новелла или рассказ) присуждено рассказу Дэвида Марусека «The Wedding Album». Второе и третье места при голосовании жюри заняли Элеанор Арнасон с рассказом «Dapple: A Hwarhath Historical Romance» и Джудит Берман с рассказом «The Window».

Было также официально объявлено о внесении имен Теодора Старджона, Эрика Фрэнка Рассела, Пола Андерсона и Гордона Диксона в списки Зала Славы научной фантастики и фэнтези.

«Курьер SF»

И. МЕРИНОВ, г. Пермь

Кошка с разноцветными глазами

1.

Тусклые лампочки не могли разогнать сумрак лестничных пролетов высоченного подъезда. Но темнота ее не пугала. Даже те два-три этажа, которые прятались в кромешной тьме, она пробегала, гордо подняв голову. А из мрака, словно два крохотных фонарика, сверкали ее глазенки. Пара светлячков. Две еще не разгоревшиеся звезды.

Путь был невероятно длинный. Тридцать поворотов и тридцать одна лестница. Она ненавидела эти бесконечные ступеньки. Но еще больше она ненавидела те ночи, когда не могла смотреть на звезды. Звезды стоили того, чтобы взбираться вверх, чтобы преодолеть эти нескончаемые лестницы, чтобы за последней ступенькой в изящном прыжке сквозь чердачный проем вырваться на плоскую крышу.

Звали ее Кэти. В переводе с далекого языка имя обозначало всего лишь кошечку, которой она и была. Но со временем два стучащих, отрывистых, как удар молоточка, звука слились в единый и плавный. Кэ-эти. Так ей нравилось больше. Тем более, что звать-то ее было некому. Но она не переживала. Ей хватало крыши, кирпичной трубы, медленно отдающей накопленное за день тепло, и мерцающей россыпи звезд в недостижимом небе. После грозы возле трубы появлялись лужи, и тогда в их глубинах плясали звездные отражения. Настоящие звезды снисходительно посматривали на них сверху, а те дрожали то ли от холода, то ли от невыносимого желания вырваться из этой ледяной глубины, расплескавшейся прямо перед лапками Кэти. А еще из звездных глубин ей навстречу смотрела такая же кошечка, и в глазах, в мерцающем, переливчатом сиянии плавали совсем крохотные звездочки. Почти неразличимые. Но она видела их, качающихся на волнах двух морей — голубого и зеленого.

Иногда она мечтала о собственной звезде. Когда звездочка упадет на крышу, то она не утонет и не затеряется в пыли. Кэти укутает ее, согреет в теплом меху и бережно положит на самое лучшее место. А если рядом окажется лужа, то у звезды появится еще одна подружка, не считая тех, маленьких, которые вспыхивают в глазах кошки из глубины. И в глазах у Кэти. Но

звезды не падают на крышу к лапам самой обыкновенной кошки. Звезды надо доставать в летящем прыжке, сцарапывая их коготком с неба, а крылья кошкам не положены.

Звезды звали и манили. Звезды ждали. И она, весело перебирая лапками, спешила на крышу самого высокого дома. На крышу, до которой тридцать поворотов, тридцать одна лестница и прыжок. Вскинув голову вверх, она уже видела их — первые проклюнувшиеся огоньки на почти что светлом небе. Ближе к домам небо наливалось мраком, и ранние звезды сияли там особенно ослепляюще. У кошек острое зрение. И звезды они видят совершенно иначе, чем люди. Звезды...

И вдруг они оборвались. Целых четыре. Словно большущая небесная кошка полоснула по небу четырьмя своими коготками. Четыре золотистые дуги черкнули по небу и растаяли. У самого горизонта ползло длинное серебряное облако, будто небесная кошка оставила обглоданную рыбку косточку. Больше ничего интересного там не происходило. Кэти опустила взор с небес до горизонта и еще ниже. И, вернувшись на землю, обнаружила два больших глаза, которые внимательно изучали ее с кончиков ушей до коготков на задних лапах.

2.

Глаза принадлежали старому, местами облезлому коту таинственной дымчатой масти. Кота звали Ерофей, и он был единственным котом, в которого мальчишки не швыряли обломки дощечек, пахнущих подгнившими огурцами и помидорами. Когда он медленно переходил дорогу, то мелкие собачонки завистливо тявкали и отбегали прочь, а большие собаки провожали его серьезными взглядами и даже кивали иногда. Впрочем, никому не ведомо, обращал Ерофей внимание на эти взгляды или нет.

А теперь он никуда не бежал. Сидел и смотрел. И Кэти почувствовала себя неуютно, словно посторонний кот заглянул куда-то глубоко-глубоко. Она отвела взор и уставилась на белую грудку, сверкавшую в подступившей тьме. Она уже почти пробежала мимо, когда Ерофей в бесшумном прыжке преградил ей путь. Она не успела ни испугаться, ни удивиться, потому что вопрос прозвучал сразу.

— Видела? — Ерофей на мгновение прищурил глаза, показывая, что опасности никакой нет. Перед Кэти были глаза, только глаза, а вовсе не клыки и не острые крючья когтей.

— Видела? — нетерпеливо переспросил Ерофей.

— Звезды, — вырвалось у нее.

И вдруг она поняла, что угадала! От Ерофея потекло тепло. Не такое, как от кирпичной трубы. Но надежное. В холодной ночи каждый кусочек тепла дорог.

— Целых четыре, — довольно произнес Ерофей.

Кэти не понимала, чему радоваться. Конечно, звезд великое множество, но даже одну-единственную, показывающуюся с небес, жалко до невозможности. А тут четыре сразу.

Ерофей улыбнулся, словно косточка, оставленная небесной кошкой, вдруг обросла вкусной, питательной плотью и теперь летела прямо ему в пасть.

— Наступил новый час, — величественно возвестил он. — Звездный час. Первый час Ночи Странных Кошек.

Кэти промолчала. Она твердо верила: каждой кошке надлежит знать, что ей положено, а что нет. А странные кошки пусть пробегают мимо.

— Ты знаешь, что это за Ночь?

— Нет, — ответила Кэти. Ее ждали звезды, а нравования старого кота казались сейчас излишними и крайне неуместными. Ее мысли должны быть при ней. И знать про них не положено никому. Даже Коту, в которого не швыряют палками.

— Да будет тебе известно, что в эту Ночь каждая странная кошка может взобраться туда, — глаза Ерофея уставились в небо, где появлялись все новые и новые звезды.

Кэти тоже посмотрела на небо.

— Хочешь звезду? — неожиданно спросил Ерофей.

— Да, — вырвалось у Кэти.

— Тогда это твоя ночь, — непонятно добавил он.

— Но я же... не странная, — удивилась Кэти.

— У тебя разноцветные глаза.

«Ну и что», — вздохнула Кэти уже без всякого вопроса. Все равно каждому известно, что кошки не летают. Тем более, порядочные кошки.

— Смотри, — требовательно повернул голову Ерофей. Морда его стала сердитой, словно он видел перед собой не прелестную юную кошечку, а только что родившегося слепого котенка, но уже успевшего напроказничать.

Голова Кэти без всякого ее желания повернулась за Ерофеем. На высокой горе привалилась к небу, заслонив чуть ли не половину звезд, непонятная машина, сотканная из железных полос. Кэти редко обращала внимание на бесполезные вещи, но даже мимолетного взгляда было достаточно, чтобы поразиться бессмысленности и неуместности этой железной скалы.

— Трамплин, — обозначил Ерофей эту вывернутую странность не менее вывернутым словом. — Люди построили его, чтобы кошки могли лазить к звездам.

— Лазить к звездам? — недоуменно повторила Кэти.

— Да, — подтвердил Ерофей, — но добраться до звезд могут только странные кошки и только в свою ночь. Ты — странная. Можешь в это не верить.

— Я не странная, — обиделась Кэти, — я самая обычная кошка с самым обычным пестрым мехом и самым обычным характером, который и положено иметь кошке, если она хочет жить на этом свете.

— Такой-ты была вчера, — Ерофей загадочно улыбнулся, — и станешь завтрашним утром, — немедленно добавил он, — но если ты хочешь достать свою звезду, — речь его замедлилась, каждое слово вспыхивало перед Кэти и продолжало гореть, даже когда стихал последний его звук, — придется тебе немножечко побыть странной.

«Я не хочу!» — хотела воскликнуть Кэти, но не успела.

— Теперь бежим, — приказ Ерофея оборвал все мысли Кэти. Когда она пришла в себя, то обнаружила, что следует за этим котом, который, безусловно, и сам принадлежал породе странных.

3.

Трамплин отгородился ветхим двухэтажным домом. Темные окна отражали фиолетовыми разводами свет уличных фонарей. Ближе к углу примостился плакат. Дожди давно смыли все краски с деревянного щита, и теперь он казался всего лишь огромным окном, за которым застыл вязкий серый туман. Мгновенный испуг продрал Кэти до самых коготков. Ей показалось, что прямо сейчас кто-то огромный вдохнет так глубоко, что ее лапки оторвутся от земли, и она унесется в тот беспрсветно скучный и серый мир. Поэтому Кэти поспешила пробежать мимо. И вовремя — Ерофей уже поворачивал за угол. Еще секунда, и она потеряла бы его из виду.

Ерофей уносился вперед длинными прыжками. Было странно видеть, как солидный кот может мчаться с такой невероятной скоростью. Кэти старалась не отставать. Она перебирала лапками быстро-быстро. Но не прыгала, ибо порядочной кошке скакать не подобает.

Ерофей сбавил темп и остановился возле первой ступеньки уносящейся в небо лестницы. Лестница была жутко неудобной. Каждую ее ступеньку составляли два или три замерзших стерженька, покрытые капельками сгустившейся ночной влаги. Люди с их громадными ногами без труда поднимались до самого верха. Но там было вовсе не небо, а обычный жилой район. Дома начинались сразу же за трамплином.

Запыхавшаяся Кэти опустилась рядом с Ерофеем, уткнувшись в его теплый бок, и сразу же смущенно отодвинулась. Для уверенности она, чуть отдышавшись, проверила лапкой стерженек. Подушечки обожгло холодом, а потом они безвольно соскользнули. Не помогали даже острые коготки. Казалось совершеннейшим бредом взбираться наверх. Кэти немедленно пожалела себя — бедную и несчастную. Но перечить Ерофею казалось бредом невероятным. Она вновь потянула правую лапку к стерженьку.

— Куда! — грозный окрик Ерофея заставил лапку опуститься обратно на землю.

— Но ты же сам... — попробовала оправдаться она.

— Здесь поднимаются люди, — оборвал ее Еро-

фей и сердито добавил. — Пора бы уже знать, что кошки ходят иными дорогами.

— И где же наш путь? — Кэти взъерошилась в сердитой обиде. Ей казалось, что ее обманули. Из этого оврага звезды казались крохотными точками.

— Пойдем, — мягко сказал Ерофей и затопал прочь. Кэти без слов последовала за ним.

Здесь люди, действительно, не ходили. Дороги людей отличаются утоптанностью. Такой утоптанностью, от которой легко пружинят ножи. Разумеется, никакой утоптанности и в помине не было. Повсюду властвовала глина. Вязкая, размокшая, липкая. Сквозь нее пробились упорные шеренги травинков.

Травинки тоже не радовались встрече с Кэти. За свой потревоженный покой они осыпали ее холодными каплями росы. Великолепный мех намок и слипся в морозные иголки. А плотные стебли так и норовили царапнуть по ничем не защищенной коже.

Ерофей, как ни в чем не бывало, продвигался вперед, а Кэти начала уставать. Капли срывались с ее меха, словно слезы, а в душе капали такие же слезки, только невидимые, но куда более обидные. Глина уступила место мутным лужам. В самой большой из них плавал кверху лапками мертвый жук. Странная дорога не нравилась Кэти. Жутко не нравилась. Кошечке хотелось развернуться и сбежать, но она побаивалась Ерофея, а тот прыгал с кочки на кочку так уверенно, словно ни чуточки не сомневался, что Кэти будет следовать за ним вплоть до особого распоряжения.

— Вот она, — торжественно объявил Ерофей и добавил чуть тише. — Лестница.

Лестница оказалась настоящим чудом. Надежные каменные ступени словно ждали, когда Кэти решится ступить на них. Они застыли в монолитном недоумении: как это она смеет не доверять им.

— Куда лучше, — заметила Кэти.

Бока ее вздымались от долгого бега. Молчать было настоящим удовольствием, но все же она не утерпела:

— А почему люди не ходят по ней?

— Она ДАЛЬШЕ, — объяснил Ерофей. — Люди не любят ходить дальше. Они предпочитают короткие дороги. Когда-то они верили себя... Как это они выражаются?.. Ах, да... В целесообразности наикратчайших расстояний, — кот презрительно усмехнулся, — и теперь надеются достичь звезд одним гигантским прыжком. Туда добраться легче, чем они думают. Но к звездам ведут долгие пути.

Кэти, вскинув головку вверх, оценила долгий путь. Он показался ей нескончаемым. Она знала, как выглядит последняя ступенька в самом высоком доме, но здесь разглядеть ее было невозможно. Если смотреть отсюда, то верилось, что последняя ступенька этой лестницы действительно упирается в небо.

— Ступай, — милостиво разрешил Ерофей. — Иди и помни, что тебя ждут три загадки, — он задумался. —

АЭЛИТА-2000

Да, обычно их бывает три. Даже для весьма странных кошек.

— Но кто мне их загадает? — испуганно спросила Кэти.

— Ты их УВИДИШЬ, — пообещал Ерофей и начал поворачиваться к Кэти пушистым боком. Нетронутым, словно он не пробирался только что через глиняные пласти.

— Постой, — Кэти внезапно поняла, что сейчас она останется совершенно одна.

— Что там у нас не так, — снова объявились два внимательных глаза и пронзительно встретились с глазами Кэти.

— Ты не со мной?

— Вот еще, — фыркнул Ерофей.

— Разве ты не хочешь звезду? — не сдавалась Кэти.

— Я вижу отражение звезд в твоих разноцветных глазах, — медленно сказал важный кот. — И мне этого вполне достаточно.

Перед Кэти мелькнул вихрящийся хвост, обозначив конец разговора. Одним прыжком Ерофей растворился в темноте оврага.

4.

Звезды мерцали на небесах.

Недостижимые.

Лестница возносилась вверх.

Нескончаемая.

Вздохнув, Кэти ступила на первую ступеньку. Затем перепрыгнула на следующую. Потом еще на одну. И еще.

Лестница, действительно, оказалась чудесной. Чудесно крепкой. Чудесно надежной. Подушечки лапок мягко касались гладкой поверхности. Построенная в незапамятные времена, лестница не обрушилась и даже не потрескалась. Время было над ней не властно. Лестница получилась бы совершенной и замечательной, если бы не тянулась до бесконечности, если бы не упиралась в небеса. Звезды оставались все такими же далекими, а Кэти еще даже не добралась до основания трамплина.

Овраг ушел вниз, и ветер пошвыстывал между склоном горы и обратной стороной ступеней. Мрачная громада трамплина, выстроенного людьми, чтобы кошки могли добраться до звезд, заполнила все небо перед маленькой кошечкой, рискнувшей отправиться к небесам в поисках своей звездочки. Звездочки, которая будет освещать ее одинокие вечера, когда осенние облака надолго закроют остальные звезды, беспечно подмигивающие Кэти в эти летящие минуты Ночи Странных Кошек.

А следующей ступеньки на месте не оказалось. Кэти остановилась и недоуменно уставилась вперед. Путь был закрыт. Ржавая дверь преграждала дорогу. Ржавая дверь в будке, сложенной из красного кирпича.

Кэти подкралась к правому краю ступеньки и заглянула вниз. Осторожно-осторожно. И тут же отпрянула обратно. Лестница вознеслась над склоном оврага весьма высоко. Кошечка и поотважнее Кэти не решилась бы на такой прыжок. Крылья бы Кэти. Два крыла. Облетела бы она эту проклятую будку стороной, да снова на лестницу. А может и над лестницей. Ну почему бесполовым воробьям положены крылья, а кошечки, даже самые приличные и замечательные навсегда прикованы к земле?

Несправедливо это. До ужаса несправедливо, до самых горьких слез.

И слезы не замедлили явиться, потому что поворачивать назад было нельзя. Потому что, спустись Кэти вниз, посмотрит на нее Ерофей своим пронзительным взглядом, фыркнет презрительно, да отвернется. А вслед за ним и остальные, даже самые затрепанные и обветшалые. Потому что кошки даны девять жизней для того, чтобы искала она выходы даже там, где никто никогда не пройдет. Но не было сейчас для Кэти ни выхода, ни ступеньки.

— Иногда надо упасть вниз, чтобы вознестись наверх, — голос был властным и проникновенным.

Угольно-черный кот объявился из ниоткуда. Сейчас он удобно разлегся на самом краю площадки и свесил голову вниз. Звезды блестели в его глазах, странные алые звезды, словно угольки затухающего костра. Но разве по лестнице странных кошек могут разгуливать обыкновенные коты с обыкновенными звездами в глазах?

— Черный Ветер, — довольно произнес незнакомец и прббуравил тьму багровым взором.

Кэти молчала. И кот был странным, и фразочки его ненамного понятнее.

— Прыгай, — задумчиво сказал кот, переводя взор на Кэти. — Закрой глаза и опрокинься. Все так делают.

Кэти мельком взглянула вниз и быстро-быстро отползла от края.

— Все сначала боятся, — заметил черный кот. — Ведь кажется, что там пустота. Но на самом деле ее пронизывает Черный Ветер. Черный Ветер, — повторил он, — несущий черные снежинки и черные звезды. Доверься ему, и он запросто перебросит тебя через половину пути.

— Почему только через половину? — не утерпела Кэти.

— Так положено. Кое-что ты должна совершить и сама. А если по простому, то звезды не подпускают его к себе. Кому хочется погаснуть без следа, когда тебя коснутся черные когти.

— Я тоже не хочу погаснуть, — в груди Кэти поднялась гневная волна.

— Разве ты звезда? — зловеще улыбнулся гладкошерстный незнакомец. — Тебе он не повредит. А заодно и проверит, действительно ли ты странная.

— Я не могу, — пискнула Кэти, стараясь держаться на самой середине площадки и ни в коем случае не приближаться ни к левому, ни к правому краю.

— Как хочешь, — улыбка кота расплылась во всю морду. Неуловимым движением он вскочил и опрокинулся во тьму. Внизу загудел ветер. Да какой там ветер. Вихрь. Ураган, сокрушающий на своем пути любые преграды. Даже абсолютно надежная лестница ощутимо задрожала.

Кот снова очутился перед Кэти. Только сейчас он стоял в пустоте. Кошечке казалось, что под лапками у багровоглазого кота вихрятся черные спирали. На этот раз кот улынулся торжествующе и унесся ввысь, мгновенно затерявшись в ночном небе.

Кэти сжалась в комок. Прошло немало времени, прежде чем она снова осмелилась обратить свой взор к звездам.

5.

Звезды смеялись. Заливисто, но не до упаду, потому что оставались на своих недостижимых небесах. Смеялись над Кэти, которая одна в этом мире не находила себе места на совершенно надежной лестнице перед совершенно неприступной крепостью с краснокирпичным фасадом.

И слезы заслонили весь мир. Свет далеких фонарей мерцал и расплывался, как звезды, которые кто-то уже забрал с небес в свое единоличное пользование.

Перед Кэти колыхалось что-то бледное и неопределенное. Когда оно появилось, Кэти не заметила. Она сразу же насторожилась. Кошки должны всегда быть готовыми к опасности. Тем более, кошки, привыкшие чувствовать себя в этом мире на высоте. Кэти загнала слезы обратно и всмотрелась в то, что явилось из ниоткуда.

Это был кот. Взъерошенный и какой-то непонятный. Он состоял из жуткого серебристого тумана. Огромные глаза его нестерпимо полыхали голубым. Зрачки отливали беспроектным мраком. «В них не будут отражаться звезды, — подумала Кэти. — Даже если вывести его на крышу».

— Стра-анна-ая кошечка-а, — протянул он. — Да-авно они тут не поя-авлялись.

Кэти немедленно захотелось умчаться вниз от такого жуткого соседства. Но кошки показывают спину лишь тогда, когда твердо намерены убежать. А вместо уверенности Кэти охватила растерянность. Ей почему-то показалось, что ступеньки за ее спиной растаяли в ночи или обернулись холодными склизкими штырьками, на которых не держаться коготки. Пришлось остаться и молчать. Не всякие слова подходят для страшилищ.

— Не можешь пройти? — задал туманный кот весь-ма idiotский вопрос. Кэти не стала отвечать.

— Не переживай, — серьезно сказал он. — Я знаю дорогу дальше.

Он скользнул к краю площадки. Кэти робко сделала несколько шагов за ним. Голубое пламя вновь переливалось в серебристом тумане. Значит, кот обернулся. Кэти почти забыла про звезды. Звезды сейчас сияли далеко-далеко. Сейчас все находилось в запретной дали. Кроме страшного кота и кирпичной будки, преградившей путь.

— Смотри, — прошептал кот, — здесь не хватает кирпичей.

Кэти увидела угловатую дыру. Удивительно, что она не заметила ее раньше. А может, дыра появилась вместе со странным котом? А может, он заманивал ее в ловушку?

— Полезли, — мотнул головой котяра.

Кэти не сдвинулась с места.

Кот недоуменно обернулся.

Кэти сжалась. Сейчас он оскалит бледные клыки и вопьется в ее хрупкое горло. А может возьмет, да и сбросит ее вниз.

Кот улынулся. Улыбка получилась поникшей и виноватой.

— Значит, ты ее тоже слышала, — прошептал он. Голос отдавал неизмеримой горечью, но Кэти была настороже.

— Кого? — сердито спросила она, надеясь суровостью отогнать свой страх хотя бы на минуту.

— Легенду, — вздохнул кот. — Легенду о том, что призрачные коты уводят в места, где рождаются мертвые огоньки. Но это неправда...

— Нет, — решительно сказала Кэти. — Я не слышала никакой легенды про те места.

— Тогда чего же ты боишься? — удивился кот. — Ведь ты — странная кошка, и сейчас ТВОЯ ночь.

— Не знаю, — произнесла Кэти и стала глядеть себе под ноги, не упуская из виду возможный прыжок призрачного кота.

А тот не стал больше ничего говорить. Просто скользнул в дыру и исчез там. Подумав секунду, Кэти последовала за ним.

Кромешная тьма напугала кошечку и сжала ее сердечко беспощадными когтями липкого ужаса. Острые глазенки отказывались различать хоть что-то кроме странного кота, смутно маячившего впереди. Кэти шла осторожно, выверяя каждый шаг. Ей казалось, что стены сейчас сожмутся и раздавят ее тонкие косточки. Или что с потолка сверзится нечто затаившееся и проткнет острым жалом голову между ушей.

Она и не заметила, как выскользнула на свободу. Теперь будка, сразу потерявшая свою строгость, осталась за спиной. А впереди продолжалась лестница. Новые и новые ступеньки. Звезды чуть приблизились. Каждая из них старалась подмигнуть кошечке: «Ну что же ты, Кэти, мы ждем, ведь ночь не бесконечна». И Кэти

подмигнула им в ответ. Ей сразу же стало хорошо и спокойно.

— Пошли, — то ли предложил, то ли скомандовал кот. Сам он уже сидел на первой ступеньке. А когда на нее ступила Кэти, то немедленно перепрыгнул на следующую. Он неизменно опережал ее на одну ступеньку. Через двадцать прыжков Кэти устала и решила немного передохнуть. Кот заметил, что она остановилась, и немедленно присел. Глаза все так же переливались голубыми факелами. Зрачки темнели. Тишина начала окутывать лестницу и Кэти снова охватил испуг.

— Как твое имя? — вопрос прогнал и тишину и страх.

— Угадай, — игриво улыбнулась Кэти. Кот не улыбнулся, он прищурился и посмотрел на Кэти так, будто ее имя написали у нее на лбу.

— Кэ-эти, — сказал он. ПРАВИЛЬНО сказал. Она испуганно отпрянула.

— Ты знал?

— Нет, — весело сказал он. — Просто, когда я обозначил восемь сторон света, то самую значимую из них я назвал «Кэ-эти».

Кэти не знала, что такое «стороны света» и почему их именно восемь. Но ведь так приятно, когда твоим именем назовут нечто важное.

— А тебя как зовут? — поинтересовалась она.

— Меня уже не зовут, — погрустнел кот. — У мертвых котов не бывает имен. Там, где я гуляю, имена не нужны.

Кэти взглянула на него непонимающим взором. Не хочет раскрывать тайну, так бы и говорил.

— Давай-ка в путь, — махнул кот прозрачным хвостом и перепрыгнул на другую ступеньку.

Кэти прыгнула тоже. Звезды ждали, а времени оставалось не так уж много.

6.

Под ногами оказывались все новые и новые ступени. Кэти то и дело задирала голову вверх, но вершина трамплина казалась такой же недостижимой, как и небо. Звезды ждали Кэти, но не желали ей помогать.

— Эта лестница никогда не закончится, — пожаловалась кошечка, когда устала окончательно.

Добраться до звезд снова показалось ей совершенно бредовой идеей. В одном она уверилась стопроцентно: в том, что сил карабкаться дальше у нее уже осталось.

— Куда ты смотришь? — сердито завопил ее прозрачный спутник, отследив ее взгляд.

— Наверх, — недоуменно отозвалась Кэти, — а что?

— Так ты никогда не доберешься до конца пути, — зло пообещал кот, и сразу стал нравиться Кэти еще меньше.

— Это еще почему?

— Потому что ты думаешь о последней ступеньке, — объяснил он. — Ты представляешь, как она далеко,

как долго туда идти, как тяжело карабкаться по лестнице, как ты устала и хочешь поскорее добраться до нее.

— Да, хочу, — рассердилась Кэти. Не надо ее учить простым и понятным вещам.

— Бесполезно, — заявил кот. — Думая о последней ступеньке, ты напрочь забываешь про все оставшиеся. Им ведь обидно.

— Ступенькам?

— Конечно. Ты всем сердцем жаждешь последнюю и ступаешь на очередную бесчувственными лапками. Ступеньки замечают это и начинают тянуться, тянуться, тянуться. Они растягиваются, они замедляют твоё движение, чтобы ты хоть немного уделила внимания им. А ты в ответ злишься и все мучительней размышляешь о последней.

Кэти промолчала. Кот прекрасно обходился и без ее вопросов.

— Не думай о последней. Всегда думай о настоящей. И тогда она отзовется и пропустит тебя быстро-быстро. А следующая встретит тебя уютом и тоже не станет задерживать. Бессмысленно рассуждать о бесконечности, которую невозможно преодолеть. Но вполне разумно знать, что сила ступить на следующую у тебя есть. И тогда ты сама не заметишь, как очередная ступенька превратится в последнюю.

Кэти перестала заглядывать наверх. Странно, но идти стало заметно легче. То ли она успела отдохнуть за время короткой беседы, то ли слова призрачного кота таили в себе неведомую ранее истину.

Оказывается, если постоянно не задирать голову, высматривая, где там она, последняя ступенька, то по сторонам можно обнаружить много чего интересного. У каждой стойки перил примостилось по бледному гномику с хитрыми глазищами, похожими на треснувшие изумруды. И кафтаны у них, и белые просторные штаны, заправленные в белоснежные сапожки с лихо загнутым вверх носком, словно вывалили в мелу. Каждый из гномов сжимал бледными пальцами круглые блестящие часы с серебряной цепочкой. Черные стрелки обхватили десятку. Кэти не знала, почему именно «10» застыло на бледном циферблате, почему оно так выделялось на фоне остальных поблекших чисел. Но она чувствовала, что это важно. В такую удивительную ночь все кажется важным.

7.

И тогда она обнаружила, что на следующей ступеньке гномик отсутствовал. Собственно говоря, и самой ступеньки почти не было. Так, обломочек. А за ним еще один. Острые куски бетона скаплились, как клыки бешеной собаки. Призрачный кот воздушными прыжками легко проскакал по обломкам. А Кэти не решилась. Ее спутник на этот раз не обратил никакого внимания на замешательство кошечки. Неспешным темпом он уносился вверх и ни разу не

обернулся. Кэти приготовилась прыгнуть через зубастую дыру, но в самый последний миг так и осталась на месте.

— Боишься? — Кэти не успела ответить, так как голос угольно-черного кота сам задал вопрос и сам ответил на него. — И правильно делаешь.

Кэти покосилась вправо. Так и есть. Багровые звезды загорались и погасали в глазах у кота, унесенного Черным Вихрем на неведомые высоты, которые Кэти достигла только теперь. Кот загадочно улыбался, словно знал все обходные дороги. Возможно, так оно и было.

— Ему-то что, — кивнул кот туда, где призрачный спутник Кэти превращался в бледную расплывчатую точку. — Ему-то все равно, а мы с тобой должны думать о реальности.

На всякий случай Кэти утвердительно сощурила глазки.

— Вот-вот, — воодушевился кот. — Как всегда. Обманули, завели, запутали. Он продолжал улыбаться. Но от такой улыбки Кэти вовсе не чувствовала себя спокойнее. Даже на самую маленькую капельку. Что делать дальше, она не знала.

— Что делать, что делать, — проворчал кот вслед за мыслями Кэти. — Дорог-то, если приглядеться, миллион. Не можешь перепрыгнуть — обойди.

— Но где? — спросила Кэти.

Она не могла оторваться от провала. Она снова почувствовала себя самой одинокой кошечкой на свете.

— Да вот же, — кот мотнул головой в сторону. Кэти перевела взгляд туда. Действительно, там обнаружилась другая ступенька. Ослепительно белая. Над ней возвышались еще три, а дальше следовало туманное марево.

Черный кот прыгнул на новую лестницу и уставился на Кэти. Кошечка в последний раз взглянула на непреодолимый провал и перебралась за проводником. Подушечки коснулись чего-то плотного и легкого. Почти неслышно хрустнуло, словно ступеньку выпилили из пенопласта, рассыпающегося при ударах белыми шариками. Когда Кэти преодолела третью ступеньку, туман отодвинулся и открыл небольшую квадратную площадку, на которой сидело множество кошек и котов. Все они оживленно переговаривались и чувствовали себя в высшей степени уверенно. Черный кот улыбнулся в последний раз и скрылся в толпе. Как только лапки Кэти ступили на площадку, она обернулась склоном пологого холма, покрытого пожелтой травой, сквозь которую пробивались погнутые бока ржавых консервных банок и обглоданные рыбки косточки.

8.

Сотни кошачьих глаз окинули Кэти скучающими взглядами, а их хозяйева тут же вернулись к беседам, сливавшимся в ровный монотонный гул. Кошечка по-

пыталась разобрать хоть словечко, но звуки наслаивались друг на друга, перемешивались у Кэти в голове, навевая странное чувство собственной незначимости и полной непригодности даже к самым простым вещам.

— А вот и Кэти, — ласково улыбнулась располневшая персидская кошка.

Кэти выдавила улыбку в ответ. Она не увидела ни одной знакомой мордочки, но собравшиеся, похоже, знали ее очень хорошо.

— Не стой на сквозняке, — распорядилась персидская владычица. — Подойди к нам. Сейчас не лето и болеть не время. Болеть никогда не время.

Кэти не боялась сквозняков, но спорить не решилась и немедленно подошла к кошачьей ораве.

— Пора бы уже, дорогая, — сказала кошка, проявлявшая заботу беспрекословно-непререкаемым тоном, — начинать думать о будущем.

— Я думаю, — поспешно согласилась Кэти и тут же заработала замечание.

— Она думает, — усмехнулся старый кот с залысинами возле ушей, — а так ли она думает, как НАМ надо.

— Но... — вспомнила было Кэти. — Звезды...

— Не перебивай, — перехватила инициативу персидская кошка. — Молчи и слушай, когда говорят о вещах, которые ты понять пока не в состоянии. Детские годы позади. В голове должны быть не звезды, а реальные вещи.

«Реальные вещи», — повторила про себя Кэти. Звезды отодвинулись в недостижимую высь, и Кэти уже не представляла, как трамплин может вывести к небесам. Впрочем, трамплин исчез. Был холм, шумная кошачья орава и далекое-далекое небо. Поэтому кошечка не стала спорить, а лишь послушно опустила взор.

— Какое у нас на дворе время? — спросила персидская кошка.

— Осень, — сказал лысеющий кот. — Вроде бы осень. Точно я сказать не могу, но думаю...

— Значит, осень, — резко прервала его персидская кошка. — А известно ли нашей маленькой Кэти, что осенью пропитание не валяется под каждым кустом и у каждой урны.

«Известно», — хотела сказать Кэти, но не успела.

— А, следовательно, — перебила грозным тоном персидская кошка, продолжая улыбаться Кэти, — тебе необходимо срочно подыскать пристанище. И я немедленно займусь этим вопросом.

Кэти молчала. Улыбка придавливала ее к земле.

— Какое-нибудь кафе, — сказала кошка, глядя сквозь Кэти, словно рисовала в уме картинку этого кафе и Кэти за его стеклянными витринами. — Пожалуй, что кафе. Не ресторан, нет. Эти рестораны — такое ненадежное дело. Сегодня он — ресторан, а завтра смотришь — уже мебельный салон. Можно ли в наши трудные времена прокормиться в мебельном салоне?

— Никак нет, — подтвердил лысеющий кот, за что заработал благосклонную улыбку.

— Именно, Прохор Захарович, — кошка черкнула коготком по земле, словно подводила итог разговору. — Именно. Других вариантов попросту не существует.

Кэти тоже увидела эту картинку. Кафе стояло несокрушимой коробкой. Бледный свет витрин рассеивал и ночью мглу, и звездное мерцание.

— Свалка, — внезапно выпалил полосатый кот средних лет с подпаленным хвостом. — Кафе не про нас. Там годы пройдут, пока в доверие вотрешься. Да и то чуть что, за шкуру и в сугроб. Свалка — вот это дело. Подвоз каждый день. И самое главное — весьма недалеко от здешних мест.

— Помилуйте, Степан Фомич, — раздраженно заметила персидская кошка. — Свалка? Да это же совершеннейше неприлично звучит. Конечно, я понимаю, все мы там кормимся, но в разговорах об этом все же не стоит упоминать. Этакая проза жизни.

— А чего? — не понял полосатый кот. — Живем же. И будем жить. Свалка — она и в Африке свалка. А как звучит, нам без интересу. Главное — жрать подавай. Каждый день, промежду прочим.

— Стабильность — это радует, — кивнул лысеющий кот.

— Нет, нет, — жестко заметила персидская кошка. — Кафе. Только кафе. Если мы жили на свалке, то наше потомство должно выбираться на белый свет. А уж потомство во втором поколении и подавно. Скоро у тебя, дорогая, будут котята, — кивнула она, словно вопрос был уже давно решенным делом. — Не хочешь же ты, чтобы их утопили? Чтобы они передохли от голода как самые последние помоечные собачонки.

— Не, — заметил полосатый кот, — мы, конечно, на разных там выставках медалей не отхватывали, в цирках там заграничных не работали, честно промышляли в границах родного района, но позволю заметить, на свалке с голода не подохнешь. Свалка — она навсегда. Свалка — это то, что нам хранить, беречь и преумножать.

— Ах, оставьте, Степан Фомич, — поморщилась персидская кошка. — Это же совсем не тот уровень. Котята с первых дней должны приобщаться к чему-то красивому, вечному. Завтра же, дорогая, отправим тебя в подходящее кафе. И, кстати, подыщем тебе подходящую пару.

Рядом тут же объявился поджарый сиамский кот с голубыми глазами, заинтересованно оглядывающими Кэти со всех сторон.

— Он тебе подойдет, милочка, — заявила персидская кошка тоном, не терпящим ни малейшего возражения.

— Безусловно, — поддакнул лысоватый кот.

Сиамский красавец не проронил ни слова, зато ода-рил Кэти таким взглядом, что ее передернуло. Но от-

ступать было некуда. Повсюду разлеглись коты и кошки, ведущие душевные разговоры о самых, что ни на есть реальных вещах.

Все собравшиеся веселились, как могли. Персидская кошка ласково ворковала, лысоватый кот услужливо поддакивал, полосатый пытался спорить и торжествовал, когда ему казалось, что у него получалось вставить умную мысль. Сиамский сердцеед прохаживался невдалеке, а захлебывающаяся злой радостью компания бойцовых котов вразнобой завывала фальшивыми голосами: «Посмотри на моего кисаньку-котенка!» Кэти, любившая эту песню до боли в груди, сейчас готова была заткнуть уши. Да только кошки не затыкают ушей.

Ситуация выглядела странной и обыденной одновременно. Никто ни разу не спросил мнения Кэти, но будущее ее уже успели расписать чуть ли не по минутам. И Кэти начало казаться, что никакого другого будущего у нее и быть не может. А звезды? Что звезды... Звезды далеко, в отличие от свалки, кафе с бледными панелями витрин и сиамского красавца в качестве наиболее подходящей пары.

— Все мои котята размещены исключительно среди хороших семей, — голос персидской кошки перекрывал всеобщую болтовню и стучал в голове неприятными молоточками. Кэти сжалась в маленький, почти неприметный комочек. Теперь она не осмеливалась даже поднять голову, а смотреть под ноги осточертело. Кошечка чуть развернулась и увидела вернувшегося невесть откуда призрачного кота с мертвыми глазами.

9.

Улыбка расцвела на мордочке Кэти. От волнения она не могла произнести ни слова.

— Шагни влево, — прошептал кот.

«Зачем?» — спросили глаза Кэти.

— Шагни, — повторил призрачный собеседник. — Быстрее. Иначе может быть слишком поздно.

Кэти шагнула... и снова почувствовала под ногами бетонную ступеньку. Но холм с сотнями кошек и котов никуда не делся. Кэти охватило неизъяснимое чувство. Она верила, что стоит на лестнице, ведущей к звездам, и в то же время продолжает оставаться на холме, где ведутся нескончаемые разговоры о реальности и ее необходимых составляющих. Кот молчал. Он то растворялся во тьме, то вновь проявлялся, сверкая сапфирами глаз. И когда он исчезал, звезды тускнели, а склоны холма угрюмо очерчивали близкие горизонты. Зато когда он вновь кидал на Кэти свой проникновенный взгляд, и холм, и кошки, и предписанное будущее терялись в странном голубом свете. А рядом возникала пустота, и лестница снова тянула свои ступени к мерцающим искоркам над головой почти неприметной кошечки.

Наконец он удержался и не исчез. Посторонние кош-

ки тоже остались на местах, но превратились в полупрозрачные силуэты. А их разговоры слились с шумом ветра и перестали отвлекать Кэти.

— Зачем ты свернула? — сердито спросил кот?

— Там не было ступеньки, — не менее сердито ответила Кэти. Никому не позволяется ругать порядочную кошку, тем более в ее собственную ночь.

— Но ведь я прошел! — воскликнул кот.

Кэти хмыкнула.

— Ты думаешь, что я умею ходить по пустоте?

Кэти хмыкнула еще раз. А что делать? Гораздо легче убедить себя, что не было там никакой ступеньки, чем найти причину, по которой она все-таки свернула в сторону.

— Я не умею, — печально ответил кот на свой вопрос. — Я многое не умею. И все-таки там можно было пройти. Жаль, что ты этого не сделала.

Его сияние поблекло, и сам он начал растворяться.

— Пстой, — крикнула Кэти. — Я не хочу ко всем этим кошкам.

— Нельзя оставаться на звездной лестнице до скончания веков, — бесстрастно объяснил кот. — Я хожу по ней лишь в Ночь Странных Кошек. А ночь на исходе. Придет утро, и мои дороги протянутся в совершенно иные места.

— Не уходи, — жалобно попросила Кэти. — Подожди еще чуть-чуть. Я совершенно запуталась. Я никак не могу понять... ведь мы уже забрались слишком высоко. Откуда здесь взялись другие кошки... И холм... И ржавые банки... Сейчас они не кажутся мне настоящими, но как только ты исчезаешь, все это немедленно оборачивается реальностью.

— Наши дороги частенько проходят весьма близко от звезд, — тихо сказал кот. — Но в эти минуты мы почему-то смотрим либо вперед, либо себе под ноги, либо без лишних разговоров укладываемся спать. Заметь, никто из них не посмотрел вверх. Более того, никто из них даже не подумал туда посмотреть.

— Они считают звезды сущей ерундой, — вздохнула Кэти.

— Если ты считаешь что-то сущей ерундой, то зачем удивляться, что оно, в конечном счете, этой ерундой и оказалось. Мечты оборачиваются желаниями, а желания воплощаются в реальность. Кого же винить, что именно таким мы и пожелали увидеть что-то важное. Удивительное надо видеть, а не считать.

Контуры призрачного кота начали дрожать, зато кошачья орава проступала из пустоты все более отчетливо. Кэти уже начала различать отдельные словечки. Кошечка загрустила. Идут последние секунды ее таинственного приключения. Сейчас она окажется среди тех, кто все знает, все умеет, все подсчитал и пересчитал.

— Ты идешь или нет? — донесся до нее знакомый голос.

Призрачный кот перепрыгнул на следующую ступеньку.

— А... разве... мне еще можно?

— Почему нет? Все зависит только от того, что ты хочешь. Сейчас важен ТВОЙ выбор.

И Кэти прыгнула.

Как только ее лапки коснулись бетона, предначертанное будущее разлетелось на кусочки и кануло в темноту.

Путешествие продолжалось. Кэти вновь окружали тайны.

Стеклянные шарики бесшумно катились вдоль ребра ступеней и срывались в пропасть, а на смену им спешили все новые и новые. Язычки алого пламени, словно сорвавшиеся с кончика свечи, весело скакали вверх, обгоняя и странную кошечку, и призрачного кота.

Так они взбирались все выше и выше, и Кэти не переставала удивляться, пока чуть не стукнулась носом о железную дверь.

10.

Путь наверх снова был прегражден. Призрачный кот вопросительно поглядывал на Кэти, а она в полной растерянности прохаживалась по площадке. Хвост стучал по ее бокам, и Кэти едва сдерживалась, чтобы не растерять остатки самообладания. Что теперь? Явится новый призрачный кот и откроет очередной потайной лаз? А может, не надо нового, может, согдится и прежний? Но призрачный спутник Кэти не спешил распахивать большую дверь. Он ждал. А чего теперь ждать? Ведь секунды Ночи Странных Кошек безвозвратно уплывали, а звездочки наверняка подсмеивались над бедной Кэти.

Меж катящихся шариков важно ступал угольно-черный кот.

С каждым его шагом в пустоте над площадкой прорисовывалась новая ступенька. Серебристо-серая. Призрачная лестница вонзилась в дверь и, быть может, продолжилась с той стороны. Черный кот лениво обернулся, окинул взглядом свое творение и ловко перекувырнулся, приземлившись сразу на третью ступеньку.

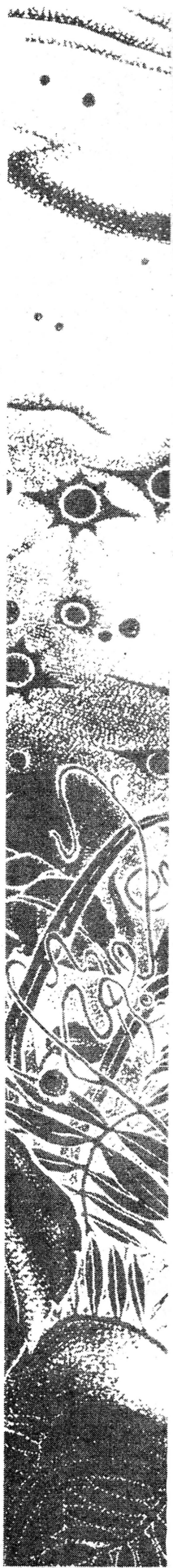
— Все просто, — сказал он. — Не можешь перепрыгнуть, пройди СКВОЗЬ.

Кэти оглянулась на своего проводника. Он молчал и очень походил на клочок тумана. Он не мог провести через дверь.

— Значит, не очень и хочешь ты эту свою звезду, — плавно промурлыкал красноглазый кот и преодолел еще две ступеньки.

Кэти решила ничего не отвечать.

— Ты мне не веришь, — усмехнулся кот. — Вспомни, я предлагал тебе не самые плохие пути. Черный Ветер, к примеру.

— Я бы разбилась, — сердито сказала Кэти, забыв о своем обете молчания.

— Почем знать, — задумчиво произнес кот. — Ты ведь даже не попробовала. Как можно судить о дороге, которой не коснулись твои лапки?

— Но твой второй путь вовсе не выглядел хорошим.

— Просто ты ОСТАНОВИЛАСЬ. А надо было шагать дальше. Посмотри на меня, я ведь прошел. Я здесь, да и ты здесь. Но какими стараниями! Почему меня не послушать хотя бы в третий раз?

— Эта лестница не кажется мне настоящей, — призналась Кэти.

— Уморительно, — рассмеялся черный кот. — Смешно до ужаса. Ты без оглядки поверила призрачному коту, а теперь отказываешься верить в призрачные лестницы. Где логика?

— Логика? — сказала Кэти злым голосом. — Так ты хочешь логику? Тогда знай: я ему, — кошечка мотнула головой в сторону своего проводника, — вовсе и не поверила. А если я не поверила призрачному коту, то имею полное право не верить во все призрачные лестницы, какие только есть на белом свете.

— Как хочешь, — сказал черный кот совершенно равнодушным голосом.

Мягкими движениями он начал карабкаться вверх. И с каждым шагом исчезала крайняя ступенька. Кэти так и не поняла, как ему удалось пройти сквозь дверь. Но теперь на площадке не было ни призрачной лестницы, ни ее хозяина.

— Ты мне не поверила? — прозвучал робкий вопрос. Проводник хоть и не знал дальнейшего пути, но никуда не сбежал.

— Не поверила, — вздохнула Кэти и тут же добавила. — Тогда. А сейчас мне хочется тебе верить. Наверное, будь у меня время, я поверила бы и в призрачную лестницу. Может и хорошо, что она исчезла. Легко верить в то, что хочется получить.

Последний шарик прокатился по площадке и исчез во тьме. Кэти подобралась к краю и взглянула вниз. Ничего. Только темнота и крохотные огоньки фонарей. Отсюда они казались упавшими звездами. Возможно, так оно и было. Кэти посмотрела перед собой и уперлась взглядом в Луну.

Желтый круг притягивал взор и не отпускал. Он пугал и завораживал. В нем не было изящества, спокойствия и умиротворения, которые привыкла видеть Кэти. Он напоминал кусок подгнившего сыра с пятнами плесени. Мутно-желтый цвет выворачивал душу и сковывал волю. Во всей вселенной не осталось ничего кроме этого отвратного круга, втягивающего в себя маленькую кошечку.

Жесткий удар оторвал лапки Кэти от бетонной поверхности площадки и безжалостно швырнул кошечку на железную дверь. Кэти даже почудились алые искорки, посыпавшиеся из глаз. Она встряхнула головой и

увидела два голубых огня, обернувшиеся пламенеющими глазами призрачного кота.

— Не смотри, — прошипел он. — Нельзя. Это... Это... — он задышался от волнения. — Плохая Луна. Я даже не могу назвать ее по имени. Только такие, как я, могут смотреть на нее. Но не ты. Никак не ты.

Кэти до ужаса не любила оказываться в ситуациях, которые не понимала. Она непременно должна уцепиться за что-то знакомое. Следовало забыть слова странного кота как можно скорее, а на смену им вытянуть из памяти что-то волнительное, реальное, необходимое. Звезды, среди которых пряталась ее собственная... и железную дверь, преграждавшую дорогу.

Не в силах смотреть на кота, только что поступившего с ней так незаслуженно жестоко, Кэти принялась изучать другую сторону. Оказывается, лестница уже набрала достаточную высоту и прижалась к трамплину. Огромная железная полоса проходила совсем неподалеку. Отсюда казалось легким делом — прыгнуть на нее, а потом снова на площадку, но уже по другую сторону двери.

— Хочешь попробовать? — заговорщически прошептал кот, бесшумно подкравшись сзади. Кэти испуганно вздрогнула, а потом стала наполняться отчаянной злостью. Никому не позволено пугать ее, тем более котам, пусть даже они хоть тысячу раз призрачные.

— И попробую, — прошептала она.

— Скользко, — напомнил он странным голосом.

— Без тебя знаю, — оборвала она. Сейчас она не намерена была прислушиваться к посторонним голосам. Пусть даже и странным.

— Давай, я первый, — с готовностью предложил кот.

Кэти сдвинулась в сторону. Злость еще не выросла до такой степени, когда глаза уже ничего не видят, а ноги прыгают и по какому-то наитию опускаются именно там, где надо. Сердечко колотилось от волнения. Все-таки боязно. Все-таки не забор, не гараж с провалившейся крышей и не дерево с шершавой корой, в которую так цепко вонзаются острые коготки.

Белое облачко вознеслось над площадкой, на секунду коснулось темной громады, оттолкнулось от нее и исчезло за дверью. Проще некуда. Кэти собралась с духом и прыгнула.

Подушечки врезались в мерзко-холодное железо и заскользили вниз. Чешуйки ржавчины шелушились. За них невозможно было зацепиться. Когти не помогали. Задние лапки безвольно обрушились в пустоту. Передним до края оставалось совсем немного.

Мгновенный ужас пронзил Кэти и растекся неприятным холодком. Она прочувствовала всю высоту, которая распростерлась под ней. Высоту, которую придется измерить прямо сейчас. Кошечка ощерила пасть. Но даже клыки не спасли бы ее теперь. Она искала место, куда бы вцепиться. И не нашла. Глаза застлал злобно ухмыляющийся круг гнилой Луны.

Призрачная лапка заслонила почти все небо вместе с подлой Луной. Теперь Кэти могла рассмотреть каждый волосок. Не все они источали бледное сияние. Часто встречались и потухшие, серые. Иногда проскальзывали странные, с голубоватым оттенком. Коготки изнутри светились багрянцем. А лапки у Кэти все соскальзывали и соскальзывали.

— Держись! — ухо даже отдернулось от такого крика.

«Как?» — жалобно спросили глаза Кэти.

— Зубками, зубками, — торопливо добавил хозяин лапы, которая медленно отплывала от Кэти. Кэти не решалась.

— Скорее! — Кэти показалось, что голос расщепил ее бедное ухо. А секунды исчезали в ночи. Секунды, когда еще можно было дотянуться до лапы и сжать свои зубы. Голубые глаза просверлили Кэти до глубины.

Ее зубы обхватили лапку. Осторожно-осторожно. Мягко. Как ненужную косточку, которую можно разгрызть немедленно, но лучше подождать и насладиться сначала волокнами мяса, оставшимися на поверхности.

— Сильнее, — недовольно мякнул кот. — Мне ведь тебя еще вытягивать. А ну как сорвешься. Я-то, конечно, прыгну, да спасти уже не успею.

Зубки сжались сильнее. Лапка дрогнула. Дрогнула еще раз. Злобное рычание показало, что и сейчас клыки недостаточно крепко зацепились за лапу помощи. Глазища вновь очутились перед Кэти. Но кошечка видела только затерявшуюся в голубом пламени маленькую слезинку, застывшую блестящим шариком. Кэти зажмурила глаза и сжала зубы изо всех сил. Единственный мощный рывок вытянул ее наверх. Задние лапки, уже успевшие попрощаться с жизнью, снова ощутили под собой твердь. На секунду. Или на ее половинку. Потому что в следующий миг Кэти приняла в объятия пустота. И тут же вывернулась, предоставив кошечке нерушимую бетонную площадку.

Они сидели молча. Слова легко описывали далекие миры и пространства, но не в силах были рассказать во всех подробностях о том, что только что произошло с несчастной кошечкой. Она искоса посмотрела на пострадавшую лапу. На бледной поверхности отчетливо выступали черные дырочки.

— Тебе больно? — робко спросила Кэти.

— Больно — это если бы ты упала, — ответил кот. Ветер стряхнул слезинку и унес ее ледяной блестяшкой. Кэти подвинулась поближе и приткнулась к коту своим боком, но ничего не почувствовала. Наверное, это невозможно — почувствовать призрачного кота с мертвыми глазами. Тем не менее, он сидел рядом и смотрел в ту же, что и она, сторону. На следующую ступеньку.

— А ты падал?

— Да, — сказал он. И больше ничего не добавил. Просто прыгнул вверх и вперед. Большеухая голова кру-

танулась назад. Голубые глаза молча позвали ее за собой. Черные зрачки больше не казались страшными и отталкивающими.

Они пробирались наверх. Перила переливались перламутром. Снежные человечки, поросшие инеем, провожали Кэти карими печальными глазами. Она больше не смотрела в недостижимую высь, поэтому и не заметила, как очутилась на одной ступеньке со своим спутником. Присела и удивилась. Ступенька перед ней являла не округлость бетона, а строгий угол черного блестящего камня, похожего на мрамор без прожилок.

— Дальше сама, — бесстрастно пояснил кот. — Черные ступени только для странных кошек. Третью загадку разгадаешь, она легкая.

«А первые две?» — хотела спросить Кэти, но неожиданно поняла, что загадки обернулись дверями, которые остались теперь в далеком-далеком низу.

И она задала совершенно другой вопрос:

— А ты уже добирался до звезд?

Кот не ответил. Он опустил глаза, превратившиеся в почти незаметные щелочки. Кэти даже подумала, что он не услышал ее. И когда она совсем уже собралась повторить вопрос, коротко прозвучало:

— Нет!

— Я думала... — Кэти запнулась. — Ведь ты, наоборот, излазил эту лестницу вдоль и поперек.

— ТЕПЕРЬ да, — кивнул он, — но уже ПОЗДНО.

— Что поздно?

— Не «что поздно», а «кому поздно», — вздохнул он и содрогнулся. — Мне поздно. Когда шло МОЁ время, я сидел и ждал. Я смотрел на свою звезду, я любовался ей, я мысленно поглаживал каждый ее лучик, но ни шагу не сделал навстречу. Я был совершенно уверен, что она сама заметит меня и упадет ко мне в лапы. И она упала... Но упала не туда.

— Ну и что? — не поняла Кэти. — Вон их сколько, звезд. Выбирай любую.

— Чужие звезды счастья не приносят, — голос пропитался горечью. — Иди, — вырвалось у кота жалобно и почти неслышно.

Кэти не нашлась, что добавить, и просто отвела взор.

На черной ступеньке водили хороводы буквы, ведомые людям. Буквы складывались в слова, которые никто никогда не читал и уже не прочитает. Любой мудрец отдал бы за эти знания всю свою жизнь. Но мудрецы умеют лишь строить трамплины и даже не подозревают о том, что ночами те превращаются в лестницы до звезд. Кэти тоже не умела читать. Ни странные буквы, ни самые обыкновенные. Но тайные знания ей и не требовались. В награду Кэти ждала звезду. Одну-единственную. Зато свою.

И кошечка гордо ступила на идеально ровную поверхность лестницы, по которой могли шагать только такие же, как она. Буквы тотчас расступились, разбе-

жались по сторонам и склонились перед отважной путешественницей в почтительном поклоне.

11.

Кэти не думала о последней ступеньке. Кэти думала о двери, которую придется преодолеть без всяких подсказочек. Думала не испуганно, а настороженно. Вдруг да не сможет, вдруг да не проберется, остановившись всего лишь за шаг от мечты. Разные двери представляла Кэти. Но ярче всего вырисовывался оранжевый квадрат, ведущий в теплый подвал пятиэтажки, куда она переселялась на зиму. Эта маленькая дверца виднелась настолько отчетливо, что заслоняла собой весь обзор. Кэти и не сообразила сразу, как взметнувшаяся лапка не встретила преграды. Кошечка стояла на последней ступеньке, обернувшейся площадкой с невысоким ограждением.

Звезды висели совсем рядом. Тысячи. Миллионы. Миллиарды. Колючие шарики, каждая иголочка которых переливалась особым, неповторимым блеском. И каждая из звездочек была невыносимо хороша. До каждой хотелось дотронуться лапкой и забрать с собой. Ну как среди них выбрать одну-единственную, когда их так много?

Теперь звезды не смеялись над Кэти. Они замерли в величественной тишине. Они гордились маленькой кошечкой, которая сумела пройти весь нелегкий путь и не испугалась ни дверей, ни пустоты, ни сгнившей Луны. Они гордились добравшейся до них. И ждали.

Чуть слева от Кэти сверкала маленькая звездочка. Не самая большая. Не самая яркая. И лучи-то у нее отливали не золотом, не серебром, не молочными разводами. Но звездочка оказалась озорной. Возьмет и стрельнет зеленым лучиком в глаз Кэти, а потом голубым в другой. Сердце у Кэти учащенно забилося. Неужели? Она? Точно она?! Ее звезда!

Лапка медленно поднялась над отсыревшими досками, протянулась вверх и коснулась колючего шарика. Но боль не пришла — стало щекотно. Кэти изящно выгнулась и толкнула голубовато-зеленую звездочку. А та возьми, да упади. Неведомо куда. Кэти даже не успела заметить. Была звездочка и нету.

Вот когда появилась боль и сверлышком закрутилась где-то под мягкой грудкой. Но не успела пройти далеко. Заворочалось что-то на голове у Кэти. Коснулось сначала одного уха, потом другого, прокатилось по усам, сверкнуло между глаз и повисло на самом кончике носа, влажного от волнения.

Звездочка никуда не делась. Просто спрыгнула с небес и осталась вместе с кошкой. Она плясала в воздухе, а лучики ее выстреливали вперед, указывая Кэти направление. Без всякой опаски Кэти шагнула за своей звездой. Та отпрыгнула. Кэти скакнула за ней, раскрыв пасть, словно охотясь на самую обычную мышку. А лапки ушли в пустоту. Последнее, что успела заме-

тить Кэти распахнутыми от страха глазами — невероятно огромную дугу, покрытую скользкими соломинками.

В следующую секунду ноги у Кэти оказались закопаны в кубики изо льда, только не холодного, а теплого. Она неслась вниз и не могла точно сказать, что сейчас с ней происходило: скольжение с ужасающей скоростью или самый настоящий полет.

В какой-то момент справа от нее очутился знакомый кот с голубыми глазами, которые пересекали грустные тусклые зрачки. На ногах у него не было никаких кубиков, да он и не касался соломы своими лапками. Он просто парил рядом с Кэти и, что самое удивительное, не отставал.

— Ты умеешь летать? — восторженно вскрикнула Кэти и чуть не захлебнулась от порыва встречного ветра. Ветер подхватил ее слова, спутал их и швырнул к звездам, которые стремительно уносились ввысь.

Кот не ответил.

«Ты меня держись», — отпечаталась в ее мозгу чужая мысль.

Затем он исчез.

А потом оборвалась и скользкая солома. И Кэти летела, рассекая грудью морозный воздух. Летела над гаражами, над парком, над речушкой, журчащей среди ключев спутанной осенней травы. Летела над всем городом — от центральных проспектов до самых затененных закоулочков.

12.

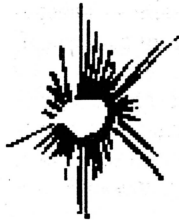
Наконец, лапки коснулись асфальта.

Первым делом Кэти углядела Луну. Совершенно другую. Серебряный диск сиял над дорогой. Лунный свет окутывал мостовую и превращал обычный асфальт в мерцающее покрывало. Луна подмигивала Кэти. Луна звала за собой. Луна не могла согреть маленькую кошечку, но обещала привести туда, где взойдет жаркое солнце.

А потом.... Потом Кэти вдруг обнаружила, что никакой звезды рядом с ней нет и в помине. От обиды зашипало в груди и в носу. Она вдруг поверила сразу и безоговорочно, что не бывает лестниц к звездам, что никуда она не лазила, что две могучие двери не преграждали путь наверх. Просто бежала кошечка к своей знакомой крыше, до которой тридцать поворотов, тридцать одна лестница и прыжок, но свернула не там, вот и оказалась на незнакомой улице. Звезды оставались все так же высоко, и ни одна из них не желала танцевать вокруг кошечки с грустными слезками в разноцветных глазах.

Кэти посмотрела по сторонам в последний раз. Так. На всякий случай.

Ничего. Улица поражала чистотой. Здесь казался неуместным даже осколок бутылочного стекла. А уж звезда...

— Она в тебе, — раздался сзади знакомый скрипучий голосок. Кэти мгновенно обернулась.

Призрачный кот сидел в тени старинного двухэтажного особняка с причудливыми башенками по углам. В тени его сияние казалось чем-то волшебным. Кот зорко следил, чтобы его не коснулся ни один луч огромной серебряной Луны. Наверное, на эту Луну смотреть не мог уже он.

— Звезда в тебе, — пояснил он. — Ты же ее проглотила. Забыла, что ли?

— И что? — испугалась Кэти. Она еще ни разу в жизни не глотала звезду. Да и обида куда не делась. Стоило ли лезть за звездой в несусветную даль, чтобы тут же ее проглотить.

— Все просто замечательно, — улыбнулся кот. — Теперь она и ты — единое целое. И может быть... Я, конечно, точно не уверен... Когда наступит новый Звездный Час, ты сама станешь звездой.

Кэти сразу стало легче. Мир не обрушился. Никакой катастрофы не случилось. Все обернулось самым наилучшим образом, как и положено оборачиваться для обыкновенных порядочных кошечек.

А в груди стало щекотно. В груди неизъяснимая легкость. И хотелось летать.

13.

Лунный свет рисовал сквозь щелястый забор серебряные полосы. Казалось, что две беспросветно черные, затерявшиеся во тьме рельсы легли на светлые шпалы. Получилась дорога. Луна добродушно кивала, намекая, мол, пора, путь уже проложен. Ночь еще не закончилась и странная кошечка увидит еще множество занимательных вещей.

— Бежим. — Кэти мотнула головой и озорно подмигнула, как это умеют делать лишь настоящие странные кошки.

— Я не могу, — тихо сказал кот.

— Почему? — изумилась Кэти. — Это же так просто.

— ТЕБЕ просто, — с нажимом сказал он. — ТЕБЕ сейчас все просто.

— Но я хочу с тобой.

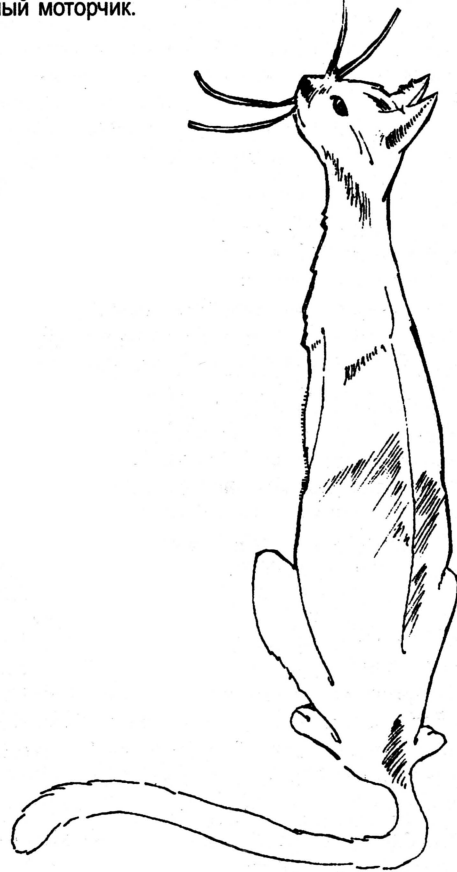
— Мне нельзя, — кот виновато улыбнулся. — Я падал. Дороги мертвых заканчиваются здесь.

Он отошел подальше в тень и исчез, словно растаял во мраке, чтобы снова очутиться на почти бесконечной лестнице, где нельзя думать о последней ступеньке. Чтобы встретить следующую странную кошку, которую надо вести наверх и помочь разрешить загадки, чтобы та добралась до звезд. Чтобы гнилая Луна не имела власти над душами, которые умеют выбирать свою звезду. Чтобы звезды не падали во тьму, а опускались в ласковые лапки тех, кто ждал их всю жизнь.

В самый последний момент Кэти показалось, что в его глазах все же блеснули отражения далеких звезд.

Кэти коснулась лапкой первой линии, дотянулась до второй и понеслась маленьким локомотивчиком по невидимым рельсам. На пути встретилась лужа. Длинная. Непреодолимая. Лунные шпалы невозмутимо раскинулись по водной глади. Лунным лучам все равно где лежать. А Кэти уже не могла остановиться. Она подпрыгнула и, не замочив лапок, скользнула над ней по воздуху, до самого берега. Звездочка тихо ворочалась внутри и веселилась, наполняя счастьем кошечку с воплотившейся мечтой.

А когда счастья стало слишком много, то оно выплеснулось звездными искорками. Блестящие брызги разлетались по дворам и прорастали лунными подснежниками и ландышами. Одна из неугомонных искорок ворвалась в темный переулок и клюнула в сухой нос Ерофея, невозмутимо развалившегося на поленнице. Ерофей лениво открыл один глаз и увидел, как над улицей скользит, едва касаясь мостовой лапками, кошка с разноцветными глазами, рассыпая звездные искры по всей округе. Глаз снова закрылся, переулок окутался тьмой. Бок Ерофея медленно вздымался и опускался, а из глубин его многоопытной души раздавалось довольное урчание, словно в темноте заработал крохотный упорный моторчик.

Рисунки Ольги Стул

ФЭНТЕЗИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Всякое художественное произведение, независимо, фантастическое оно или реалистическое, создает свой особый внутренний мир. Мир авторского вымысла. Мир художественного произведения, где есть свое пространство и время, где развитие сюжета обусловлено законами мира, созданного автором.

В фэнтези эта общая для искусства в целом закономерность проявляется особенно сильно. Авторы романов фэнтези создают абсолютно новый мир, имеющий свою географию, историю, язык... Почти в любом фэнтези мы найдем карту, на которой изображены горы, озера, города... В своем «Сильмариллионе» Дж. Р.Р. Толкин создал новую мифологическую систему, описал творение мира и его историю на ранних этапах, т.е. написал Библию несуществующей культуры. Другие писатели не идут так далеко, но один из героев повествования обычно рассказывает, хоть и кратко, о прошлом родной планеты, ибо именно в нем нужно искать причины возникших вдруг проблем. Все это говорит о том, что фэнтези, создавая особый мир, стремится дать целостную картину этой вселенной. Для этого необходимо представить многоуровневое описание мира, все элементы которого должны быть логически увязаны друг с другом. При этом авторы не ставят своей задачей создать совершенно неузнаваемый мир. Напротив, в процессе творчества они ориентируются на общественные структуры, реально существовавшие в истории человечества. И, прежде всего, на культуру средневековья. Использование образа определенной культуры с установившимися причинно-следственными связями облегчает задачу писателя создать целостный облик мира. Ориентацию же на средневековье петербургский критик В. Гончаров объясняет «стремлением к возвышенной романтике прошлого. А поскольку вся достоверная история земной цивилизации подробнейшим образом записана и хроно-

рафирована, авторам приходится придумывать и использовать страны и времена, лежащие за пределами исторических хроник — говардовскую Киммерию или Британию времен короля Артура. Так рождаются карты новых земель и стран с кропотливо прорисованными географическими реалиями, с детально разработанными историческими, экономическими и этнографическими подробностями». Кроме «стремления к возвышенной романтике прошлого», интерес к средневековью можно объяснить иначе.

Средневековье есть один из этапов христианской европейской культуры. Авторы фэнтези, европейцы и американцы, опираются и ориентируются именно на европейскую культурную традицию и рассматривают на читателей, живущих в этой традиции. Взаимоотношения людей в Древнем Египте, Двуречье или даже Древней Греции воспринимались бы читателями как нечто чуждое. Рабовладельческое общество ушло глубоко в историю. Идеалы и принципы этого общественного строя не являются частью современного менталитета. Поэтому рабовладельческая система отношений оказывается не востребуемой в литературе, ориентированной на «романтику прошлого», и фэнтези в своем отражении действительности опирается на европейскую культуру, нормы, ценности и идеалы которой отвечают нашему внутреннему мировосприятию. Европейская культура насчитывает пятнадцать веков истории. Из всей европейской истории именно средневековье оказывается востребовано в фэнтези. Это объясняется тем, что культура средневековья соответствует одному из важнейших законов фэнтези: малый интерес к развитию науки и техники. Фэнтези XX века возникает как протест и попытка уйти от технократической реальности. XVI-XX века — время развития научной мысли и установления в общественном сознании научной карти-

ны мира. Но техника и наука неприемлемы в фэнтези, поэтому именно на средневековую нетехнологическую культуру ориентируются авторы фэнтези, создавая свои произведения.

Существует еще одна точка зрения на этот вопрос, высказанная Брайном Олдиссом в его книге по истории научной фантастики. Он считает, что магии фэнтези уступает свои позиции не наука, а финансовая система. Ориентация на средневековье Олдисс объясняет неудовлетворенностью определенных слоев общества сложившимися в современном мире экономическими отношениями. В средневековье же, хотя денежная система и существовала, но деньги не имели такого хождения, как сейчас, и преобладало натуральное хозяйство. «Когда мы имеем дело с сумбуром фэнтези, мы говорим о мечтах нашего общества, нашего капиталистического общества. Привлекательность общества, где никакие деньги не имеют хождения, очевидно... В фэнтези банки — эти бастионы капиталистического общества — превращаются в дворцы или замки. Ведьма не нуждается в банковском займе. Доставал ли когда-нибудь герой фэнтези десятидолларовую купюру из своего кармана? И получала ли когда-нибудь миледи алименты? Был ли когда-нибудь главный злодей брошен в тюрьму за долги?» (Aldiss B. W. Trillion Year Spree: The History of Science Fiction. -New York: Atheneum, 1986. — p. 280-281). В мире фэнтези человек не обладает силой и властью, которую дают деньги. На первый план выходят личные качества, и только они имеют значение.

Таким образом, существует несколько причин, по сей день заставляющих авторов ориентироваться на средневековую культуру и структуру общественных отношений. А будет ли средневековье и дальше привлекать писателей-фантастов, покажет история.

Тезисы к семинару

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 54
Валерий ПЕРШИН. «Опасные снега Лхоцзе»	стр. 55
Сергей СОЛОВЬЕВ «Великой северной тропой» (интервью)	стр. 58
Александр ПАПЧЕНКО «Две пригоршни удачи» (повесть, продолжение)	стр. 59
Елена БОЧКАРЕВА. Стихи	стр. 71
Светлана ЭСТ. «Совриголова» (рассказ)	стр. 72

**«СЛЕДОПЫТСКАЯ»
ЛИТЕРАТУРА**

Среди прочих литературных жанров, которым в той или иной степени отдает предпочтение наш журнал, есть один, вызывающий в нас особые чувства. В этом жанре редко пишут маститые прозаики, да и те, кто еще только собирается сделать писательский труд своей профессией, стараются обходить его стороной. Хотя, наверное, это единственное направление в литературе, не требующее от автора ни писательского таланта, ни литературных изысков, ни даже умения отличить метафору от гиперболы. Для него нужно совсем другое — пройти своей дорогой там, где до тебя не ходил никто, а потом правдиво рассказать об этом.

И тогда появляется на свет та самая «следопытская» литература, которой зачитывались и зачитываются миллионы: «В мире безмолвия» и «Живое море» Жака Ива Кусто, «Моя жизнь под землей» Норбера Кастере и «Экспедиция Кон-Тики» Тура Хейердала. И это еще только самые известные. А ведь есть еще «Аннапурна» Мориса Эрцога — о покорении первого восьмитысячника, «За бортом по своей воле» Алена Бомбара — о попытке пересечь Атлантику на одноместном спасательном плоту без запаса пищи и пресной воды, «Неоконченное путешествие» Перси Фоссета — о первых исследованиях тропических лесов Южной Америки.

Читая эти книги, ты словно сам погружаешься в морскую пучину, спускаешься в подземные лабиринты, продираешься сквозь сельву и джунгли. И все это не выдумано в уютном и теплом кабинете, а самое, что ни на есть, настоящее, живое и пережитое на «собственной шкуре».

Так что, отправляясь в путь и укладывая рюкзак, не торопитесь затягивать шнуровку и вскидывать его на плечи. Засуньте под клапан или в карман пару чистых блокнотов. Страничка, написанная на привале или у костра перед ночлегом, не займет много времени. Но так же, как из маленьких шагов складывается большая дорога, так и из коротких строчек сложится новая книга о настоящих путешествиях и настоящих приключениях.

Попробуйте. А мы Вам поможем.

Олег ВОДОПЬАНОВ

19 августа состоялась встреча президента корпорации «Полярэкс» Соловьёва Сергея Александровича, председателя Исполкома Межрегиональной организации скаутского движения «Восход» Кунцевича Юрия Константиновича и представителя редакции журнала «Уральский следопыт». В ходе встречи было принято решение о создании в Екатеринбурге Международного центра скаутов. Желающим принять участие в проекте следует обратиться в корпорацию «Полярэкс»: телефон: (3432)70-08-51, адрес: Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, 45; или в редакцию журнала «Уральский следопыт»: телефон: (3432) 22-45-01, адрес: Екатеринбург, ул. Декабристов, 67. Не пропустите «свежую» информацию о Международном центре скаутов в следующих номерах нашего журнала.

«Убойное трофи». Под таким названием вошел в историю российского «экстрима» автомобильный пробег по бездорожью, организованный и проведенный в августе этого года среднеуральской «Ассоциацией любителей экстремальных видов спорта». 2000 километров, пройденные за 12 дней по красивейшим, но малодоступным, местам Среднего Урала, основательно «потрясли» участников «Урал-трофи 2000». В день на трассе ломалось по две машины, но из 22 экипажей до финиша, состоявшегося на полигоне в г. Нижний Тагил во время проведения международной выставки вооружений «Уралэкспоармс-2000», дошли почти все (19). Впечатления и воспоминания очевидцев готовятся к публикации.

Первый в истории России неполитический референдум, возможно, будет проведен в 2001 году. Его инициаторами станут российские «зеленые», объявившие в конце сентября о том, что ими собрана половина необходимых подписей — один миллион. Основной вопрос, предлагаемый «зелеными» к всенародному обсуждению — целесообразность ввоза в Россию радиоактивных отходов и материалов из других государств.

В старинных зданиях Москвы и Новгорода обнаружено наибольшее количество тайников, специально устроенных для хранения ценностей. Но люди сведущие с уверенностью утверждают, что большинство тайных хранилищ еще ждет своих исследователей. Особой любовью к устройству потаенных мест отличался архитектор Фиоравенти, приехавший в Россию по приглашению Ивана III в 1474 году. Именно он перестроил самое древнее сооружение в Новгороде — Покровскую башню, построил Успенский собор, часть укреплений в Московском кремле и другие здания. И во всех построенных им зданиях по сию пору находят тайники.

Валерий ПЕРШИН

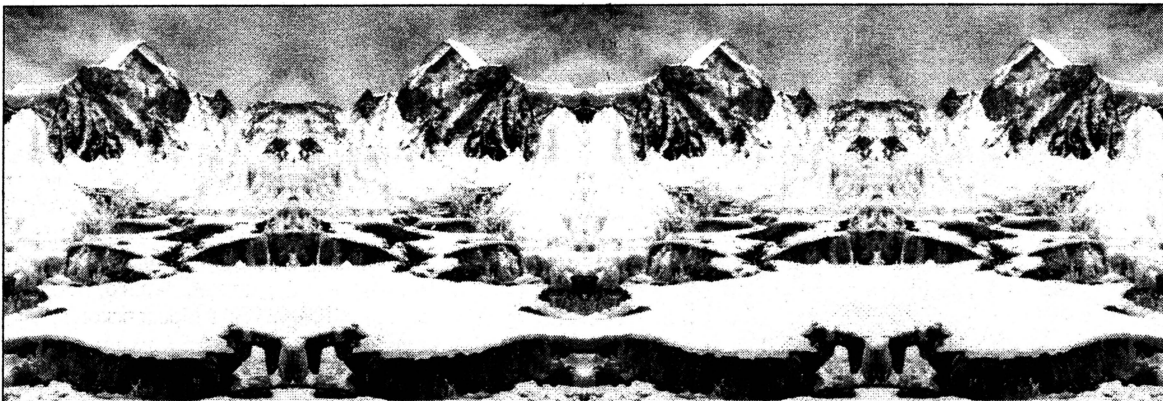
ОПАСНЫЕ СНЕГА ЛХОЦЗЕ

Рубеж тысячелетий собрал в апреле 2000 года на морене ледника Кхумбу у подножья величайшего в мире горного массива Эверест-Лхоцзе-Нупцзе рекордное количество экспедиций. Большинство альпинистов (26 экспедиций) стремятся отметить это событие восхождением на Эверест. Среди них выделяются три экспедиции. Очень много шумихи вокруг непальской женской экспедиции «Меллениум». К скоростному восхождению на Эверест готовится один из сильнейших высотных шерпов Непала — Бабу. Сейчас он работает сирдаром у испанцев. На его счету есть уже один феноменальный рекорд — он ночевал на вершине Эвереста без палатки и провел там 20

часов без кислорода. Апа Шерпа, сирдар американской экспедиции по очистке склонов Эвереста от пустых кислородных баллонов и брошенного снаряжения (руководитель Роберт Хоффман), попытается взойти на Эверест в одиннадцатый раз.

Массив Лхоцзе пользуется значительно меньшей популярностью. Сюда устремились только пять небольших групп альпинистов. Тем более приятно, что наша российско-грузинская экспедиция в центре внимания этого высокогорного форума восходителей. Цель достойная миллениума — Лхоцзе Средняя — 8426 метров, «белое пятно» на карте Гималаев, вершина, занесённая в «Книгу рекордов Гиннеса», как самая высокая непокорённая вершина. Состав: Бенджамин Кашакашвили — руководитель (г. Тбилиси), Евгений Виноградский и Валерий Першин (г. Екатеринбург), Юрий Байковский (г. Москва), Глеб Соколов (г. Новосибирск), Александр Фойгт (г. Новокузнецк), Бидзина Гуджабидзе и Гела Отаршвили (г. Тбилиси), Афи Гигани (г. Кутаиси). Все прошли еще в советские времена хорошую школу высотных и стеновых восхождений на Кавказе, Памире и Тянь-Шане, и сейчас взаимопонимание было найдено без всяких проблем. Вскоре иностранцы потянулись в нашу дружную компанию. Участники экспедиции «МАИ-2000», международной экспедиции на Лхоцзе поляк Пётр Пустельник, болгарин Дойчин Васильев, словенская экспедиция в полном составе. Генри Тод — руководитель коммерческой экспедиции на Эверест-Лхоцзе, Роберт Хоффман — руководитель экологической американской экспедиции приходили к нам скоординировать наши действия по прокладке пути к Лхоцзе Главная, а зачастую просто поболтать о прошедших и будущих экспедициях. Итальянца Симоне

Моро и казахского восходителя Дениса Урубко, которые планировали проложить маршрут через две высочайшие вершины Эверест-Лхоцзе, мы в шутку просто зачислили в нашу команду, практически все свое свободное время в базовом лагере они проводили с нами.

Нашу мирную жизнь в базовом лагере омрачали непредвиденные события, препятствующие нашему продвижению наверх. Началось с наших высотных шерпов и возглавлявшего их сирдара, который оказался первостатейным обормотом. Вся начальная стадия по заброске снаряжения в первый и второй лагеря была сомкнана в значительной степени из-за его неспособности руководить шерпами и непригодности для работы на высоте. Двое шерпов практически не могли работать выше базового лагеря, один по причине хронической болезни желудка, другой по причине собственной лени. Такую «медвежью» услугу по подбору высотных шерпов нам оказала туристическая фирма в Непале, с которой мы уже много лет сотрудничаем. Наш руководитель Бено, в силу своей бесконечной терпимости, некоторое время мирился с существующим положением вещей, но и у него наконец-то терпение лопнуло. После долгих и настойчивых требований руководителя экспедиции и врача Виноградского больные и нерадивые высотные шерпы покинули базовый лагерь. Оставшиеся трое шерпов заработали в полную силу. Но теперь, оставшись втроем, они с трудом успевали осуществить заброску грузов наверх. Для обеспечения траверса до Средней вершины нужно было сделать еще один — пятый — лагерь, практически под вершиной, оснащенный всем необходимым, в том числе большим количеством снаряжения и кислорода. Собственно по этой причине и были запланированы высотные шерпы в нынешней экспедиции. Все предыдущие годы, начиная с первой российской экспедиции 1991 года, мы обходились без них.

Поистине камнем преткновения стал для нас третий лагерь на отметке 7200 метров. До него мы доби-

лись благополучно с желанием идти выше, но ночью или под утро начинался сильный ветер, приходилось откапывать палатки, а утром спускаться вниз. Частые штормовые ветры выше 7000 метров тормозили в этом сезоне продвижение альпинистов всех экспедиции как с южной, так и северной стороны Эвереста.

9 мая мы поднялись в 3-й лагерь в четвертый раз. Были в прекрасной форме, в хорошем настроении, завтра нас ждал выход в лагерь 4 и дальше на вершину. Праздник отметили в палатке пением военных песен. А ночью погода по традиции испортилась: ветер, снег. Палатку стало засыпать. Женя лежал с краю у входа, несколько раз отгребал снег просто рукой. В 3 часа ночи палатку засыпало настолько, что могли сломаться стойки. На призыв выйти в ночную круговерт отгребать снег с палатки откликнулся только Женя. Работал лопатой около получаса. Замерз, поэтому лег спать, не раздеваясь, во внутренних ботинках. В 6 утра на палатку сползла «снежная доска» — пласт уплотненного ветром снега. Нам повезло, что палатку с одной стороны накрыло краем лавины, и какое-то время крайняя стойка еще держалась. Женя мгновенно раскрыл вход и рукой проделал небольшую дырку в еще рыхлом снеге, позволившую ему выскочить наружу. За ним, как уж из старой кожи, выскользнул наружу и я из своего спальника. Накануне вечером в палатке было очень тепло, и я разделся почти до трусов. Теперь я оказался босиком, держа в руках спальник, который инстинктивно вытянул с собой из палатки. В это мгновение раздался треск окончательно рухнувших стоек, и все затихло под толщей снега. Женя бешено работал лопатой в том месте, где предположительно находился Глеб. Мои попытки помочь Жене голыми руками расчищать палатку оказались тщетными, и я бросился в соседнюю палатку за помощью. К счастью, она была цела, а грузины ничего не подозревали о постигшем нас несчастье. На мое сообщение о случившемся ребята отреагировали мгновенно. Первым выскочил Юра

Банковский и пришел Жене на помощь. Тот уже докопался до поверхности погребенной палатки и, когда увидел рвущуюся наружу голову Глеба, резнул по ткани ножом. Глеб жив, теперь срочно откапывать Фойгта. Юра с боку докопался до палатки, которую, не задумываясь, разрезал ножом. Появившийся спальник также разрезали и увидели ноги Фойгта. Потянули, и вдвоем на раз-два вытянули Сашу из-под снега. Тот мысленно отводил себе еще минуту-две на жизнь. В результате все отделались легким шоком, а грузины откопали палатку и нашли в ней практически все вещи, главное — наши ботинки, без которых спуск вниз был бы сильно проблематичен.

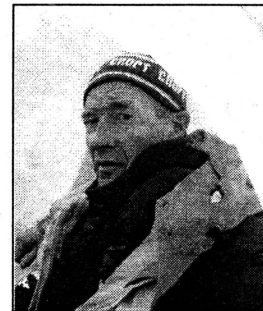
От перенесенных волнений мы потом отдыхали в зеленой зоне в местечке Дебоче, где наслаждались пением птиц, шелестом листвы и несканной красотой гималайских рододендронов.

К нашему возвращению вершина Лхоцзе Главная оказалась уже покоренной. Бено Кашакашвили остался в базовом лагере руководить шерпами по восстановлению лагеря 3 и установке четвертого лагеря. И он использовал свой шанс. 15 мая после тяжелой ночевки в маленькой палатке вместе с шерпой Пембой и поляком Петром Пустельником в четвертом лагере на высоте 7900 метров, двигаясь 11 часов в глубоком снегу, в 7 часов вечера они достигли вершины. Это первое восхождение в этом сезоне! Рассказывая о своих впечатлениях о горе и гребне, ведущем к Лхоцзе Средней, воскликнул с грузинской эмоциональностью: «Там муха не удержится!» и показал сложенными ладонями крутизну склонов гребня.

Путь на вершину открыт, хотя следы будут наверняка заметены, и нет перил от четвертого лагеря до вершины, как это было в 1997 году. На пятый раз благополучно миновали третий лагерь и под вечер 20 мая были в четвертом лагере. Здесь пришлось потратить много усилий по сооружению площадки под две высотные палатки, так как маленькая палатка, оставленная предыдущей группой, нас не устраивала. По плану мы идем на вершину с кислородом, чтобы сохранить силы. Мы все еще надеемся на попытку достичь Средней вершины или хотя бы глубокой разведки. Ранним утром отличная погода, до горизонта великолепная панорама Гималаев, видны Чо-ойю и Шиша-Пангма. Осенью 1996 года мы с Женей с разрывом всего две недели стояли на вершинах этих восьмитысячников. Провозились с кислородом и вышли только в 7 часов. Не прошло и двух часов, как с запада из-за Шиша-Пангмы к нам стремительно начали приближаться темные облака. Я показал на них Жене рукой, и он без слов кивнул в знак понимания головой. Оба сразу вспомнили трагедию на Эвересте в 1996 году, когда подобные грозные облака на горизонте стали предвестником налетевшего позднее шторма, ставшего причиной гибели восьми американских альпинистов. Предчувствия нас не обманули, уже через час вокруг нас бушевала вьюга, видимость упала до нескольких метров. Но ничего уже нас не могло остановить на пути к цели: ни глубокий — местами по колено — снег, ни навалившаяся непогода. Накопившееся за многочисленные выходы в третий лагерь нетерпение в дальнейшем продвижении наверх, хорошая акклиматизация, отдых в зеленой зоне требовали выхода и сделали наше движение настолько стремительным, что мы не заметили, как достигли вершины. На самой верхушке снежный карниз, и мы все сгрудились на двух уровнях на маленьких полочках, мешая друг другу сделать хоть какие-то снимки. Зато все на вершине. Принесенное снаряжение для попытки пройти хоть сколько-то по гребню в сторону недоступной вершины опять не пригодились. Куда тут сунешься в таких условиях, благополучно спуститься бы.

Из-за ухудшения погоды дальнейшие попытки пришлось отложить до лучших времен. Итак, непокорный пик опять устоял. Но интерес к нему возрос еще больше, уже иностранные альпинисты, в частности Симоне Моро, болгарин Дойчин выразили желание присоединиться к нам в осуществлении нашей мечты.

Валерий Першин

Евгений Виноградский

Александр Фойгт

Юрий Байковский

Глеб Соколов

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ВСЕМИРНАЯ КРУГОСВЕТНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЮНЕСКО «ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ТРОПОЙ»

На вопросы корреспондентов отвечает руководитель Всемирной Кругосветной Экспедиции ЮНЕСКО «Великой Северной тропой», член Союза Журналистов России, почетный полярник Сергей Александрович Соловьев.

— Какие конкретные задачи стоят перед участниками экспедиции?

— Главная задача экспедиции — привлечь внимание к проблемам Севера, убедить общество, правительство РФ в необходимости их решения, попытаться изменить государственную политику по отношению к Северному региону. Нельзя забывать, что развитие этого региона, который сегодня дает 92% газа, 68% нефти, золото, никель и т.д., уже в ближайшем будущем несомненно скажется на судьбе всей страны. Аляска может служить хорошим историческим примером. Ведь продажа Аляски, по большому счету, произошла из-за того, что российское общество оставило эту частичку своей земли без внимания. На сегодняшний же день геополитическая ситуация такова, что Российская Федерация может потерять и большие территории.

— Пойдите, как же это может произойти?

— Во-первых, сейчас идет интенсивное заселение российских территорий, в особенности дальневосточных регионов, людьми с менталитетом, отличным от российского. Если это насыщение будет проходить бесконтрольно, и людей с российским менталитетом будет оставаться все меньше, то нетрудно предположить, какие политические лидеры вскоре придут там к власти. Вероятно, что именно эти законные избранные могут поднять вопрос об отделении от России.

Во-вторых, исторически сложилось так, что две трети мирового шельфа находится на территории РФ (шельф — это подводное продолжение материка, лежащее на глубине около 200 метров). Существует вполне обоснованное мнение, что в следующем столетии шельф будет давать основной приток полезных ископаемых. По международному законодательству при отсутствии эксплуатации шельфового месторождения в течение определенного срока право на его использование может перейти другой стране. На сегодняшний день никаких разработок шельфа не ведется.

— Когда экспедиция стартует?

— Осенью 2000 года мы планируем отправиться на собачьих упряжках от Берингова пролива по Аляске. Также в ходе подготовительного этапа мы собираемся посетить 14 населенных пунктов в Ямало-Ненецком Автономном Округе с июля по август 2000 года. Целью этого шага является выявление наиболее характерных для региона проблем, привлечение внимания общественности и правительства к данному региону, а также включение этих проблем в программу исследований экспедиции. По результатам экспедиции в целом в Тазовском районе

Ямало-Ненецкого Автономного Округа планируется провести социальный эксперимент по внедрению наиболее интересного опыта решения социально-экономических проблем Севера в других странах.

После завершения этой акции мы пролетим по маршруту полярной экспедиции газеты «Советская Россия» 1982 — 1983 гг. от Уэлена до Мурманска. В общей сложности, этот этап займет от полутора до двух месяцев времени, с начала августа до конца сентября. Ориентировочно экспедиция продлится один год.

Беседу вели
Ирина ДУРАСОВА
и Евгений КИСЕЛЕВ

Александр ПАПЧЕНКО

ДВЕ ПРИТОРЩИ УДАЧИ

Приключенческая повесть

Рисунки Маргариты ВОДОПЬЯНОВОЙ

ВЛАДИК

— И тогда поступай, как знаешь, — произнес Иннокентий Порфирьевич и вышел из комнаты.

Владик несколько секунд глядел на запечатанный конверт, а затем сунул его в карман рубашки и принялся торопливо выбрасывать из платяного шкафа на пол одежду. Наконец Владик наткнулся на свой старый рюкзак. Затолкал в него носки, свой старый свитер, сложил в него все самое необходимое и замер...

«Что я делаю? Спокойно, — подумал всегда рассудительный Владик. — Нужно проанализировать. Продумать, прежде чем принимать решение. Хорошо, что я умею обходить код входного замка. Но телекамеры? Нет, надо обдумать и взвесить».

Владик уселся в кресло и попробовал сосредоточиться, но мысли путались, тесня друг друга...

Владик швырнул рюкзак на пол, пнул его ногой и подошел к окну. Оконный проем перекрывали че-

Продолжение. Начало в № 7

шуйчатые пластины стальных жалюзей... Владик подошел к двери. Постоял. Взялся за дверную ручку, но выходить передумал. Ударил в простенок кулаком. Его распирало от злости и обиды. Он вернулся к столу и включил компьютер. Ранее этого было достаточно, чтоб все неприятности отступили на второй план, их острота потерялась, а проблемы, кажущиеся неразрешимыми, решились легко и просто. Впрочем, что это были за проблемы? Сейчас их значимость казалась мнимой, а неразрешимость надуманной. За долгие часы и дни, проведенные за компьютером, Владик научился искусно избегать безвыходных ситуаций. Точнее, эти ситуации сами его избегали, не зная, как подступиться к поглощенному виртуальным компьютерным пространством мальчику. И вот теперь что-то важное разладилось в механизме проживания Владиком жизни. Наткнувшись на препятствие, слетела со своей оси какая-то шестеренка, и механизм дал сбой. Этим препятствием и явился Колька. Во всяком случае, так казалось Владиду.

Владик взялся за голову и плюхнулся на диван...

Ночь, ночь, короткая июньская ночь, опустилась на землю. Запорошило небо звездами...

Еще спит Колька. Его еще мучают грибные кошмары. И он еще не знает, кого это могут убить... Спят на безлюдном шоссе, в машине, Николай Сергеевич и Яна. Им выдался трудный день, и поэтому им не снятся сны. На раскладушке, у входа в Колькину комнату, спит Андрей. И только Владик не спит... Или ему кажется, что он не спит? Владик следит за кабытрохиздохами, которые готовятся к решительным действиям. Вначале, как обычно, раздастся шарканье пяток, сдавленный крысиный писк и шепот. Это племя кабытрохиздохов сговаривается, перед тем, как начать охоту за ним, за Владиком.

«Это «дум». Это такая игра, — понимает Владик. — Мне нужно срочно вырубить компьютер, и все они там погибнут».

Владик выключает компьютер, но кабытрохиздохи, как ни в чем ни бывало, готовятся к атаке: рассредоточиваются перед решающим броском, угрожающе поигрывают копиями, азартно подпрыгивают ногами... Вот они напряжинились! Но, чу! Ударили там-тамы. Замерли кабытрохиздохи, прислушиваясь к сообщениям, зашифрованным в дробном грохоте барабанов.

«Нет этого в «думе»! — похолодел Владик. — Чтоб сговаривались! Это же прокол программы! Но, как же мне выйти из игры?!»

— Обходите добычу справа! — сообщили там-тамы. — Не цепляйтесь пятками за землю. Соблюдайте тишину и осторожность, — гремели барабаны. Притихли кабытрохиздохи. Подтянулись и подобрались. Волосатые начальники отрядов взмахнули копиями.

— А-а-а! — закричал Владик...

— Шварк-шварк-шварк! — окружая Владика, двинулись шеренги отважных кабытрохиздохов.

— Мама! — закричал Владик и проснулся. Расширенными от ужаса глазами Владик обвел комнату и вздохнул с облегчением — просто он болеет. Лежит в кровати. Горло у него затолкано шарфом. Во рту слонявится горький привкус проглоченной таблетки. Ночь. Вернувшийся с работы папа бродит на цыпочках по кухне, гремит кастрюлями и ложками и боится разбудить его, Владика. Сейчас в комнату зайдет мама и положит руку, холодную руку, на горячий лоб. Но она же... Нет! Это дурной, страшный сон. Но откуда тогда этот гулкий унылый кафельный пол? Эти безнадежные серые стены? И эта тоска, скользкой удавкой перехватившая горло Владиду? Откуда? И вдруг Владик понял, что спит. Каким-то десятым, сотым необъяснимым чувством догадался, что он спит...

«Но этого же быть не может!» — прошептал Владик. Но ощущение пустоты, ощущение огромного серого пространства, в котором гулким эхом на кафельном полу разносятся шаги, вдруг нахлынуло на Владика. И он утонул в нем... И в безнадежной и беспощадной в своей безнадежности больничной стерильной пустоте, в самой ее середине, на никелированной кровати, съезжилась под серым больничным одеялом сутулая маленькая беспомощная фигурка... Накрытая одеялом с головой!

— Мама!!! — закричал Владик и бросился к кровати, чтоб сорвать с лица, с единственного в мире лица, проклятое одеяло, которое душит, душит, душит... и проснулся. И недоуменно огляделся. Он лежит на незнакомой кровати, в чужой незнакомой комнате. Мерцает экран включенного компьютера. Уютно жужжит вентилятор охлаждения процессора. На полу валяется рюкзак...

Владик с трудом проглотил соленый ком, застрявший в горле, и спрыгнул с кровати. Поднял рюкзак, подумал и отшвырнул его в угол. Поглядел на часы и подошел к компьютеру. Неуверенно протянул к экрану руку и коснулся кончиками пальцев матовой поверхности. Надавил. Погладил скользкую поверхность экрана и вздохнул с облегчением. Стекло было как стекло, а, следовательно, он, Владик, не спит, и мир вокруг него вновь привычно прочен. Владик быстро оглянулся — в комнате никого. Значит, никто не мог видеть Владика за этим странным занятием...

Первым делом Владик выдвинул на середину комнаты стул. Потом выключил верхний свет. Теперь комнату освещал мерцающий экран компьютера. Владик взобрался на стул и, стоя на цыпочках, на ощупь снял пластиковый колпак с лампы дневного света. Извлек стартер. Затем вытащил из ящика письменного стола паяльник, моток проволоки, радиодетали и сложил их на столешнице в определенном, строго заданном порядке. И принялся паять. Тщательно и аккуратно. Минут через двадцать на столе лежало некое приспособление непонятного предназначения. Владик аккуратно убрал в стол не пригодившиеся детали и вернул на место плас-

тиковый колпак лампы дневного света. Убрал стул, предварительно тщательно стряхнув с него пыль, и сунул в дисковод компьютера дискету. Затем поработал на клавиатуре. Подсоединил к компьютеру две проводочки, тянущиеся к собранному хитрому приспособлению, и нажал клавишу пробела. Приспособление тихонько зажужжало...

— Вэри вэл! — Владик потер довольно руки и легонько ударил по большой клавише «Enter». — Ну, железо, не подведи. Мощности, конечно, маловато, но должно достать.

Владик поглядел на часы, подхватил рюкзак и вышел из комнаты. На цыпочках, затаив дыхание, прокрался к входной двери. Теперь ему оставалось только ждать...

Тем временем в комнате Владика на экране компьютера шел обратный отсчет времени — сорок шесть секунд, сорок пять, сорок четыре... Когда истекла последняя секунда, компьютер тихонько запищал и выдал на экран вереницу цифр, водопадом несущихся сверху вниз... Вдруг изображение поблекло и вспыхнула надпись — «Код идентификации прован».

Щелкнул электронный замок входной двери. Владик тихонько выскользнул на улицу и принялся следить за секундной стрелкой на светящемся циферблате своих часов...

— Пять... — прошептал он, — ...четыре, три... два, один... Ну, железо?

Примитивное приспособление, собранное Владиком на скорую руку и подсоединенное к компьютеру, вдруг затрещало (это сработало реле), и в тот же миг непостижимым образом все телеэкраны в комнате охраны покрыла непроницаемая рябь...

— Черт! — прошептал опешивший охранник...

Ну, а Владик тем временем со всех ног мчался к реке. В начале июня светает рано, и Владик довольно хорошо ориентировался в предзвездных сумерках.

«Все! Где-то здесь кусты! — подумал Владик, приближаясь к берегу реки. — Вот они! Как бы теперь с обры...» — и запнувшись за торчащую из земли корягу, кубарем полетел с обрыва. Хорошо, что берег был песчаным! Приземлившись у самой кромки воды и больно ударившись плечом о землю, запесоченный Владик вскочил и, морщась от боли и прихрамывая, бросился на плот. Здесь дрожащими от нетерпения руками, пугаясь в полах прорезиненного плаща «крыши» шалаша и проволоке, нащупал вход и забросил внутрь шалаша рюкзак. Теперь обратно на берег! Спотыкаясь и срываясь, Владик вскарабкался по обрыву и плюхнулся навзничь в самую гущу кустарника. И засипел от холодной росы, которая обожгла лицо и руки. Тяжело дыша, Владик поглядел на светящийся циферблат часов — секундная стрелка перешагнула цифру «одиннадцать». Владик поерзал, устраниваясь поудобнее... Секундная стрелка коснулась цифры «двенадцать».

Компьютер, повинувшись заданной программе, ров-

но через четыре минуты отключил собранное Владиком приспособление от сети. Тотчас экраны телевизоров в комнате охраны очистились от ряби помех. И вновь, как ни в чем ни бывало, на них обозначился пустынный ночной пейзаж, плоский и скучный...

— Ну, триллер... — протянул вспотевший от пережитых волнений и ничего не смыслящий в тонкостях установки помех охранник. Все эти четыре минуты он щелкал переключателями, изредка перемежая эти щелчки отработанными ударами кулаком по пульту. Но, несмотря на все старания охранника, аппаратура не сломалась. По-прежнему телекамеры с блестящим качеством транслировали в дежурку мельчайшие детали уснувшей природы... Охранник почесал затылок и протянул руку к телефону. Согласно инструкции он должен был немедленно уведомить старшего смены о неполадках. Но, представив недовольную физиономию разбуженного начальника и те неубедительные аргументы, которые он представит в доказательство того, что это ему все не приснилось, охранник зевнул и, отвернувшись от телефона, тупо уставился на экраны...

Владик лежал в зарослях кустарника и дрожал от холода. Кто мог знать, что в начале лета земля может быть такой сырой и холодной? Это мог знать кто угодно, но только не Владик, человек сугубо городской. Знал бы, одел бы свитер, потому что джинсовая курточка, всегда такая надежная и теплая, сейчас совершенно не сохраняла тепла...

Владик приподнял голову — с утопающей в тумане реки тянуло свежестью. Зеркало воды лоснилось...

Вторая напасть — комары. Они как-то сразу напши спрятавшегося беглеца и теперь, уныло подвивая, атаковали лицо и руки Владика.

Владик поежился и натянул на лицо курточку. Так лежать было неудобно, зато комары не лезли в лицо. Правда теперь они жалили сквозь рубашку живот. Чтоб защитить живот, Владик свернулся калачиком и поглядел на часы... Невероятно! С того момента, как он выбежал из дома, прошло всего каких-то восемнадцать минут! Этого быть не может! Владик поднес часы к уху — нет, тикают, да и секундная стрелка скользит по циферблату. Но, почему же так медленно тянется время?!

«Надо думать о чем-то другом», — решил Владик и в который раз принялся просчитывать свой план. Все ли он верно продумал? Вот ведь комаров и сырость предусмотреть он не сумел. Что еще он не предугадал?

«Конечно... — ежась, думал Владик, — ... было бы разумно выбрать время, подойти к этому мальчишке и постараться все объяснить. И так бы, наверное, поступил всякий нормальный... взрослый человек. Потому что это правильно. Но как к нему подойти теперь, он ведь подумает, что я струсил. И даже не это главное, когда дело касается чьей-то жизни. Просто я ему не смогу объяснить про своего отца. И что

я конкретно скажу? Мой папа, чтоб меня не убили, купил тебя? Чтоб тебя приняли за меня и убили? Как нелепо!» — Владик поморщился от стыда и покраснел.

Теперь, когда его план наполовину был реализован, и все пути назад были отрезаны... Впрочем, он мог, конечно, вернуться. Нужно было лишь дождаться утра и незаметно прокрасться в дом. О том, что Владик допоздна засиживается за компьютером и долго спит, знали многие, и поэтому его исчезновение вряд ли бы заметили. Но не таким человеком был Владик, чтоб отказываться от запланированного и просчитанного предприятия. Владик был человеком дисциплинированным и собранным и привык доводить начатое до конца.

«Это все равно, что, недозагрузив программу, вдруг взять и выключить компьютер...» — подумал Владик и успокоился. Впервые с того момента, как он увидел в ванной незнакомого мальчишку, примерявшего его одежду, Владика ничто не смущало. Решившись на сомнительный с точки зрения логики поступок и, вопреки всем сомнениям, претворив его в жизнь, он только сейчас вновь обрел привычную способность трезво мыслить и быть таким, каким был всегда — хладнокровным и выдержанным.

ПОБЕГ

Солнечный зайчик перепрыгнул со спинки кресла на плед, которым была укрыта спящая в машине девочка, помедлил и скользнул ей на лицо. Яна открыла глаза и тотчас зажмурилась, ослепленная солнцем.

— Ну? Проснулась? — раздался голос Николая Сергеевича.

Сорокина села и огляделась — машина стояла на краю поля, на обочине проселочной дороги. Впереди виднелась опушка леса.

Николай Сергеевич, пока Сорокина спала, переоделся в защитного цвета водолазку и такого же цвета брюки. Сидя на корточках, он изучал расстеленную прямо на земле карту. Тут же, у машины, на прямоугольном куске целлофана матово поблескивал деталями и винтами непонятный прибор...

— Возьми бутерброды в бардачке... — Николай Сергеевич покосился в сторону Яны, тяжело вздохнул и убрал карту.

Сорокина съела три бутерброда с колбасой, подобрала семящую по скользкому пластику рулевого колеса крапчатую козьячку, божью коровку, и выбралась из машины.

— Божья коровка, полети на небо, там твои детки кушают котлетки! — попросила козьячку Яна. Божья коровка послушно стартовала с пальца Сорокиной и помчалась к своим деткам-обжорам.

— Ну, что ж, надо определяться, — Николай Сергеевич смерил критическим взглядом угловатую фигуру Сорокиной. — Кино...

Затем он пинцетом взял из маленькой коробочки коричневый кругляшок размером с мелкую монету.

— Микрофон-родинка. Чтоб я слышать тебя мог, Красная Шапочка. А ты меня, — Николай Сергеевич ловко приклеил «родинку» Яне чуть ниже мочки уха. — Теперь мы родственники — видишь, у меня такая же?

Действительно, у Николая Сергеевича за ухом тоже темнела «родинка».

— А это сам передатчик, — Николай Сергеевич достал из кармана брюк большие часы с выпуклым циферблатом на широком металлическом браслете. — У меня такой же.

— Как в кино... — прошептала Сорокина.

— Скверная аналогия. Сосредоточься, если хочешь стать кактусом на грядке. Видишь этот ободок?

Яна присмотрелась: выпуклый циферблат часов опоясывал яркий оранжевый ободок с черными насечками и яркой светящейся точкой.

— Ободок подвижен. Запоминай. В этом деле двоечников нет. Они все там... — Николай Сергеевич кивнул на небо. — Летают наперегонки со спутниками. По кусочкам... Итак, если символ, эту белую точку, установить напротив цифры «девять» — это «SOS». Спасите меня, значит... Спасут. Что еще? Да. Очень важно — символ напротив цифры «двенадцать» — и через десять секунд взрыв. Голова летит вон в те кусты, а ноги... в общем, туда же летят. В техотделе не рассчитывали на рассеянных девочек, когда делали прибор. Перед ними стояла задача не допустить, чтобы прибор попал в чужие руки. Связь на моей личной частоте, через спутник. Что еще? «Единица» — прибор отключен.

Николай Сергеевич защелкнул браслет часов на запястье Сорокиной, коснулся своих часов и сразу же в голове Яны его голос раздвоился. Теперь он звучал и напрямую от самого Николая Сергеевича и тихим эхом из-за уха, из приклеенной «родинки». Сорокина дурашливо потрясла головой...

Николай Сергеевич сел в машину, положил себе на колени странный прибор и завел двигатель.

— Арбалет, — поймав вопросительный взгляд Яны, объяснил Николай Сергеевич. — Мгновенный, здоровый сон и не более того. Выдвигаемся на позицию...

Они проехали метров триста. Лес приблизился, и уже можно было разглядеть отдельные стволы.

Николай Сергеевич остановил машину, поднял все окна, проверил замки на дверях и сказал:

— У меня ровно две минуты, чтоб... — Николай Сергеевич сосредоточился. — Кино закончилось. Меня тревожит твое дурашливое настроение. Полагаю, что невольно у тебя сложилось превратное легковесное представление о действительности. Чтоб ты понимала, как это серьезно, я должен тебе сказать, что там в лесу, под Медногорском, я должен был шлепнуть тебя. Так, наверное, поступил бы всякий на моем месте. Потому что это профессиональ-

но. И, быть может, я тоже так поступлю... в следующий раз.

— Как это? — растерялась Яна.

— Очень просто. Ты кто? Взбалмошный, наивный, глупый, доверчивый, болтливый, беспомощный свидетель. Потенциально ты способна убить десятки людей, стоит тебя тряхнуть как следует. Поэтому, в мое отсутствие никакой самостоятельности. Ни шага из машины. Дверь никому не открывать. На вопросы отвечать — жду папу. А сейчас я уйду. Ты останешься. И будешь ждать меня до полудня. Не вернусь... поступай по обстоятельствам, — Николай Сергеевич взял арбалет, захлопнул дверцу машины и пошел в сторону леса.

Сорокина не мигая смотрела ему вслед и слышала в ушах его дыхание. Прошла минута, вторая... Яна сидела не двигаясь, пока Николай Сергеевич не скрылся в лесу. Затем Сорокина словно очнулась, открыла дверь и вышла из автомобиля. На ее выгнувшемся лице окаменела улыбка...

Яна осторожно прикрыла дверь машины и пошла прочь.

— Мне всегда не везет, дядя Коля, — сказала Яна, выбираясь на дорогу. — Вечно я вляпываюсь. Вот вы мне говорили — шлепнуть... — Сорокина поежилась и ускорила шаг, — ...и я сразу вспомнила. Мне рассказывала моя милая, бедная мамочка историю про то, как я в детстве разоружила целую банду мафии. Тогда тоже погибли десятки людей из-за меня, как вы и говорили. Я их погубила. Сейчас расскажу...

ВЫЗЫВАЮЩЕ ВУЛЬГАРНАЯ ИСТОРИЯ,
рассказанная Сорокиной на пустынной дороге в крайнем смятении чувств, что ни в коей мере ее не оправдывает, но в какой-то степени объясняет ее душевное состояние.

— Мне было года два. Мы с мамой остановились в гостинице. Мама куда-то отлучилась, а я захотела по маленькому. Дядя Коля, я бы вам никогда такого не рассказала, если б не ваша личная частота радиостанции и спутник. Конечно, в вашей шпионской организации все бы смеялись, если бы не ваша засекреченная частота. Ну вот, тогда еще памперсов не было. А я и тогда уже была девочкой самостоятельной и, как вы сказали, наивной и доверчивой. В общем, дурочкой. Вот я вышла из номера и вперед, по коридору. Я не знала, что в этой гостинице, в номере люкс — это такие очень шикарные комнаты — собралась на переговоры мафия. Для выяснения своих отношений. Вот они уже сидят за столом, друг напротив друга, две бандитские группы, и у них возникло психическое напряжение от того, что они не договорились. Запутались в проблемах. Иду я по коридору и вижу: стоит такой вот огромный охранник в плаще и закрывает своей спиной дверь в номер люкс, где, значит, сидит мафия в психическом напряжении. Я к нему. Вцепилась я в его штанину и

говорю — пи-пи... Ну, вы понимаете. А он меня ногой осторожно отодвигает. Вот про инструкцию вы правильно сказали. В его бандитских инструкциях тоже не было ничего такого предусмотрено, что делать с ребенком, если он, ребенок, на него, бандита, наткнется случайно. Охранник тоже поступил как неопытный. Вот если б он был профессиональным, он бы меня шлепнул и все. А так взял он меня на руки и пристроил под пальмой, что росла там в такой огромной деревянной кадке. Это, конечно, другие, чем на каком-нибудь южном острове, растения, но очень похожие. А в это время в номере люкс вообще уже все повставали со своих мест и смотрят молча друг на друга, как какие-нибудь гипнозные, и к пистолетам, что лежат на столе, уже тянутся, но еще не хватают. И мечтают молча поскорее всех застрелить, да иначе и нельзя, это же мафия, дядя Коля. Все это происходившее в гостинице вы легко сможете представить себе, если посмотрите какой-нибудь американский фильм. Ну, не важно. Главное, что, находясь на руках у охранника, я заметила у него под мышкой, под оттопырившимся плащом, какую-то железку. А дети, они ж такие, как сороки все ташат. Вот я в эту железку и вцепилась. Как на зло железка оказалась курком боевого автомата, спрятанного под одеждой. Когда раздалась оглушительная автоматная очередь, те, что в номере люкс, наверное, даже обрадовались, потому что, наверное, подумали, что давно пора стрелять, и что вот оно и началось... Взрывы, выстрелы, треск! А мой бандит, ну этот, что меня на руках держит, вместо того, чтоб удрать... ну, его заклинило прямо всего. Знаете, бывают такие состояния у людей. Ну, вот... последним взрывом вырывает с корнем дверь, и в коридор выпрыгивает с пистолетом весь оборванный шеф. И как увидит нас! И как закричит страшным голосом!

— Леха!! Что случилось?! Ты что делаешь?

А мой бандит отвечает:

— Писаем, шеф...

А главный бандит, как закричит еще раз:

— Зачем же мы группу Камалю уделали?

Уделали, это значит — застрелили... Вот. А мой бандит ему на это:

— А что, вы разве уже передумали, шеф?

Понимаете, дядя Коля? Мой бандит связался с ребенком, поступил не подумавши. Неграмотно и непрофессионально, и поэтому провалил всю операцию. Надо было ему меня шлепнуть в самом начале нашего знакомства. Но с другой стороны, он сказал: «Разве вы передумали, шеф?» Так что, может, не такой уж он был недотепа, мой бандит. И может, вся эта непрофессиональность с его стороны — всего лишь тонкий расчет и хитроумный план, где я была пешкой в чужой игре. И даже трудно представить в таком случае, если моя эта версия правильная, что бы было со всеми мафиози, если б мне не захотелось срочно по маленькому. И еще неизвестно, кто кого перестрелял бы, не нажми я на курок. Знаете, как в фильме «Коломбо»? Вот и я тоже со-

мневаюсь, а вдруг вы тоже передумаете. У вас работа такая, чтоб все время думать... И может, то, что вы не выбросили меня сразу из машины, это тоже расчет? Потом на выстрелы прибежала моя милая мамочка и спасла меня. Теперь вы понимаете, как я с раннего детства всем поперек горла. Молчите? Вам нельзя говорить, вы постоянно в засаде. А я ушла. За бутерброды спасибо...

Яна установила точку-символ на ободке циферблата часов напротив цифры «один», передатчик отключился, и Сорокина перестала слышать дыхание Николая Сергеевича...

— Беги-беги, Красная Шапочка, — прошептала Яна и ускорила шаг.

Владик пошевелил затекшими ногами и поглядел на часы: стрелки сошлись на без пяти минут восемь... Из главного входа дома вышел человек в синем комбинезоне и, насвистывая, скрылся за углом дома...

«Венька, электронщик...» — устало подумал Владик и зажмурился. Венька занимался установкой сигнализации, и Владик часто разговаривал с ним о компьютерах.

Владик лежал с закрытыми глазами, но не спал — просто смотреть было больше не на что. За эти несколько часов, что он провел на берегу реки, он до мельчайших подробностей изучил каждую трещину в бетонном фундаменте дома, каждую шероховатость или изгиб ствола орешника, к которому прислонялся, каждый подтек краски стальной решетки ворот, перегораживающих асфальтовую дорогу, что вела от леса к дому... Одно время, пока еще не взошло солнце, Владик очень мерз. Он дрожал под своей джинсовой курточкой до изнеможения. Казалось, даже мысли в его голове дрожат и ежятся... Мир, в котором очутился Владик, выбравшись ночью из дома, предстал перед ним во всей своей тягучей завораживающей малоподвижности и раздельной четкости мельчайших деталей и звуков. И он чувствовал себя таким маленьким под этим громадным, в сивых поволоках предутреннего тумана, небом. Мокрые листья кустарника и река, остановившаяся в своем беге, и недвижимый воздух, и одинокая, и от этого особенно пронзительная, первая птичья трель, жили по своим только им понятным законам и были совершенно равнодушны к замерзшему мальчишке. Ничего заданного, много лишнего и ненужного было в этом большом мире. Уютный и удобный мир ровных линий, гладких поверхностей, процеженного кондиционерами воздуха и компьютеров, мир, в котором все было зачем-то, для чего-то и кем-то создано, привычный мир Владика, показался ему вдруг маленьким и искусственным...

Владик открыл глаза и зевнул. Его внимание привлек цилиндрической формы предмет величиной с карандаш, укрепленный на коротком тонком штыре над одной из опор секций сетчатого забора, примыкающей к воротам. «Карандаш» пошевелился. На его стеклянном торце сверкнул радужный

солнечный блик...

«Еще одна...» — удовлетворенно хмыкнул Владик. Чтоб хоть чем-то себя занять, он выискивал телекамеры, расположенные иногда в самых неподходящих местах, как, к примеру, та, что была укреплена на коньке крыши; и очень радовался, обнаружив очередную.

Несколько раз за это утро Владика посещала малодушная мысль вернуться. Теперь, успокоившись и в очередной раз анализируя свой план, Владик не мог понять, что он будет делать, если незнакомый мальчишка, назвавшийся его именем, откажется уходить?

«Я его как-нибудь отзову в сторону, чтоб никто не видел, и все объясню. В доме ему все равно не дадут уйти. Даже если он захочет...» — оправдывал себя Владик.

Прошло еще какое-то время, и вот из дома вышел парень в светлом пиджаке и футболке. Владик не знал, как его зовут, но знал, что того приставили присматривать за мальчишкой-самозванцем. Следом за парнем показался и сам мальчишка, с футбольным мячом в руках.

«Наконец-то!» — обрадовался Владик. Расстегнув нагрудный карман джинсовой куртки, он достал небольшое зеркало. Расчет был прост. Требовалось привлечь внимание незнакомца солнечным зайчиком. Затем отозвать его в сторону и... Что он скажет мальчишке, Владик так и не смог придумать.

Тем временем на поляне перед домом завязалась игра. Вначале парень водил мяч, а мальчишка не очень умело атаковал его, пытаясь мяч отобрать. Затем, обозначив в траве ворота, мальчишка стал в них и принялся принимать мячи, несильно, но прицельно, посылаемые парнем...

«Черт!» — мысленно выругался Владик. Дело в том, что мальчишка в воротах стоял спиной к реке, и солнечный зайчик, посылаемый Владиком, натякался на его затылок.

«Да повернись же!» — забыв о телекамерах и о том, что он должен прятаться, Владик привстал на руках, и судьба сделала ему подарок. Мальчишка вдруг пропустил мяч, и тот покатился по стриженному газону к реке, к тому самому месту, где затаился Владик. Мальчишка бросился за мячом. Парень неторопливо направился вслед за мальчишкой...

И в этот самый момент раздался страшный грохот. Владик повернул голову: медленно, неестественно медленно, словно в замедленном повторе кинофильма, кружились в воздухе и падали на землю обломки ворот. Они падали на землю и на крышу большой черной машины с затененными стеклами, что на огромной скорости неслась по асфальтовой дороге к дому... Далее все развивалось стремительно, словно кто-то проматывал в бешеном темпе киноленту с изображением... Вот мальчишка догнал у самого обрыва мяч и нагнулся за ним... Вот парень в светлом пиджаке бросился к обрыву... Вот из мчащегося «хаммера» стали выпрыгивать люди

в масках... Мальчишка выронил мяч, оглянулся, и глупая улыбка застыла на его лице. Черный автомобиль, загребая задними колесами дерн газона, развернулся и застыл, отрезав мальчишке и парню в светлом пиджаке путь к дому. С характерным металлическим лязгом опустились бронированные жалюзи на окнах дома, и в тот же момент оттуда, из окна, превратившегося в амбразуру, по автомобилю ударила длинная автоматная очередь. Впрочем, неприцельная очередь... Владик, не переставая наблюдать за происходящим, инстинктивно вжался в землю... Спрятавшись за багажник автомобиля, человек в маске пристроил на плече короткую трубу...

— Бах!! — прогремел хлесткий выстрел, и в то же миг оглушительный грохот разрыва взметнул кирпичную крошку на уровне окон второго этажа дома.

— Тах-тах-тах... — огрызнулись короткими автоматными очередями рассредоточившиеся в траве люди в масках, выпрыгнувшие из автомобиля. В ответ раздался хлопок, и посередине ровного зеленого газона взметнулся ввысь столб черной земли.

К застывшим на краю обрыва Кольке и Андрею медленно и даже как-то устало, совершенно не обращая внимания на выстрелы, приближался человек в маске. За его спиной, прислонив к плечу оружие странной конструкции, стоял еще один...

«Сколько же их тут? — почему-то не чувствуя страха, подумал Владик. — Да как они все в одну машину?»

— Спокойно, ребята, — дружелюбно проговорил Андрей и неожиданно, отклонившись назад, спиной столкнул Кольку с обрыва.

— Беги! — крикнул он, продолжая дружелюбно улыбаться.

Человек в маске укоризненно качнул головой и приподнял бровь... Нельзя было понять, то ли он растерян, то ли удивлен очевидной глупостью защитника Кольки. В тот же миг стоявший за спиной человека в маске, сделал резкий шаг в сторону. Раздался негромкий хлопок. Из прислоненного к его плечу непонятного оружия взметнулось в небо нечто наподобие плевка... И, развернувшись в небе, это нечто оказалось громадной сетью, которая, словно зонтиком, накрыла собой Андрея. В следующее мгновение включилась лебедка и, сыто урча, стала подтаскивать к машине на капроновом шнуре барахтающегося, словно большая рыба, Андрея...

Стрельба на поляне утихла. Человек в маске подошел к обрыву. Боясь малейшим движением выдать себя, Владик смотрел на ребристую поверхность армейских ботинок человека в маске, на кофты грязи, налипшие к подошвам...

— Бугор! — вдруг раздался над Владиком тяжелый голос. — А пацан ведь улизнул.

— Я тебе за что бабки плачу? — проскрипел голос в ответ, и Владик догадался, что это радиотелефон.

— Далеко не уйдет. До первого поворота...

— Крюк! — проскрипел голос. — Мне плевать, до первого или второго. Ты знаешь, как я мечтаю отре-

зать этому щенку уши. И отослать папаше. В подарок. Не разочаровывай меня, Крюк.

В этом хриплом механическом голосе чувствовалось что-то такое, отчего у Владика заледенела кровь. От ужаса он перестал дышать и зажмурился. Лишь оглушительно стучала кровь в висках.

— Какой базар, Бугор. По мне хоть уши, хоть голову... Меняю частоту на опору резервную, — раздался щелчок, шорох, шаги... Взревел мотор автомобиля, и стало тихо.

Прошла минута, или три, или целая вечность, пока Владик осмелился открыть глаза и приподнять голову: над пустынной, когда-то идеально-зеленой, поляной перед домом, дымились грязные отметины разрывов. Дом стоял с опущенными жалюзи, словно покинутый людьми. Нигде ни малейшего движения. Владик оглянулся — плот, а нем мальчишка, медленно уплывали вниз по реке. Мальчишка стоял неподвижно на корме, опустив голову...

«Он не прятался...» — удивился Владик и вдруг вспомнил слова Крюка о том, что мальчишка не доплывет и до первого поворота.

Цепляясь за ветви кустов и царапая живот, Владик соскользнул с обрыва и бросился вдогонку за плотом по узкой песчаной полоске вдоль воды.

— Да стой ты! — закричал Владик, догоняя плот, но запнулся за торчащую из воды корягу и едва не упал.

Мальчишка на плоту даже не пошевелился...

«Он в шоке, естественно...» — Владик растерянно огляделся. Плот был вот он — шагах в пятнадцать. Неужели придется плыть? А до поворота? Владик прикинул на глаз расстояние — получалось метров шестьсот.

— Да стой ты! — прокричал Владик и неожиданно вспомнил о дереве. Года два назад бурей повалило дерево. Оно упало с обрыва. Но тяжелый, вывороченный из земли комель удерживал его ствол над водой, так что получился удобный трамплин для всех окрестных мальчишек-ныряльчиков.

Обгоняя плот, Владик бросился вперед. Теперь главное было успеть взобраться на ствол дерева... Задыхаясь, Владик вскарабкался по обрыву. Это было не трудно. Чья-то заботливая душа вырубил широкие ступени в глине. Пробежав, балансируя, по стволу дерева, Владик присел на корточки и, ухватившись за отполированный сотнями ребячьих рук толстый сук, приготовился прыгнуть... Вот медленно плот втянулся под дерево. Владик отпустил сук и полетел вниз. И больно стукнулся о дощатую палубу. Плот пошатнулся, но мальчишка даже не оглянулся...

— Я слышал... — держась за ушибленную ногу, проговорил Владик. — ...Как только ты заплывешь за поворот. Они тебя ждут. Понимаешь? Я слышал.

— Нет, ты видал, как он меня... спас, — шмыгнул носом мальчишка, совершенно не удивившись появлению Владика.

— Очнись! — Владик схватил длинный шест, про-

детей в тяжелое медное кольцо на корме, и, отодвинув Кольку в сторону, принялся шевелить им, тщетно пытаясь остановить плот или хотя бы изменить направление движения.

Колька шмыгнул носом, повернул к Владиду перепачканное слезами лицо и зло произнес:

— Дай! Тоже мне, блин...

Он вытащил шест из кольца и вопросительно посмотрел на Владика.

— К тому берегу. Быстрее! — выпалил Владик.

— Думаешь, они будут искать?

— Ты, наверное, с ума сошел?! — разозлился Владик. — Я своими ушами слышал.

— Ты мне повыражайся, повыражайся тут, — процедил Колька, вытирая глаза рукавом. — Залез тут и выпендривается, — ловко орудуя шестом, он направил плот к противоположному берегу.

— Там сосну видишь? Вон. Видишь? Там канал! — махнул Владик рукой, тревожно поглядывая в сторону поворота. — Быстрее! Быстрее!

— А может, ты гонишь? — засомневался Колька.

— Чтоб по реке искали... И канала не вижу ни фига.

Левый берег реки, в отличие от правого, представлял собой сплошную заболоченную, густо поросшую камышом и ежевикой дикую, наподобие амазонских джунглей, страну. Тесно-тесно переплелись колючие ветви кустарников, нависая над водой сплошной непреодолимой стеной. Над этой зеленой стеной возвышалось довольно чахлое дерево. Это и была та самая сосна-ориентир.

— Стой! — вдруг приказал Владик, поглядывая то на сосну, то на берег. — Здесь.

— И канала нету ни фига, — презрительно сплюнул в воду Колька и смерил настороженным взглядом Владика. — И вообще...

— Тише... — Владик прислушался. — Видишь ветки? Видишь, как веер? Давай туда...

И действительно, только очень пристальный взгляд смог бы разглядеть между разлапистых колючих ветвей светящее пространство чистой воды.

Колька перехватил шест и медленно направил плот в сторону зарослей. Пришлось сесть на корточки, пропуская над собой ветви, которые тут же сомкнулись за спинами ребят, словно опустился зеленый занавес...

— Теперь тихо. Стой... — прошептал Владик. — Слышишь?

Вначале Колька ничего не услышал, но вот раздался тихий плеск воды, потом еще, затем голос... Колька осторожно, двумя пальцами, отодвинул ветку кустарника, и ребята затаили дыхание... Из-за поворота показалась зеленая надувная лодка с двумя мощными навесными двигателями на корме. Четверо, в защитного цвета комбинезонах и масках, стоя, в полной тишине, пристально, казалось — по сантиметру, изучали берега реки, мимо которых проплывали... Пятый греб веслами, очень аккуратно, бесшумно опуская их в воду.

В этот момент у Владика страшно запершило-зачесалось в носу. Он вытаращил глаза, больше всего на свете боясь чихнуть... Колька покосился на Владика. Кажется, он догадался, что с ними происходит, и сквозь загар на его лице проступили белые пятна.

— Они не должны были далеко уйти. Они где-то здесь. На берегу. По сантиметру обшарить берег. По сантиметру. Я чую... — произнес кто-то из людей в масках, поравнявшись с тем местом, где притаились ребята.

— Все-таки их двое... — вставил другой голос.

— Четверо ушей — двойная оплата. Двойное удовольствие Бугру, — проговорил первый голос и добавил: — Вот я чую, что они здесь...

Наконец лодка проплыла мимо, голоса стихли...

Несколько секунд ребята молча смотрели друг на друга, затем Колька схватил дрожащими руками шест и, отталкиваясь им от дна, повел плот вглубь болота по каналу. Владик стоял на носу и направлял движение. Канал был узким. Берега его, заросшие травой и кустами, тесно смыкались. Плот временами застревал, наткнувшись на кочку. Тогда Владик яростно пинал ее ногами, и движение продолжалось. Потрясенные комары и гнус густой черной тучей окружили ребят и кровожадно звенели. Или это от напряжения и усталости звенела кровь в ушах ребят.

Колька работал как автомат: шест в воду — толчок! Шест в воду — толчок! Но все кончается, вот и у Кольки закончились силы. Оттолкнувшись в последний раз, он выронил шест и обессилено рухнул на палубу:

— Что ж... теперь... будет?! — задыхаясь, выдал он.

— Будет! — Владик метнулся к корме. — Наверное, уже идут по берегу! — Владик перебежал на нос. — Найдут канал. Место тихое. И... — Владик поежился и вдруг решительно шагнул в воду, и сразу утонул по пояс.

— Тысяча! — вдруг взвился Колька. — Врубился? Тысяча!

— Что «тысяча»? — с омерзением косясь на бурю затхлую воду, в которой он стоял, спросил Владик.

— Баксов! — подлетел по доскам плота к Владиду Колька. — С твоего папика! Блин! Я утраиваю! А за уши он мне ответит! За уши отдельно. Понятно?

— Потом... Потом посчитаемся! Бросаем плот. Быстро!

— Как это бросаем, блин? — опешил Колька. — Тут у меня... Да тут у меня все!

— Я тебя ждать не буду, — серьезно предупредил Владик. — Передавай привет Бугру, — и он вскарабкался на берег.

Несколько секунд Колька глядел на Владика, затем метнулся к шалашу. Сунул руку внутрь. Выхватил полиэтиленовый пакет, в котором что-то глухо брякало, и бухнулся в воду.

— А вот за это еще сто. А за плот еще триста! —

торопливо карабкаясь на берег, кричал Колька. — Совсем новый плот, блин. Ну, где я теперь такой плот найду? Нигде я теперь такой плот!

— Рухлядь... — выжимая штанины, неосторожно заметил Владик.

— Что?! — чуть не упал обратно в воду Колька.

— Ладно. Черт с ним — триста! — поспешил успокоить напарника Владик. — Орешь, будто тебя режут. Пошли. Быстро, — и он углубился в лес.

— Режут, — стараясь не отставать, перешел на громкий шепот Колька. — Еще не режут. Но связался я, чудака на букву «мэ», теперь точно зарежут. И на фига я связался? Что мне, денег было мало? Да, у меня денег было мало. А теперь совсем не будет, когда зарежут, блин.

— Ты можешь не бубнить? — не выдержал Владик.

Он остановился и несколько секунд прислушивался. Колька тоже настороженно огляделся...

Тихо было в лесу и хорошо. Топь закончилась... На песке стояли сосны. Сквозь их высокие кроны светило косыми лучами солнце. Где-то там высоко, в глубине безбрежного океана, плыли облака...

— И того... вначале было двести... нет, триста... — донесся до Владика Колькин шепот. Владик покосился на спутника. Тот загибал пальцы: — Затем прибавить тысячу. Это сколько будет? Калькулятора нету...

— Тысяча триста, — подсказал Владик.

— Точно? Потом за воду — еще сто, и за плот — еще триста. Сколько? — повернулся к Владиду Колька.

— Тысяча семьсот, — произнес Владик и зашагал не оглядываясь.

— А за уши отдельно. Я еще не решил, — догоняя его, заметил Колька.

Не прошло и часа, как ребята вышли к реке.

Огибая-то место, где на высоком берегу стояли Владик и Колька, река по пологой дуге уплывала в дуга. И там лежала широкой свободной сверкающей лентой. Справа виднелись крыши дачного поселка. В поселке кипела жизнь: пылили улицами машины, у колодца собрались женщины с ведрами, плакал ребенок, а поодаль мальчишки гоняли мяч. Слева же, вдоль берега тянулись многочисленные, хлипкие с виду сараюшки. От каждого такого сарайчика прямо в воду бежали дощатые мостки с пришвартованными к ним лодками. Здесь было довольно пустынно, лишь изредка где-то жалобно взвизгивала пила пилорамы, вгрызаясь в сучковатое бревно, но в каком сарайчике именно, понять было невозможно.

— Любая собака по нашему следу сюда добежит за двадцать минут. Ну... за полчаса, — мрачно заметил Владик. — Но тут хоть люди. Это хорошо.

— Это плохо, что люди, — не согласился Колька и покосился в сторону леса. — Пока у меня есть мой гвоздь, я им не шланг какой-нибудь, чтоб мне уши резали. Ты как хочешь, а я сваливаю. — И он,

спрыгнув с обрыва, побежал вниз по песчаному откосу.

— Что ты придумал? — догоняя Кольку, тревожно спросил Владик.

— Ты меня не напрягай только. Ты думаешь, что я так пешком всю жизнь буду, когда вон сколько лодок. Главное, все делать уверенно. В лицо знают только соседей. А сегодня понедельник. Понимаешь?

— Так ты что, ее хочешь... Так они же на замке?... Украсть? — Владик остановился.

— Пока я хозяина буду искать, чтоб купить... Привет Бугру, — и Колька, презрительно сплюнув под ноги Владиду, уверенно зашагал к ближайшему сарайчику.

Владик огляделся — нигде ни души. Все еще сомневаясь, правильно ли он поступает, покраснев от смущения и чувствуя себя преступником, Владик догнал Кольку.

— Оглядываешься... Не оглядывайся. Будто тут все свои. Будто тут родственники приперлися, — прошипел Колька, походя и небрежно дергая запертую на громадный амбарный замок дверь сарая. Недоуменно пожав плечами, он отступил на мостки и склонился над стальной скобой, к которой цепью, запертой ржавым замком, была пришвартована довольно подержанная лодка...

— Не заворачивают замки в целлофан, а потом говорят, что гниют, — проворчал Колька, втыкая в замочную скважину длинный гнутый гвоздь. Замок заскрежетал. Колька вытащил цепь из скобы и прыгнул в лодку.

— Особенного приглашения требуется? Стоишь, блин, как графиня на прививках, — прошептал он.

Владик забрался в лодку и оттолкнулся от мостков. Каждую секунду он ожидал окрика, но его почему-то не было. Наконец, когда лодка удалилась от берега на порядочное расстояние, Владик громко выдохнул и облегченно сказал:

— Вот это да. Ну, ты это...

— Что «это»? Дураки мы. Кто ж днем лодки тырит? Дурнее не придумаешь. Нас же могли поймать, как два пальца об асфальт! — Колька поглядел в сторону далекого теперь уже берега и сплюнул за борт. — Одного только не врубаюсь, как мы плыть будем без весел?

— Как — без весел? А тут их что, нет? — Владик завертелся на корме.

— А то! — впервые улыбнулся Колька. — Какой же дурень весла в лодке оставляет? Лишь бы куда-нибудь приплыть, а то гавкнемся без кругов на воде.

— А чего ты улыбаешься? Весело, что ли?

Река, словно прислушавшись к пожеланию Кольки, километрах в трех ниже по течению прибила неуправляемую лодку с ребятами к берегу. Колька принюхался:

— Чуешь? Горит как будто где...

Владик потянул носом, но ничего не услышал.

— Свалка, — объяснил Колька. — Я их слышу на большом расстоянии... — плотоядно добавил он и,

спрыгнув на песчаный в этом месте берег, огляделся и подобрал валяющуюся неподалеку жердь.

— Хорошая штукенция. Пригодится, — Колька забросил жердь в лодку.

Теперь Владик действительно различил тошнотворный запах паленого. Где-то горела не то шерсть, не то тлел пластик... Колька еще принюхался:

— Я сейчас, — произнес он и скрылся за ближайшими деревьями.

— Ах ты, черт! — подпрыгнул Владик. — Рюкзак! Я забыл рюкзак! — Владик хлопнул себя по лбу. — Там же «Ноут-бук», свитер, бутерброды...

Владик в сердцах треснул кулаком по боту лодки, ушиб руку и принялся дуть на нее.

— Да где же он провалился? Эй! Ты где?

Из-за деревьев показался Колька. Он тащил по земле какой-то грязный мешок.

— Ну, ты куда запропастился? — Владик обмакнул ушибленную руку в воду.

— Приторчал я, такая богатая местность в этих краях. Если б не сваливать, я б там поработал. А так мелочевка одна... — Колька забросил в лодку мешок, забрался сам и оттолкнулся жердью от берега.

Для ночевки опытный путешественник Колька выбрал тихую отгороженную от реки зарослями кустарника заводь и вытряхнул содержимое мешка на землю. В мешке были: метра три полукопченой колбасы, банка краски, половина черствого белого батона, три непонятные почти не заржавевшие железки, скоба, облысевшая широкая малярная кисточка, стальной штырь...

— Где колбасу взял? — поинтересовался удивленный Владик.

— Где-где... Известно где — на свалке.

— Как на свалке? Ты ее, что... есть будешь?

— Нет, смотреть на нее буду, — проворчал Колька. — Ты мне еще вопросики позадавай, позадавай...

— Ну, ладно, а это зачем? — пнул непонятную железку Владик.

— Ты мне попинай, попинай...

— Попинай, позадавай, — передразнил Кольку Владик. — Заладил, как попугай. По человечески объяснить не можешь?

— Вишь надпись? Надо перекрасить. По ней нас в два счета захапают. А железки для шалашика. Строить буду на лодке. А то как в дождь? В дождь никак, дождь — это тебе не солнце... Понимаешь?

Действительно, борт лодки украшала размашистая зеленая надпись: «Лина». Наверное, так звали любимую бабушку хозяина лодки...

Через некоторое время на берегу горел костерок, впрочем, невидимый с реки. Колька специально выплыл на лодке из заводи посмотреть. На костре поджаривалась нанизанная на стальной штырь колбаса. Загадочная надпись «Лина» исчезла с борта лодки, и на ее месте красовалась новая — «Каролина». На корме новоиспеченной «Каролины» возвышался миниатюрный шалашик, искусно собранный из подручного материала подна-

торевшим в строительстве таких сооружений Колькой...

— Да, — любясь новым названием лодки, произнес Колька. — В этом есть что-то такое мощное. Африканское такое. Ледокольное. Это ты хорошо придумал добавить «Каро» к «Лине». Только одно меня напрягает: «кара» — это же наказание Господнее... вот что на меня действует сомнениями.

— Ты что, религиозный?

— Чего? Ты мне поругайся, поругайся...

— Ну, с тобой и разговаривать, — покачал головой Владик.

— А ты не разговаривай... — Колька пошевелил палкой-кочерыжкой в золе костра. — ...Ты раскажи мне все. Из-за чего все. И стрельба, и вообще. Или хоть соври, но чтоб я поверился. Поговори что-нибудь, чтоб я мог понять, какой ты человек. А то ты только вопросыки задаешь, а из вопросов понять почти нельзя. Я-то человек спокойный и во всяких ваших делах не замешанный. Одно дело — подшашить. Это я понимаю. А другое дело, как из тебя кишки хотят выкрутить. Будешь? — вопросительно кивнул на колбасу Колька.

— Не-а... — поморщился Владик.

— Побрезгуй, побрезгуй... Потом проголодаешься, а поздно будет... — Колька впился зубами в колбасу и одновременно многозначительно поднял глаза на Владика: рассказывай, мол.

И Владик все рассказал. Ну, или почти все. Про свой разговор с отцом, про то, как он, Владик, сбежал из дому, про то, как узнал, что Кольку специально купили, чтоб подставить вместо него, Владика, если вдруг случится нападение...

— И вот он, этот конверт, — закончив рассказ, Владик достал из нагрудного кармана загадочное письмо. И вскрыл.

— Так, — покосился в сторону Кольки Владик. — Чтоб ты не думал, читаю вслух... «Здравствуй, Владик. Если ты читаешь эти строки, следовательно, дела наши совсем плохи. Вспомни, как ты часто называл меня в детстве. Ты должен помнить это слово из десяти букв. Это слово и есть код. Естественно, он недостижим для посторонних. Система работает на предъявителя, поэтому достаточно позвонить по телефону 923-22-22, это телефон нотариальной конторы, и назвать код. Любой, назвавший его, автоматически становится собственником архива и банковских счетов. Так как охотников интересует архив, ты сможешь обменять его на свою безопасность. Если, конечно, вспомнишь код. Желаю удачи!» Всё. Если не веришь, на — прочитай...

— Верю, — поспешно согласился Колька, который не умел читать. Важные слова он запоминал и воспринимал целиком, как японец иероглифы, без отрыва от того, что они обозначали. Например, слово «магазин» Колька видел над входом туда, где что-то продавали, и однажды запомнил его внешний вид, накрепко связав его с тем, что тайло в себе это пахучее приятное место. Таких слов-иероглифов у Коль-

ки была добрая сотня. Сложности возникали, если слово было написано в непривычном для Кольки виде, например, прописными буквами, или обозначало что-то другое, например, рожок автомата.

— Слово-то из десяти букв знать ты должен.

— Должен... — Владик задумчиво пошевелил палкой золу догорающего костра. — Должен, но не знаю. Не помню. Десять букв... Нет, — и после секундной заминки, бросил письмо в костер.

— Ты что?! — подпрыгнул Колька. — А телефон? Там же может бабок вагон!

— У меня железная память. Я все помню, — успокоил Кольку Владик. — Номер телефона — 923-22-22... А попадетса это письмо в руки человека с компьютером — он за десять минут переберет все возможные десятибуквенные слова русского языка. Ну, а тебе... — Владик помолчал, — ...тебе я верю.

Тем же вечером, несколько часов тому назад, Николай Сергеевич вернулся к своей машине. Положил арбалет на заднее сиденье и огляделся.

— Яна! — негромко позвал он. — Я отключил передатчик. Ты мне здорово мешала.

Он потрогал часы, прикоснулся к родинке-телефону около уха...

— Ну, кончай дурачиться. Эта история меня позабавила, но довольно! Не время играть в прятки.

Не дождавись ответа, Николай Сергеевич забрался в машину. Выдвинул из-под бардачка широкую прямоугольную пластину. Впрочем, это была не пластина, а бортовой компьютер, с клавиатурой и экраном дисплея. Николай Сергеевич пробежал пальцами по клавишам. На экране высветились слова: «Связь установлена».

— Тэк-с... — протянул Николай Сергеевич и принялся печатать:

«Захват закончился безрезультатно. Вмешательство не потребо-

валось. Объект ускользнул из-под моего контроля. Предполагаемое направление... Перехвачу. Ю-7».

Через секунду пришел ответ:

«Операцию свернуть. Ю-1»

«Объекту угрожает повышенная опасность. Теперь, когда они решились, они пойдут до конца. Ю-7».

«И напрасно. Мы более не нуждаемся в оперативном управлении известными вам материалами, для чего был необходим код-пароль. Мы сняли копию с досье. Обострение конфликта между конкурирующими группировками на руку службе. Операцию немедленно свернуть. Ю-1».

«Понял. Конец связи. Ю-7».

Николай Сергеевич убрал руки с клавиатуры и еще долго сидел неподвижно, уставившись в ветровое стекло. Потом, словно очнувшись, замедленно убрал внутрь панели автомобиля компьютер, так же замедленно разобрал и спрятал арбалет...

— Дурочка... — Николай Сергеевич завел двигатель и вдруг яростно вжал педаль газа в пол. Мотор взревел, автомобиль рванулся с места. Николай Сергеевич вывернул руль. Машина завертелась волчком, широким веером разбрызгивая перемолотую колесами землю. Один полный оборот, второй, третий, четвертый, пятый... Запах горелой резины смешался с запахом свежей земли. Наконец машина замерла...

— Ну, что ж... Удача тебе понадобится, — Николай Сергеевич аккуратно, словно это не он, а какой-то другой, неистовый, человек всего секунду

назад, в приступе бесильной ярости вращал и кружил по полю автомобиль, тронул машину с места... Секунда, другая и красные огоньки стоп-сигналов зеленых «Жигулей» скрылись за поворотом проселочной дороги. И стало тихо и покойно под этим высоким небом...

Продолжение следует

Ежегодный Фестиваль-конкурс юных дарований
«АЛМАЗНЫЕ ГРАНИ»

ПРОЗА. Конкурсная работа. 2001

Светлана ЭСТ, 16 лет, г. Пермь

СОВРИГОЛОВА

Рассказ

Рисунки Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

— «Женщины делают из ничего: салат, трагедию и прическу», — задумчиво процитировала чье-то высказывание Снежана, юная синеокая нахалка со светлой незагоревшей кожей и точеной ладной фигурой, наблюдая за своей соседкой по кроватям. Долгий

утомительный день, вместивший в себя два переезда и один перелет, казался на медлительной и вялоспокойной Насте Науменко: она уже около часа, полусасыпая, накручивала свои неопределенного цвета жидковатые волосы на бигуди, готовясь завтра на

открытии лагеря сразить повально всех или через одного, или хотя бы одного — как уж там получится. По сравнению с хлопотливыми девочками Снежка, философствующая, лежа прямо на казенном светлом покрывале в неснятых кроссовках и пляжной соломенной шляпе с повисшими, как старческие усы, полями, выглядела вызывающе.

— А мужчины делают из ничего..., — решила она от скуки сама придумать вторую часть афоризма, — самогон, деньги и ...

Мир так никогда и не узнает, на что еще способны джентльмены, потому что вошедшая в палату вожатая сразу установила нарушение дисциплины и, поджав тонкие злые губы, встала перед кроватью Снежки.

— Это что еще за диво? — остроумно, как ей показалось, выразила свое возмущение Татьяна Петровна, студентка-практикантка педучилища.

— Говорит кобыла сива, — глядя прямо в сузившиеся зрачки вожатой все с той же задумчиво-философской интонацией, с какой она изрекала свои Цицероны по-флотски, ответила хорошенькая мисс Дерзость.

Длинноватое, лошадиного типа, лицо практикантки, украшенное редкой детской челкой, мгновенно пошло красными полсами — не выручила даже разница в возрасте.

— Да ты, да ты просто совриголова какая-то, — обличительно сказала Татьяна Петровна, оговорившись. Причем ей сейчас же показалось, что другие две девочки в палате засмеялись над ошибкой, над тем, что вместо «сорви-» она сказала «соври-», и от беспомощности вожатая взяла еще на тон выше:

— Ну-ка, встать!

— ...Некрасива и спесива, — протянула Снежка, интуитивно чувствуя, что побеждает. Секрет был простой: не волноваться, не впускать неприятностей внутрь, сохранять невозмутимость, хладнокровие и присутствие духа. Чего не удалось сделать неопытной вожатой, впавшей, как поняла Снежана, в истерику, что навряд ли могло вызвать уважение как ребят, так и соратников-коллег по педагогическому корпусу.

— Мне сейчас бы выпить пива, — продолжила новоявленная поэтесса, — краснодарского разлива.

Ничего криминального, в том, что был упомянут город, из которого прибыло большинство из обслуживающего персонала лагеря «Солнечный», расположенного на берегу Черного моря, конечно, не было, но вожатая посчитала иначе: со слезами на глазах она кинулась вон из палаты, явно решив привести подкрепление или хотя бы просто нажаловаться.

После столь блистательной виктории Снежана Первая наконец-то изволили подняться с ложа, вы-

кушать кока-колы из пузатого баллона, стоявшего на тумбочке, и удалиться в лоджию.

Море, бирюза которого загустела к вечеру, выгибало гигантский хребет горизонта. Стада пенистых «барашков» то и дело выбегали на пологий пляж и пропадали-таяли, прячась в белесоватый песок. По-видимому, днем был шторм баллов на пять: вода у берега потемнела, стала мутной, а на пляже, примыкавшем к спальному корпусу, кое-где валялись буро-зеленые ошметки водорослей и различный мусор. Потряженное штормом море слегка как бы ворочалось, словно сверхгигантский синий кит.

Снежана немедленно захотелось побродить там внизу, у уреза воды, вглядываясь в россыпь пестрых камешков и ракушек, или устроить охоту на крошечных крабов, которые микроскопическими шажками бросились бы в микроскопические бега; но сначала нужно было ликвидировать последствия скандала с практиканткой. Окинув сожалеющим взглядом великолепие южного пейзажа, девушка подумала: «Так-с, кому она побегит ябедничать, дура эта? Поскольку в каждом отряде двое вожатых, то, скорее всего, сейчас ко мне на randevu зайвится Сан Саныч, второй наш наставник молодежи. Необходимо подготовиться! Шел Саша по шоссе и сошал он шушку, шнайпер шушку уже взял на прицела мушку». План обороны мгновенно высветился в сознании Снежки, и оставалось только привести его в действие.

Она вернулась в палату и торопливо начала переодеваться, пока на ней не оказался один лишь серебристый купальник-бикини. Услышав шаги за приоткрытой дверью, Снежана стала спиной к выходу и сделала вид, что расстегивает лиф, и когда долгожданный Александр Александрович без стука, как и пристало более опытному, чем практикантка, педагогу, вломился в комнату, девушка завизжала, словно бензопила, которой пилят водопроводную трубу. Смутившийся вожатый, сразу поняв, насколько он был бестактен, отступил в коридор, и уже оттуда донеслось удаляющееся:

— Да ну вас, разбирайтесь сами.

Для порядка Снежана еще раз взвизгнула ему вслед, будто молочный поросенок, попавший под бензопилу, которой пилят водопроводную трубу. Но не успела она привести себя в порядок и одеться, как дверь опять начала открываться, и ей пришлось завизжать, как визжала бы крошка Мэри, увидев молочного поросенка, попавшего под бензопилу, которой пилят водопроводную трубу, отгоняя Сан Саныча, хотя это был не он, а мальчики из соседней палаты:

— Здрасьте! Мы, собственно, знакомиться. Ой, да тут стриптиз, а не зовете! Не по-товарищески.

— А у вас билеты куплены? Вон, Сан Саныч за

деньгами побежал, за зелененькими. Составили б ему компанию, — сказала Снежка, а Настя и Фрида, девочка-еврейка с к карими глазами, сохранявшими хронически грустное выражение, даже когда она смеялась, поддержали традиции лагерного гостеприимства, начав выгонять посетителей в три шеи. Гости терпеливо подождали, пока Снежка не надела коротенькую юбку-колокольчик и блузку.

— Заходите, пацаны, мы в готовности.

— Как живете? — поинтересовались из-за двери.

— Нерегулярно, — брякнула Снежана присказку лучшей подруги своей матери, врача-гинеколога, хохотушки Жанны, в честь которой — наполовину — ее и назвали.

Кавалеров было трое, но понравился Снежке только один: высокий пропорционально сложенный, с прямыми соболиными бровями, неразговорчивый Стас; балаболка Иванушка Интернейшл, который сразу же всех стал знакомить, не вышел ростом и был по-деревенски конопат, а Бастион работал у него «на подпевках». Он спросил Снежану:

— Натуральная блондинка, тебя как зовут?

Не успела Снежка смерить его надменным взглядом от резиновых китайских шлепок до торчащего на макушке вихра, как вдруг в разговор вклинилась Настя, сидевшая по душевной простоте в стареньком фланелевом халате с оторванной нижней пуговицей, так что выглядывал край ночной рубашки, отделанный шитьем:

— Совриголова!

— У меня вообще-то красивое, редкое и экзотичное имя: Снежана, Снежка, Снежечка, Снеженька. В жару — самое замечательное, потому что прохладное.

— Я буду тебя Снежинкой называть, — сказал туповатый Бастион.

— Ты будешь называть меня Снежаной Владиславовой. Так короче, зато уместней. ...Настя, лапочка, давай выйдем в лоджию, из нее вид потрясающий; когда ты его увидишь, за голову схватишься!

Настя, оторвав призывный взор от красивого Стаса, неохотно пошла за Снежкой, которая, улыбнувшись и приобняв ее за плечи, сказала:

— Науменко, если еще раз скажешь «совриголова», то остаток смены проходишь у меня с кличкой Недоуменко. Уж я, поверь, сумею внедрить ее в массы. Ты ведь не хочешь, Недоуменко, испортить нам обеим эти «не Канарские острова, но все же». И сними бигуди, не так уж они идут к цвету твоего пеньюара.

Настя, как ей и было обещано, схватилась за голову, начала судорожно ощупывать свое шишковатое из-за пластмассовых трубочек темя и срывать бигуди, путаясь в длинных прядях. Пара резинок отлетела в сторону, но Снежана их подобрала и по-

ложила на полосатый парусиновый шезлонг, стоявший в углу лоджии — может, еще пригодятся.

Когда девочки вернулись, общая беседа вращалась уже в другой плоскости.

— ...Тоже хочешь завести собаку? — с неподдельным интересом спросил Ивана молчавший до этого серьезный мальчик Стас. Баритон у него также был хорош: глубокий, выразительный и без намека на фальцеты ломающихся голосов его друзей.

— Я ничего не завожу, кроме будильника, — хотнул Ваня. — На фиг эти раскормленные шавки: иногда посмотришь, а псина такая толстая и мохнатая, что кажется, будто одна шкурка ползет по земле.

— У нас на даче у сторожа собака есть — Джакузи. Однажды мои приятели должны были приехать, так я приготовилась: ногти покрасила, серьги надела, а потом думаю: «Что б еще такое сделать?» — разоткровенничалась Настя, пытаясь веселой болтовней произвести впечатление и прикрыть неловкость от своего промаха. — Взяла прищепки бельевые с веревки и зову: «Кузька, Кузька, иди сюда!» И ей на уши прищепки прицепила: одну красную, а другую оранжевую. Смехота! Она минут пять терпела, а потом как заскулит!

Стас, которому то ли наскучило сидеть без дела, то ли не очень нравилась компания, откровенно поморщился и сказал:

— Мне, пожалуй, пора.

— Так мы же собирались..., — начал было уговаривать его Иван и замолчал, не желая выдавать публике тайные планы.

— Без меня, — отрезал Стас. — Честь имею, господа!

— Он у нас не купается! Он — интеллигент, — съехидничал не вызревший еще до мужских кондиций Бастион, невольно выдавая дальнейшие намерения трио. Но Стасе уже принял решение и не собирался давать себя провоцировать, он снова вежливо распрощался:

— «Спокойной ночи, малыши».

Смуглая чернявая Фрида начала его уговаривать остаться, ее поддержала Настя, а Снежана в это время выпытывала у Бастиона, как парни собрались сбегать на дикий пляж, расположенный недалеко от лагеря, ласково, но без излишнего нажима уговаривая, чтобы с нею поделелились «ноу хау» — новыми технологиями. Оказалось, существует некая неучтенная задняя калитка, предусмотрительно закрытая лагерными властями на висячий гаражный замок, от которого у Бастиона нечаянно есть ключ.

— Ну, так уж получается: если каждый год ездить в один и тот же «Солнечный», то становишься прямо аксакалом и знаешь много больше, чем лохи-новички.

— Слово «лох» происходит от финского «lohi» и переводиться, как «семга», «лосось». Причем финн, Минфин и Минздрав предупреждают, что так называется не всякая рыбина, а только отнерестившаяся, после метания икры, — проинформировала собравшихся Снежана, которая неплохо разбиралась в воп-

росах литературы и языкознания, и попросила показать ей ключ, дабы на него налюбоваться. Совсем одуревший от неожиданного к нему интереса со стороны длинноногой Мальвины, длинноносый Буратино размяк и, поковырявшись в кармане джинсов, небрежно обрезанных и лохматившихся по краю,

выудил из него не пять сольдо, но тоже очень ценную вещь — штырь со сложной винтовой нарезкой.

Снежка, разглядывая «золотой ключик» со всех сторон, вышла в лоджии и широким размашистым движением бросила вниз гордость и авторитет Бастиона — отмычку, на которую он прошлым летом потратил немало нервов, мыла и денег, сначала снимая слепок с экземпляра ключа, хранившегося в «ключевом хозяйстве» у начальника лагеря, а потом заказывая дубликат у слесаря из своего домоуправления, который подозрительно его выспрашивал, к чему такие детективные ужасы и мыльные оперы.

— Пункт пятый внутрелагерного распорядка: «Категорически запрещается покидать территорию лагеря» и тэ дэ. Поняли, мальчишки? Покидать нельзя, а кинуть можно.

Иван и Бастион не смогли оценить каламбур по достоинству, не зная того, что ключ неприятно холодило локоть Снежаны в рукаве блузки, куда его засунули еще на пути в лоджию. «Кинуть» на блатном жаргоне означает «обмануть», что и сделала Снежка, которая никогда ничего не боялась, тем более, что наградой на этот раз служил персональный пропуск на свободу.

Ее отец, известный хирург-кардиолог, разведясь с женой, продолжал отчаянно любить дочь, часто с ней встречался, был в курсе ее увлечений, причем считал, что снежкина храбрость — какая-то патология, природный феномен, заключающийся в том, что ее органы внутренней секреции выделяют мало адреналина — гормона страха. Сама же Снежана думала, что с ней ничего не может случиться, что все самое плохое уже случилось, когда ушел папа, и поэтому в критической ситуации, выбирая, как ей поступить: драться, стоять или удирать — всегда выбирала первое. Зато растерявшийся Бастион взял, что осталось: сначала застыл на месте, нецензурно матеря коварную гадину, а затем бросился из комнаты, чтобы попытаться найти ключ внизу. «Щас!»

— Ты зачем так поступила? — спросила Фрида, деликатная душа которой не любила несправедливости, хотя Снежка, дважды уже за вечер становившаяся причиной скандалов, после каких Фрида переживала бы, наверное, месяц, вызывала у нее уважение своей неустранимостью.

— Спасая их для будущих великих деяний. «Десять негрятят пошли купаться в море», пошли купаться в море сквозь дырочку в заборе. ...Не хочу я им на гробы скидываться всем отрядом, — ответила уже из-под одеяла Снежка.

Стас, несомненно, был лучшим парнем в лагере, а может, и на всем Черноморском побережье, и за его внимание стоило побороться — так решила Снежана, и поэтому, когда девчонки уснули, она тихонько

встала, стараясь не наделать лишнего шума, и пошла к кровати Насти. Руки у Снежаны Владиславовны были по-деревянному вытянуты вперед, закаченные к переносице глаза полуприкрыты — ни дать, ни взять, настоящий лунатик, если б кто-нибудь надумал проснуться. Сомнамбула так вошла в образ, что специально помаячила у окна, беззвучно вой на полную луну, но оценить представление было некому: обе соседки спали так крепко, что Настя не пошевелилась и тогда, когда с ее будущих кудрей при помощи ловких манипуляций вновь снимались многострадальные бигуди. Потом они были промыты в туалете под струей горячей воды и накручены на лен снежкиных волос.

Внутренний таймер поднял Снежану утром до общей побудки. Солнце еще не сварило туман всмятку кучевых облаков, и его плотная белая кисея искажала перспективу, делая близкие предметы неузнаваемыми и плотно драпируя далекие. Но Снежка поднялась рано не для того, чтобы насладиться восходом. Она сняла бигуди и сложила их поленицей на настину подушку. Натюрморт получился чересчур пропорциональным — в нем не хватало правды жизни, и поэтому Снежана сказала себе со вздохом: «Не верю!» — как великий режиссер Станиславский бездарной актрисе — и снова принялась за композицию: на три «бигудишки» осторожно накрутила спутавшиеся пряди Насти, остальные разбросала в живописном беспорядке. Настя беспокойно ворочалась, у нее дергались веки от какого-то сна-кошмара, но она так и не проснулась.

В суматохе раннего вставания на вопрос, откуда у нее такая стильная прическа а-ля фотомодель, Снежана отшутилась:

— У меня от мата уши в трубочку сворачиваются, а вчера и волосы в процесс втянуло, спасибо Бастиону.

На самом деле, она вычитала в журнале «Люди», что «идеальная девушка должна терпимо относиться к мату и к Набокову, и старательно пыталась подогнать себя под определение. Но если к «Лолите», достать которую ей не удавалось, относиться терпимо было легко, то убогая и неизобретательная матерщина Бастиона вызывала раздражение.

Потом Снежана вскользь упомянула о том, что после мытья у нее локоны выются сами собой, и temu закрыли; только Настя еще какое-то время сокрушалась: везет же некоторым, а она столько усилий приложила, а в результате — ноль.

На эффектную блистательную Снежку засматривались все, кроме Стаса, ради которого она старалась, но который избегал девушек из 32 палаты, чем-то не угодивших ему вчера. «Сначала вы всех любите и вас все любят, и все идет хорошо. Потом вас все любят,

кроме одной, именно той, которую вы любите. И так всегда», — вспомнила высказывание трибуна Маяковского раздосадованная Снежана, и когда на открытии лагеря начались разные детсадовские игры и аттракционы, Стасу от нее хорошо досталось.

...Ему и Иванушке надели плотные повязки, чтобы ничего не было видно, и пустили в круг драться спальными мешками, лежащими в брезентовых торбах-чехлах. Подхватив третий, запасной, матерчатый цилиндр, на боку которого крупно и размашисто было написано шариковой ручкой «Мoj supermeschok», Снежка начала на радость зрителям «добавлять» то одному слепцу, то другому. Поскольку Стасу, как с самого начала и предполагалось, уделили гораздо больше внимания, то он под паровым молотом непрерывных ударов внезапно стащил завязанный платок и, получив напоследок особенно чувствительный завершающий «блямс!», схватил Снежку за руку. Он отобрал у нее супермешок, но, верный себе, не унизился до перебранки, а только криво усмехнулся и пошел умываться — из разбитого носа капало.

«Ну и наплевать, — подумала Снежана. — Пожалуй, пора устраивать побег из этого поганого лагеря: для пробы можно «дернуть» на дикий пляж, а то даже купаться не дают. Ремонт «лягушатника» у них не закончен — видите ли, то ли электрический ток к колючке не подведен, то ли капканы по периметру не расставлены... Не спохватятся! Вожатые еще плохо детей в лицо знают, а ключ смазан растительным маслом из огуречного салата, который давали на обед. По коням!!!»

— А-а-твори поскорее калитку и не стой в «тихий час», словно пень, не за-а-будь посветлее накидку и шляпень на головку надень, — напевала Снежана, отправляясь в свою палату. Там она быстро собралась, но махровое полотенце на плече выдало б ее намерения, и поэтому Снежка запрессовала его в крохотную сумочку, где уже лежал НЗ — неприкосновенный запас, состоявший из шоколадного батончика, до цвета которого она собиралась загореть, кошелек и модные солнцезащитные очки, поверх которых был положен набор фломастеров.

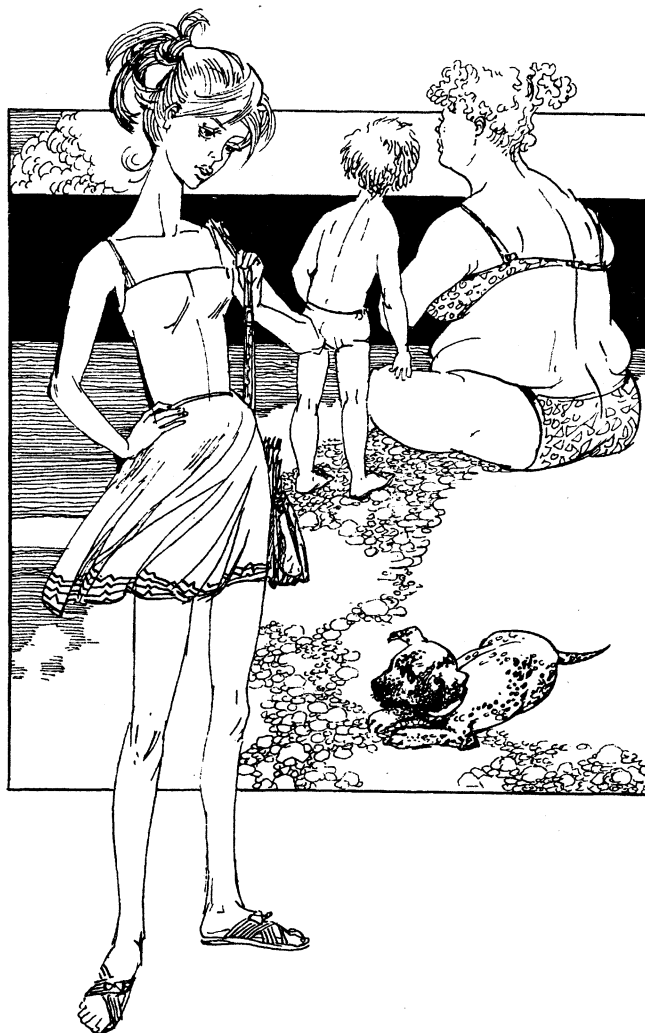
Как последняя совриголова, Снежана деловым тоном занятого человека сообщила Татьяне Петровне, что ее пригласили помочь сделать лагерную стенгазету, потому что она член литературного кружка своей школы. И это был единственный элемент правды в ее предвыборной речи. Красноречиво выпирающие из сумки фломастеры, футляр которых

прикрывал полотенце, косвенно подтверждали: да, стенгазета ждет! Конечно, можно было выбрать в наперсники разврата доверчивого Сан Саньча и отпроситься у него, но не пристало искать легких дорог.

Потом, зайдя в кусты, растущие вдоль ограждения, Снежана пробралась к «заветной дверце».

— Сим-сим, откройся! Пришли сорок Али-бабов, не считая прочих разбойников, — сказала Снежана замку, несколько уже поржавевшему от превратностей влажного морского климата.

Заросшая тропинка привела ее сначала к мостику через небольшой, но глубокий овраг, а потом на улицу, выводящую к городскому пляжу. Снежана взяла в пункте проката лежак и нашла место поближе к воде. Справа от нее расположилась толстая тенька, жировые складки которой выпирали из открытого купальника, ее сын лет трех-четырёх и собачонка, тоже в весьма нежном возрасте.

...Щенок-долматинец тяжело дышал, высунув язык, изнемогая от жары. Малыш подошел к нему бочком, но ему было плохо видно, и тогда он встал на четвереньки и, склонив круглую голову в панаме, попытался заглянуть вглубь собачьего организма.

— Собачка ротик открыла, и язычок выпал, — наконец поставил диагноз молодой естествоиспытатель, но основательней углубиться в научное исследование ему не дала испуганная мамаша, которая на несколько минут выпустила ребенка из поля зрения, а сейчас поспешно его арестовала.

Снежка подумала, отломила от своего шоколадного батончика половину, бросила собаке и пошла купаться. Она собрала целую гору медуз, в чем ей усердно помогал получивший пару шлепков и амнистии малыш. Синеватый кисель медуз не вызывал у него отвращения, наоборот, каждый студенистый парашютик он тщательно расправлял, когда укладывал в пирамидальную братскую могилу. Туда же он госпитализировал и пойманную им дохлую кефаль, плававшую вверх белым брюхом, в надежде на то, что она отлежится, приговаривая:

— Рыбка сознание потеряла.

Когда маленького пыхтуна забрала мама, чтобы идти одеваться, Снежка вернулась к своему лежаку.

Половинка несъеденного батончика, валявшаяся перед носом щенка, совсем сплавилась и размякла, но он так к ней и не притронулся. Если б съел, Снежка, наверное, не заинтересовалась бы его собачьей долей, но тут она почувствовала себя задетой, ведь ее внимание отвергал сегодня отнюдь не первый строптивец.

— Надо же, какие мы гордые, какие мы ко-мне-Мухтары, — сказала щенку девушка. — А может, ты уже сыт по горло?

Она оглянулась: пляж с приходом вечера начал пустеть — ни справа, ни слева уже никого не было.

— Точно, всех подъял!

Щенок лежал, уронив лобастую голову на передние лапы; один глаз у него совсем заплыл и зеленоватые капли гноя, вытекавшего из-под века, нитками засохли на грязной морде. Вид у собаки был настолько неприкаянно-госкливым, что Снежка наконец поняла: «Ничейненький! Потерялся, бедолага».

Девушка погладила страдальца по мягкой шерстке на загривке, а потом расстегнула дорогой кожаный ошейник, на котором оказалась пластинка из светлого металла. Сначала Снежка приняла его по цвету за алюминий, но, тщательно разглядывая, заметила на торце пробу «925» — пластинка была серебряной. Выгравированная на ней надпись, обильно украшенная завитушками, гласила: «Николаич! Прими на память. В.К.». По-видимому, хозяин брал и брызгами щенками, и тридцатью сребрениками.

Вообще-то Снежана собак не то, чтобы не любила, но относилась к ним безразлично, если болонка была миловидной, как Мэрилин Монро, и с опаской, если навстречу вели торпеду ротвейлера. Зато собачье племя обожал, по-видимому, красавчик Стас. Во всяком случае, те несколько скупых, как мужская слеза, слов, какие Снежана от него слышала, касались проблем собаководства. И хотя Снежка твердо решила, что с нее хватит, что она Стаса знать не желает, ей было любопытно, чего же он в этих созданиях нашел.

Девушка подхватила щенка под мягкий животик и понесла к воде принимать морские ванны, так как солнечных он уже напринимался и без нее. Она осторожно промыла соленой водой больной глаз, хотя ей чуть-чуть, ну самую малость, было противно; но, во-первых, она была дочерью сразу двух медиков: хирурга и терапевта, а, во-вторых, имея твердый характер и решив жалеть щенка, себя она уже не жалела.

Промокший щенок стал совсем страшненьким. Он выскочил на берег и затрясся там от холода. При этом попочка у него мелко-мелко дрожала, как желе на блюдечке. Снежке захотелось взять и выжать его, скручивая, будто мягкую игрушку, чтобы поскорее высох. Но собака стала отряхиваться сама и, возвращаясь к радостям жизни, даже пробежалась туда-сюда, правда, недалеко — до кургана из медуз — и непрерывно оглядываясь, не потерялась ли и новая хозяйка, и видит ли она, какой он боевой.

— Ладно, не безумствуй! Беру тебя в свою стаю.

В ответ на обращение к нему щенок жидко тявкнул.

— Как? Ты еще лаяться со мной будешь? А если раздумаю и не стану тебя усыновлять, блохастик? Последний, кого я пригрела в памперсном детстве, был майский жук по имени Филя. Я носила ему в спичечный коробок попить в наперстке и пыталась расчесать массажной щеткой усы... Ага, нервничаешь! Не любишь конкурентов. Да так и быть, зачисляю тебя в свои верные псы и нарекаю... ну, допустим... Микки. Фамилию сам выберешь потом из двух вариантов: Микки Маус и Микки Рурк.

Облагодетельствованный щенок, заправски подняв мягкую плюшевую лапу, пописал зазевавшейся Снежке на ступню. Пришлось ей напоследок еще раз искупаться, хотя следовало поспешить.

Девушка быстро собралась, пристегнула тоненький до символичности ремешок от шорт к ошейнику Микки и, выйдя с пляжа, начала оглядываться, где бы накормить наверняка голодного долматинца.

В метрах ста от пляжа, на набережной, она увидела корявую стрелку и надпись «Шышлыки», сделанную цветным мелом на асфальте. Проследовав в нужную сторону, Снежана набрела на мангал и пару

легких пластмассовых столиков, которые обслуживал грузный кавказец в заляпанном кетчупом переднике, не менее, чем Филя, усатый. Взятых с собой денег хватило на два шампура, положенных на бумажную тарелочку с гофрированными краями, и три кусочка зачерствевшего хлеба.

— «Ваша киска купила бы «Вискас»... Хозяйева киски купили бы виски... Чтоб запивать то мясо из миски... Что получилось из толстенькой киски...», — импровизировала на ходу будущая поэтесса Напару — такое псевдояпонское имя, а не пошлую кличку Совриголова, выбрала себе творческая натура Снежана Напольская, занимаясь в литературном кружке, который вел довольно известный писатель «виришплет», чье поэтическое наследие вызывало у Снежки тщательно скрываемый рвотный рефлекс своей фальшивой правильностью. Центральное место в его выпрессованном лексиконе занимало слово «Родина», на том же самом месте у Снежки значилась «уродина».

Здоровый глаз щенка неотрывно смотрел, как вожделенная еда снимается с железных штучек и горкой складывается на белый кругляш. Пахло от нее настолько влекущее-притягательно, что воздух тоже хотелось съесть.

Покормив собаку под оскорбленное ворчание шашлычника и купив в аптечном киоске неподалеку упаковку альбудида — глазных капель, Снежка вывела щенка на тайную тропу, ведущую в лагерь.

— Где же ты будешь жить, Микки? Если без подготовки привести тебя в палату, то ничем хорошим дело не кончится. Как насчет того, чтобы побыть одиноким волком, пока я не переведу тебя на легальное... или уместнее сказать, на легавое... положение? — спросила Снежка, проламываясь сквозь густые заросли лещины в овраге. Под мостиком нашлось подходящее логово: небольшое открытое пространство было огорожено с трех сторон бракованными железобетонными плитами, сваленными как попало с моста, и, загородив проход обломками досок, которые валялись тут же в куче другого хлама, Снежана сделала что-то вроде загончика. Постелив вместо матраса свое пляжное полотенце, девушка уже собралась уходить, но вернулась с найденной банкой из-под консервов «Иваси», загнула ее острые края и набрала проточной воды из ручейка, вихлявшегося по оврагу. «Альбунид закапан, навес от дождя сделан, вода есть. Что еще? Ошейник! Лучше его снять, чтобы не натирал», — подумала Снежана. В сумочку собаке украшение не входило, нечего было и пытаться затолкать его туда, и поэтому пришлось нести ошейник в руках, хотя это было неконспиративно.

Когда проверяясь, как матерый шпион, не видит

ли кто-нибудь ее эволюции у калитки, Снежана оказалась на территории лагеря на достаточно безопасном расстоянии от подозрительных мест, первым, на кого она набрела, оказался, к ее досаде, Стас. Целый день она пыталась не вспоминать о нем, но беспрестанно возвращалась к мыслям о том, почему он избегает не только ее, но и Настю с Фридой. И вот теперь, когда она справилась со своим чувством, и когда заботы о маленьком страдальце Микки занимали ее гораздо больше, чем все стасы лагеря вместе взятые, он стоял прямо перед ней и к тому же испытывал желание пообщаться:

— Откуда у тебя ошейник, Снежана?

«Ух, ты! Он, оказывается, и имя мое запомнил, а как тщательно скрывал», — с иронией подумала Снежка, а вслух сказала:

— Где ты увидел какой-то там ошейник? Ах, это! Это — дамское кольцо с оригинальным дизайном от Фаберже.

— Да будет тебе! Я в клубе собаководов занимаюсь. Что я, по-твоему, ошейник от пасхального яйца не отличу? Правда, они очень разными бывают: на «строгих», например, шипы внутренние вделаны, чтобы отучить собаку кидаться.

— И чего ты ко мне привязался? Ну, ошейник у меня, ошейник! Да! Вот! Татьяна Петровна выдала. Она считает, что всех ребят в отряде нужно держать на цепи, — огрызнулась Снежка и попыталась проскокить мимо Стаса. Он сдвинул свои ровные девичьи брови, ловко, как во время боя с мешками, схватил ее чуть повыше локтя и спросил:

— У тебя собака есть, милая? Пожалуй, я не ошибаюсь. Господи, а где ты ее держишь? Жара ведь!

— В чемодане, естественно.

— А второй твой чемодан не набит прищепками, чтобы пса мучить? — сказал Стас и еще больше нахмурился, а Снежана наконец-то с немалым облегчением поняла, почему он невзлюбил девочек из ее палаты.

— Думаешь, мне Кузьку ту несчастную не жалко было? — тихо спросила Снежана и решила. — Хорошо... Я тебе расскажу. У меня щенок есть — Микки... Скажи, раз ты специалист, собаке не вредно закапывать человеческие глазные капли?

— Заболел?

— Да. Я его сегодня на пляже нашла... Склонившись друг к другу, Стас и Снежана пошли к своему корпусу, обсуждая, в каком порядке они будут сбегать, чтобы кормить и прогуливать щенка. Ее руки он не отпускал.

«Ага, вот и первая парочка появилась. Рекорд сезона — в день открытия лагеря, — подумала вожатая Татьяна Петровна, наблюдая за ними с лоджии. — Прямо, хоть на цепи их держи!»

КОНКУРСЫ

СВЕРДЛОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
(ОТДЕЛ ПРИРОДЫ), ЖУРНАЛ «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» И
СВЕРДЛОВСКАЯ ФАБРИКА ИГРУШКИ ПРЕДСТАВЛЯЮТ:

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНКУРС «БЫЛИ-НЕБЫЛИЦЫ В ЦАРСТВЕ ЗВЕРЕЙ»

Неважно, сколько Вам лет. Неважно, где Вы живете и чем занимаетесь. Главное — Вы любите леса и поля, реки и озера, горы и небо и всех, кто их населяет. Главное — Вы любите природу.

— возьмите ручку и напишите сказку или историю про тех, кто летает, плавает, бегает или ползает

— достаньте краски и нарисуйте сказочную картинку из жизни животных

— попросите у мамы или бабушки нитку с иглой и сшейте вместе с ними самую фантастическую игрушку-зверушку

ОТПРАВЬТЕ ИХ К НАМ ПО ПОЧТЕ И ТОГДА...

— ваши самые веселые и добрые сказки вы встретите на страницах журнала «Уральский следопыт»!

— ваши самые красивые рисунки и игрушки окажутся на выставке в отделе природы Свердловского областного краеведческого музея!

— ваши игрушки-зверушки попадут в добрые руки мастеров с фабрики игрушек, и у них, быть может, появится много-много братиков и сестричек!

И ЭТО ЕЩЕ НЕ ВСЕ...

— 1 ноября 2000 г. будут подведены итоги конкурса и объявлены победители!

— авторы лучших произведений и работ будут награждены призами и грамотами!

— редакция журнала «Уральский следопыт» подготовит к изданию сборник сказок и рисунков «Были-небылицы в царстве зверей»!

РАБОТЫ ПРИНИМАЮТСЯ ПО АДРЕСАМ:

620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67. Редакция журнала «Уральский следопыт» (на конкурс)

620075, г. Екатеринбург, ул. Горького, 4. Областной краеведческий музей. Отдел природы (на конкурс).

ДЛЯ ТЕХ, КОМУ ЕЩЕ НЕ ИСПОЛНИЛОСЬ 18 ЛЕТ!

(Ежегодный фестиваль-конкурс юных дарований «АЛМАЗНЫЕ ГРАНИ»
(литературные номинации)

К участию в конкурсе принимаются произведения юных поэтов, прозаиков и публицистов. Тематика, объем и количество представляемых работ не ограничивается. Подведение итогов конкурса, объявление и награждение лауреатов состоится в мае 2001 года в г. Екатеринбурге.

Конкурсные работы принимаются до 10 мая 2001 года:

— в виде рукописей по почте: 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67. Редакция журнала «Уральский следопыт» (на конкурс «Алмазные грани»).

— в электронном виде по E-mail: info@uralstalker.ekaterinburg.com (на конкурс «Алмазные грани»)

Редакция журнала «Уральский следопыт» приглашает спонсоров (физические и юридические лица) для учреждения специальных призов и подарков. За справками обращаться в редакцию по тел.: (3432) 22-45-01 с 12.00 до 16.00 (кроме выходных).

УРАЛЬСКИЙ ISSN 094-241X
следопыт

8"2000

Учредитель:
000 «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакция:
Игорь КОЛЕСНИКОВ
(директор)
Олег ВОДОПЬЯНОВ
(зам. директора, редактор)
Юний ГОРБУНОВ
(зав. отделом истории и краеведения)
Анна КОСТРИКОВА
(художественный редактор)
Евгений ПЕРМЯКОВ
(зав. отделом фантастики)
Дмитрий БАХТЕРЕВ
(Интернет-версия журнала)
Нэлля СТАРИКОВА
(координатор проектов)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ,
Кир БУЛЫЧЁВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЁБИШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная вёрстка:
Анна КОСТРИКОВА

Адрес редакции: 620142,
Екатеринбург, ул. Декабристов, 67
Тел. редакции: (3432) 224-501
E-mail: info@uralstalker.ekaterinburg.com
Адрес в Интернете:
<http://uralstalker.ekaterinburg.com>

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 Министерством печати
и массовой информации РСФСР.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением
автора статей.
000 «Редакция журнала «Уральский следопыт»
обладает исключительным правом собственности на
логотип и название журнала.
По вопросам подписки и доставки обращаться в
районные отделения «Россыязинформа».

Подписано к печати 22.09.2000
Формат бумаги 84x108/16
Бумага газетная. Печать офсетная.
Тираж 1 500. Заказ № 891.
Все претензии по ошибкам в тексте
предъявлять редакции журнала
«Уральский следопыт».
Отпечатано в типографии
«Уральские военные вести».
Екатеринбург, ул. Народной воли, 62.

Рисунок на обложке Натальи ЕРМОЛАЕВОЙ
Цена свободная.

© 000 «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 8-2000

Издательство "УРАЛТРАНС" (Екатеринбург) представляет
новое издание для вас и ваших детей:
ЖУРНАЛ "ЁЖ И КОМПАНИЯ"!

Мы покупаем детям журналы, если вспоминаем, что сами когда-то читали такой журнал, если ребенок просит истории про знакомых персонажами из мультлика, и если хотим, чтобы у нашего ребенка был добрый и умный друг. Иногда мы покупаем что-то незнакомое и бываем приятно удивлены: такого в нашем детстве не было! Современный детский журнал должен не только веселить малыша, но и учить, заставлять творить, развивать. Посмотрите на те издания, что скопились на столе у вашего ребенка? Уверены, большую их часть можно без сожаления выкинуть. И такого никогда не случится с детским журналом под колючим названием «ЁЖиК», который скоро год как радует родителей, педагогов и детей нашей области. «ЁЖ и Компания» отличается от обычных изданий для детей и все плюсы мы готовы перечислить.

ЁЖИКА

- ЭТО:

- 1. Готовые развивающие игры на картоне.** То есть родителям, педагогам и детям приходит готовый(!) материал для работы и игры. Остается только разогнуть скрепки. Ребенок играет и учится. Даже самому маленькому малышу достаточно показать игру с правилами несколько раз и он будет заниматься с ней самостоятельно, самостоятельно учась читать, считать, классифицировать. Как и любая картонная игра, умные игры из «ЁЖиКа» могут храниться в семье годами и передаваться по наследству. Каждая игра имеет несколько вариантов правил и рассчитана на самый широкий круг игроков.
- 2. В каждом номере что-то новое и необычное!** С «ЁжиКом» никогда не бывает скучно. Большой постер, книжка-малышка, расписание уроков, песенка с нотами и прочие сюрпризы вкладываются внутрь номера и получается журнал с подарком. Всегда множество конкурсов и ответы на ВСЕ приходящих в редакцию письма. Через журнал можно совершенно бесплатно поздравить (с публикацией фотографии) с Днем рождения любого ребенка — это ли не лучший подарок! Все подписные талоны на 2001 год участвуют в большом розыгрыше призов, главный из которых — ВЕЛОСИПЕД! Уже заготовлено множество поощрительных подарков. Радовать, приятно удивлять КАЖДОГО читателя — это кредо нового журнала.
- 3. Обучение с развлечением.** Очень популярная и полезная направленность выдерживается на протяжении всего журнала. Практически к каждому материалу есть развивающие игровые задания, причем их можно адаптировать для возраста от 2 до 14 лет! В журнале охвачены самые разнообразные направления образования и развития: геометрия, математика, развитие речи, рисование, литература, география и т.д. Родителей найдут для себя специальную взрослую газету «Кухня для родителей».
- 4. Авторы и художники.** К работе привлекаются самые современные и лучшие писатели и иллюстраторы. Требования — для детей лучше чем везде! Кроме известных москвичей (И. Гамазкова, М. Есеновский, Ю. Вийра, С. Георгиев, С. Востоков) местные авторы, юнкоры. В оформлении широко используются слайды (никакой российский журнал для детей пока не использует студийные съемки, слайд на обложку, считая, что это дорогое удовольствие только для взрослых изданий).
- 5. Отличная полиграфия.** Журнал печатается на полиграфической базе Издательского дома «Уралтранс», на самой современной технике.

Журнал стоит ненамного дороже любого другого детского издания, а если учесть, что внутри вы найдете картонную вкладку, газету для родителей, постер, то поймете, как легко и просто вы приобрели нового настоящего друга.

Подписной индекс журнала «ЁЖиК» в областном каталоге 99041.

Адрес редакции: Екатеринбург, ул.Посадская 21-235. Тел. (3432) 230-383. E-mail: ezik@ut.telenet.ru. Отдельные номера журнала можно заказать по Интернету:

<http://ut.telenet.ru/ezikshop>.

